

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 9 ФЕВРАЛЬ 1979

РУКИ ПРОЧЬ ОТ В

Митинг солидарности с народом Вьетнама на Московском станкостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе.

Фото А. БОЧИНИНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 9 (2694)

24 ФЕВРАЛЯ 1979

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

17 февраля вооруженные силы Китая вторглись на территорию Социалистической Республики Вьетнам.

Агрессия Пекина против социалистического Вьетнама является прямым результатом политики шантажа и давления, которую китайские власти проводили в течение ряда лет в отношении Юго-Восточной Азии вообще и в отношении Вьетнама в особенности. Пекинские лидеры открыто заявляют, что хотят «наказать» Вьетнам, который проводит самостоятельную политику и не только отказался содействовать китайской экспансии в Юго-Восточной Азии, но и стал серьезным препятствием осуществлению гегемонистских замыслов Пекина.

Китайская верхушка не желает примириться с тем, что народ Кампучии сбросил кровавый палаческий режим Пол Пота и восстановил дружественные отношения с соседним Вьетнамом. Использовать это как повод для агрессии — путь, который, как показывает история, приводит агрессора к бесславному, позорному концу.

Нападение Китая на Вьетнам лишний раз свидетельствует, насколько безответственно относятся в Пекине к судьбам мира, с какой преступной легкостью китайское руководство пускает в ход оружие.

Вторжение китайских войск во Вьетнам, который лишь недавно отразил внешнюю агрессию, не может оставить равнодушными ни одного честного человека в мире, ни одно суверенное государство. Эти агрессивные действия, идущие вразрез с принципами ООН, грубо нарушающие международное право, разоблачают перед всем миром подлинную сущность гегемонистской политики Пекина в Юго-Восточной Азии. Любое попустительство такой политике — это попустительство насилию и диктату, попустительство попыткам китайского руководства ввергнуть мир в войну. Нападение на СРВ показало также, чего стоят разглагольствования китайских руководителей о защите интересов малых и средних государств, «заступником» которых пытается выдавать себя Пекин.

Героический вьетнамский народ, ставший жертвой новой агрессии, способен постоять за себя и на этот раз, тем более что у него надежные друзья. Советский Союз выполнит обязательства, взятые на себя по Договору о дружбе и сотрудничестве между СССР и СРВ.

Тем, кто определяет политику в Пекине, следует остановиться, пока не поздно. Китайскому народу, как и другим народам, нужен мир, а не война. Ответственность за последствия продолжения Пекином агрессии в отношении Социалистической Республики Вьетнам полностью ляжет на нынешнее руководство Китая.

Советский Союз решительно требует прекращения агрессии и незамедлительного вывода китайских войск с территории Социалистической Республики Вьетнам.

Руки прочь от социалистического Вьетнама!

ВЬЕТНАМА!

На встрече с земляками.

Среди избирателей.

ДОВЕРИЕ

П. СПИРИДОНОВ,
директор совхоза «Борец», Московской области

Предвыборная кампания в разгаре, она помогает лучше понять происходящие в стране события, по-новому увидеть людей, работающих рядом. Будучи доверенным лицом нашего кандидата в депутаты Верховного Совета СССР, я не раз уже рассказывал на собраниях о звеньевом Владимире Алексеевиче Сакулине. Он местный, родился в нашем Дмитровском районе, работает у нас в совхозе уже семнадцать лет, так что многие избиратели хорошо знают и его родителей — крестьян из села Игнатова, и его самого, тракториста высокой квалификации, а теперь звеньевого механизированного звена на севообороте. Прекрасный человек, отличный товарищ и знающий, авторитетный механизатор — так я характеризую В. А. Сакулина в ходе предвыборных встреч с избирателями.

Из года в год звено Владимира Алексеевича добивается высоких урожаев и других экономи-

Фото Б. КУЗЬМИНА

Звеньевой готовится к весне! В. А. Сакулин и инженер-механик совхоза В. М. Корнеев.

ческих показателей. В минувшем году, например, звено вырастило и собрало в среднем по тридцати одному центнеру зерна с гектара, по двести десять — картофеля, по пятьсот пятьдесят — корнеплодов, по шестьдесят пять центнеров сена с гектара, а силосной массы — по триста семьдесят! Это очень хорошие урожаи главных культур севооборота для Подмосковья!

Владимир Алексеевич беззаветно любит землю и каждодневный крестьянский труд на земле. На тракторе МТЗ-52 он свою пятилетку выполнил досрочно! Он признанный мастер урожаев — пять медалей ВДНХ тому подтверждение! Наш кандидат в депутаты — кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени, он член городского комитета партии.

Первый секретарь Дмитровского горкома КПСС Владимир Александрович Новоселов, который прекрасно знает очень многих тружеников района, говорит о знаменитом звеньевом: «Владимир Алексеевич из тех людей, у которых слово никогда не расходится с делом. Он человек скромный, надежный, настоящий коммунист». Да, на таких специалистах и организаторах, как звеньевой В. А. Сакулин, сегодня мир держится, они помогают району и всей столичной области успешно выполнить задания десятой пятилетки. Думаю, избиратели единогласно проголосуют за хорошо известного им земляка Владимира Алексеевича Сакулина, достойного представлять трудящихся в высшем органе государственной власти.

ИХ ИМЕНА НАЗВАЛ НАРОД

И СНОВА МАРЧЕНКО

Есть люди, которые сразу, с первого знакомства вызывают доверие. Встретишься с таким человеком, обменяешься несколькими фразами, и ты уже уверен, что можешь вести с ним откровенный разговор, что он тебя поймет, даст добрый совет, порадуется успеху товарища, близко к сердцу примет горе друга. Вот такой знают Надежду Ивановну Марченко все, кто когда-нибудь встречался с нею на работе, дома, по партийным, общественным и депутатским делам.

Она прошла большую школу жизни. Еще в годы войны четырнадцатилетней девчонкой начала работать на военном заводе. Ей пришлось взбираться на специально для нее сделанную скамеечку, чтобы дотянуться до пресса: здесь делали противотанковые мины.

Приехав в Киев, Марченко пошла работать в чугунолитейный цех завода «Большевик». И снова на самый трудный участок. Как она вошла в новый коллектив, можно судить по тому, что избрали ее, совсем еще девчонку, председателем женсовета. С тех пор, вот уже около четверти века, Надежда Ивановна — в самой гуще общественной жизни. Семь раз подряд ее избирали депутатом Киевского городского Совета, она была членом исполкома горсовета, горкома партии, делегатом XXIII и XXIV съездов КПСС.

И все эти годы Н. И. Марченко остается верна своей нелегкой рабочей профессии. Правда, в последние годы Надежде Ивановне уже не приходится вручную перемолачивать тяжелую формовочную смесь, наливать ее в формы, утрамбовывать. Теперь уже литейная совсем не та, какой она была в пору, когда Марченко пришла в цех. Сейчас тут появились формовочные конвейеры, механизмы, облегчающие труд. И в этом немало заслуг Надежды Ивановны, бригадира стержневого отделения, многое сделавшей для внедрения новой технологии.

Четыре года назад товарищи по работе назвали Н. И. Марченко кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Ныне они вновь предложили избрать ее депутатом в высший орган Советской власти.

С. КАЛИНИЧЕВ

Надежда Ивановна Марченко.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

РУКИ ПРОЧЬ ОТ ВЬЕТНАМА!

Юрий КОРНИЛОВ

Снаряды и бомбы с клеймом «Сделано в Китае» рвутся на многострадальной и героической вьетнамской земле. По приказу из Пекина китайская военщина, используя бронетанковые войска, артиллерию, пехоту, при поддержке военно-воздушных сил развернула военные действия на всей линии вьетнамско-китайской границы и вторглась на территорию СРВ. Пекинские правители, как бы перехватив эстафету у империалистических кругов США, начали против социалистического Вьетнама агрессивную, преступную войну.

Политика военного давления, наглых провокаций и угроз, которую Пекин проводит в отношении СРВ, началась не сегодня и не вчера. Единый социалистический Вьетнам, который является серьезным препятствием осуществлению гегемонистских замыслов Пекина, давно уже — бельмо на глазу у китайских правителей, охваченных великодержавными амбициями. Экономический нажим, бряцание оружием, самая оголтелая клевета — все было пущено в ход пекинской верхушкой, чтобы заставить Вьетнам отказаться от самостоятельной политики. За период с 1974 по 1977 год зафиксировано почти 2200 случаев китайских провокаций на границах с СРВ, за два года (1975—1977) китайские корабли 1500 раз нарушали территориальные воды Вьетнама, только в 1978 году имело место около 600 случаев вооруженных нарушений китайской стороной территориальной целостности Вьетнама. Не добившись цели ни с помощью нажима и шантажа, ни путем вооруженных провокаций, пекинские гегемонисты развязали массированную агрессию против СРВ. Эта агрессия лишний раз свидетельствует, насколько безответственно относятся в Пекине к судьбам мира, с какой преступной легкостью китайское руководство пускает в ход оружие. «Пекин — этот жандарм Азии — пытается осуществить сейчас во Вьетнаме то, что не удалось американским интервентам»,— с полным основанием констатирует чехословацкая газета «Праца».

Пытаясь прикрыть агрессивный экспансионистский характер своих действий, пекинская верхушка усиленно раздувает клеветническую пропагандистскую шумиху о так называемой агрессии «вьетнамского регионального экспансионизма против Китая». Абсурдность этих вымыслов, сфабрикованных на китайских пропагандистских кухнях, очевидна каждому: хорошо известно, что Социалистическая Республика Вьетнам, последовательно выступающая за национальную независимость, за мир, никогда не угрожала и не собиралась угрожать Китаю. В действительности речь идет не об этой мифической угрозе, а о стремлении пекинских правителей силой оружия поставить на колени независимый Вьетнам; речь идет о том, что китайская экспансия в Юго-Восточной Азии вступила в свою практическую стадию. «Совершая агрессию против Вьетнама, правящие круги Китая выступили против всей социалистической системы, против движения национальной независимости, подрывают мир и стабильность в Юго-Восточной Азии и во всем мире»,— отмечается в заявлении правительства СРВ по поводу агрессивной войны, развязанной пекинскими правителями.

И это действительно так: разбойничья агрессия Пекина против социалистического Вьетнама еще раз подтверждает, что пекинская верхушка, действующая в одной упряжке с самыми реакционными агрессивными кругами империализма, рассматривает Юго-Восточную Азию как зону, в которой в конечном счете должно быть установлено господство Китая, как плацдарм для овладения в перспективе всей Азией. И к каким только методам не прибегают в Пекине, дабы обеспечить такое влияние! Тут и неприкрытые угрозы в адрес соседних стран, и поддержка всякого рода подрывных антиправительственных групп, угнездившихся на территории ряда азиатских государств, и использование китайской эмиграции, так называемых «хуацяо», в рядах которой Пекин усиленно сколачивает собственную «пятую колонну». Методы разные, а цель одна: запугать соседние страны и народы, принудить их к отказу от своей независимости, к коленопреклонению перед современными китайскими богдыханами. Уместно напомнить, что за последние 20 лет Пекин предъявил своим соседям притязания на земельные площади, составляющие примерно половину самого Китая. В 1956 году пекинские правители пытались силой присвоить 170 тысяч квадратных километров бирманской территории, в 1959 году объектом китайских вожделений стало свыше 130 тысяч квадратных километров индийских владений, в 1974 году китайские милитаристы захватили Парасельские острова...

Проводя великодержавную экспансионистскую политику, пекинская верхушка все больше смыкается с империализмом, ищет поддержки своих агрессивных действий у милитаристов НАТО, пытается опереться на натовские военные арсеналы. В эти дни, комментируя развязанную Пекином массированную вооруженную агрессию против СРВ, многие наблюдатели обращают внимание на тот факт, что эта агрессия последовала сразу же после официальной поездки Дэн Сяопина в США, правящие круги которых предоставили эмиссару Пекина широкую трибуну для яростных атак на разрядку, для клеветы и угроз в адрес социалистических государств, в том числе и в адрес Вьетнама. Не дав четкого и решительного отпора антисоветской клевете и поджигательским речам Дэна, Вашингтон молчаливо одобрил их и поощрил Пекин на интервенцию против Вьетнама, — подчеркивается в заявлении Коммунистической партии США.

Советский народ, народы братских социалистических государств, все миролюбивые и свободолюбивые народы мира клеймят позором гегемонизм правящих кругов Пекина, гневно осуждают агрессивную войну, развязанную ими против СРВ, решительно требуют прекращения агрессии и незамедлительного вывода китайских войск с вьетнамской земли. Руки прочь от социалистического Вьетнама!

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КАМПУЧИЯ

КРЕПНЕТ НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ

Таблички с надписью «Народный комитет самоуправления» появились на зданиях в городских районах и в деревнях Кампучии совсем недавно. Однако эти органы народной власти уже превратились в подлинные штабы по руководству экономической и общественной жизнью. Нескончаемым потоком идут сюда крестьяне, рабочие, представители интеллигенции, чтобы получить направление на работу, обсудить вопросы дальнейшей нормализации жизни.

Во главе комитетов — подлинные революционеры, подвергавшиеся преследованиям в годы правления

пропекинской клики, организаторы борьбы за свержение режима. Народные комитеты руководят восстановлением предприятий, расчисткой улиц в городах, уборкой урожая, который в этом году выдался неплохим. Большое внимание уделяется нормализации жизни населения, обеспечению его продовольствием, медицинской помощью. В ряде деревень созданы группы по ликвидации неграмотности.

Комитеты формируют отряды самообороны и народной милиции для обеспечения безопасности и общественного порядка. В них вступают добровольцами тысячи юношей и девушек, которые полны решимости защищать завоевания революции. На глазах оживает древняя столица Кампучии Пномпень. Городская электростанция наращивает свою мощность. Восстанавливается промышленный сектор.

На снимке: жители освобожденной Кампучии возвращаются в родные места из так называемых «коммун», куда они были согнаны режимом Пол Пота—Иенг Сари.

КИТАЙ

ПРОТИВ ПРОИЗВОЛА

Шанхай, крупнейший город Китая, похож на разбуженный муравейник. Демонстранты заполнили его центральные улицы. Их тысячи, молодых людей, съехавшихся в город из отдаленных районов, куда они были насильственно высланы маоистами под предлогом «прохождения трудовой закалки в деревне». По свидетельству печати, только из Шанхая было отправлено в сельскую местность свыше миллиона человек. Теперь молодые люди требуют от властей возвращения в родные места и предоставления им работы. Юноши и девушки протестуют против гонений и преследований, против систематической принудительной отправки в сельские и отдаленные районы.

Китайская печать, пытаясь скрыть растущие масштабы недовольства, охватившего страну, требует применения репрессивных мер к манифестантам. Шанхайская газета «Цзефан жибао» прямо призывает «применять меры наказания» в отношении лиц, проявляющих возмущение произволом китайских властей.

ФРГ

ОДУРАЧЕННЫЕ ЛЮДИ

Экзальтированные молодые люди вздымают руки вверх и молятся. Они называют себя «дети бога», поклоняются Христу и своему пророку, основателю секты Дэвиду Бергу, который предрекает конец света и обещает своим последователям привести их в грядущее царство святых.

А в это же время полиция разыскивает по всему свету главаря секты. Еще в 1975 году прокурор Нью-Йорка выдвинул против Берга, который зовет себя то «Дэвид Мозес», то «Дядя Мо», обвинение в «совращении малолетних, изнасиловании и шантаже». С тех пор Дэвид Мозес постоянно находится в бегах (в последнее время его видели на острове Тенерифе и в Португалии). Тем не менее этому бородатому американцу, объявившему себя «наместником Иисуса Христа на земле», удалось превратить свою секту в процветающее предприятие, основным источником дохода которого служат попрошайничество и проституция.

70 тысяч молодых людей в сорока странах безоговорочно подчиняются человеку, которого никогда не видели. Единственное, что они знают о нем,— это его писания, так называемые «письма Мо».

Члены секты в ФРГ живут в шестидесяти «колониях». Это жилища, в которых обитает до десяти человек. «Пастырь колонии» возглавляет группу. Члены групп полностью подчиняются ему, он же принимает за них все решения. Чтобы стать членом секты «Дети бога», необходимо немедленно бросить работу или учебу, переписать на имя секты все свои сбережения и имущество, равно как и ожидаемое наследство. И послушники отдают все. У них остается лишь одежда, которую они принесли с собой.

Дэвид Мозес живет припеваючи, в роскоши и богатстве, в окружении многочисленных спутниц. Его состояние ныне достигло 20 миллионов марок. Но для членов секты он «отшельник, который живет скромно и много молится».

Почему же тянется молодежь Запада в лоно разных сент и культов? Бездуховность мира капитала, жестокая конкуренция, безработица и бесперспективность заставляют молодых людей искать какую-то отдушину. Вот здесь-то и появляются ловцы юных душ.

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

ФРАНЦИЯ

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

Все чаще в центре Парижа появляются молодые люди в мотоциклетных шлемах, которые, размахивая железными прутьями, крушат все, что попадается им под руку. Сыплются осколки витрин, падают разбитые автоматы для продажи сигарет и спичек, трещат газетные и табачные киоски.

Члены анархистских групп выражают таким образом свой протест против власть имущих. Это у них называется «борьба с капитализмом». Кому это выгодно, на чью мельницу льют они воду? Ответ приходит сам собой. Стремление посеять страх у населения, вызвать атмосферу неуверенности и отчаяния на руку только правым силам. Разве табачный автомат порождает капиталистическую несправедливость и эксплуатацию?

ОСТАНОВИТЬ ПЕКИНСКИХ АГРЕССОРОВ!

Б. ЛАБУТИН

Боль сжимает сердце. Вспоминаю своих вьетнамских друзей, студентов московских вузов, перед их возвращением на родину, только что победившую американских агрессоров. Сколько дерзких проектов, энергии, жажды созидать везли они домой! Помню людской водоворот на улицах Хайфона и Ханоя, радость мирного труда, к которому вернулась страна, помню чистое небо Вьетнама. Сейчас его снова обложили тучи войны.

С северной границы Вьетнама поступают сообщения о кровопролитных боях. Китайская военщина совершает жестокие преступления против местного населения, льется кровь, гибнут люди, наносится огромный материальный ущерб.

Антивьетнамские действия Пекина, предпринятые до этого вероломного акта, выстраиваются в четкий, без сомнения, давно выношенный в маоистском логове план — план агрессии.

Вначале была ложь. Наглая, беспардонная. «Во Вьетнаме преследуют лиц китайской национальности!» — возопил Пекин в мае прошлого года. 130 тысяч хуацяо—вьетнамцев по гражданству и китайцев по происхождению — покинули СРВ, поддавшись медовым посулам и ледяным угрозам маоистской пропаганды. Страна лишилась многих специалистов, квалифицированных рабочих в тот момент, когда на счету каждая пара рабочих рук.

Июль. Китай прекратил экономическую помощь Вьетнаму, отозвал всех технических специалистов и разорвал соглашения об экономическом сотрудничестве с СРВ.

Август. Передо мной мелькают кадры вьетнамской кинохроники, снятые в Хыунги, контрольно-пропускном пункте на границе с Китаем. Тысячи людей скопились под открытым небом, под навесами из палок и простыней. Теснота, антисанитария. Вьетнамские врачи оказывают медицинскую помощь старикам, женщинам, детям. Это хуацяо, решившие перейти на ту сторону, но их не пускают... сами китайские пограничники. С той стороны граница закрыта. Пекинские лидеры, только что проливавшие крокодиловы слезы о судьбе своих «соотечественников», замыслили уже другое. И 25 августа сотни китайских солдат, переодетых в гражданское, напали на Хыунги. Камера показывает ножи, топоры, железные прутья, которыми они были вооружены. Истекает кровью 17-летний вьетнамский пограничник Ле Зуй Чинь, одна из жертв преступной авантюры. Допрашивают взятого в плен китайского солдата. Наглое лицо, пустые глаза. «Для чего вы переоделись?» — задают ему вопрос. «Нам приказали: чтобы получилось так, будто сами хуацяо напали на вьетнамских пограничников».

В последнее время диверсии на границе с Вьетнамом не прекращались ни на день. Только в январе китайские солдаты 113 раз обстреливали территорию страны, убили 24 вьетнамца и 43 ранили, а 9 вьетнамских граждан были захвачены в плен.

Какое объяснение этому, хотя бы формальное, мог дать Пекин? Никакого! Им двигала лишь ненависть к стране, которая отвергла его великодержавные устремления, не свернула с марксистско-ленинского курса и сохранила братские отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

— Линия современной вьетнамо-китайской границы была определена конвенциями, подписанными в 1887 и 1895 годах французским правительством и тогдашними китайскими императорами династии Цин,— рассказал на недавней пресс-конференции в Москве посол СРВ в СССР Нгуен Хыу Кхиеу.— В 1957—1958 годах ее признали ЦК Партии трудящихся Вьетнама и ЦК Компартии Китая, уточнив, что любой спор, если он возникнет, будет решен путем переговоров. Но с 1974 года и особенно год спустя, после нашей победы над империализмом США, китайская сторона все чаще провоцировала пограничные инциденты. Мы не раз предлагали урегулировать проблему мирным путем и всегда встречали отказ.

А Пекин тем временем трубил об «угрозе» со стороны Вьетнама, о его стремлении к «гегемонии». Взгляните на карту. Как может угрожать Вьетнам государству, которое без малого в 30 раз превосходит его по территории и почти в 20 раз — по численности населения? Какая гнусность — обвинять в «агрессивных замыслах» страну, где еще так свежи следы войны!

Под барабанный пропагандистский бой Пекин сначала натравил на Вьетнам своих ставленников в Пномпене. Но в результате восстания кампучийского народа режим Пол Пота рухнул. Тогда Китай начал стягивать к вьетнамской границе войска. Сюда были направлены и части, которые Пекин держал на тихоокеанском побережье на случай вторжения с Тайваня. Теперь, в результате сговора маоистских лидеров с США, надобность держать здесь «стражу» отпала, а войска посланы против социалистического Вьетнама. Метаморфоза, возможная, пожалуй, только в сегодняшнем Китае!

И вот маска окончательно сброшена.

наш современник

РАЗВЕДЧИК НЕФТИ

Сергея Долгушина — его фотография на первой обложке этого номера «Огонька» — я впервые увидел еще в вертолете. Вахту «везли» из Мегиона на буровую Р-118. Это на Ван-Ёгане. Со сменой летел и мастер Василий Семенович Литвиненко. Ему не терпелось познакомить корреспондентов с молодыми бурильщиками и девушками-коллекторами. Но голос его заглушал грохочущий двигатель. Василий Семенович, страдающий от вынужденного безделья, через полчаса полета выразительно скосил глаза на статного парня в ржавой, как у всех, брезентовой штормовке. В ногах не рюкзак — авоська с книгами, как я понял тогда же, с учебниками. Взгляд бурового мастера передавал мне на расстоянии вполне доступную для скорой расшифровки мысль: «Герой возможной статьи...»

В самом деле, на земле я убедился, что Сергея Долгушина можно назвать героем нашего времени. Судите сами. Искать легендарную тюменскую нефть приехал добровольно, попросил направить в нефтеразведку, а на это надо было решиться, потому что к 1973 году даже приезжие знали, что нефтедобытчиком быть не то чтобы легче, но надежнее как-то, им город строят, у них и дороги бетонные, и план на Самотлоре с лихвой обеспечен, и заработки подходящие. А разведка есть разведка, тут никакой ясности, сплошная романтика — бездорожье, костры, ночи в балка́х, и так до тех пор, пока черный фонтан не взлетит. А нет фонтана — шагай дальше, и не налегке, с гитарой и теодолитом, а перетаскивай свою буровую!..

Так вот Сергей Долгушин — рядовой армии нефтегазоразведчиков. Начинал, как все, с бурильщика. Сейчас — помбур. Правая рука знаменитого в Мегионе мастера Литвиненко. Сергей — коммунист. Член комитета ВЛКСМ орденоносного объединения «Мегионнефтегазгеология». Член городского комитета партии. А учебники возит на вахту потому, что он еще и студент-заочник, учится в саратовском политехникуме. Жить там, где Сергей живет, и отрабатывать те вахты, что достаются первопроходцам на бескрайних просторах Заобья, и еще учиться заочно,— согласитесь, очень непросто. Но Сергей живет, работает, учится.

Что же еще о Сергее Долгушине? Герои молчаливы и скромны. Сергей молчал. Выручила Валентина Ивановна, повар бригады, она крикнула всех прилетевших обедать. Первым на голос ее бросился Мурзик. Мы пошли за ним. Мурзик — славный, смешной пес, почти чистокровная лайка, но, как выяснилось, носить это звание Мурзик недостоин. Почему? Об этом за столом рассказал Сергей:

— Избаловался на вольных харчах. Лайка не просто порода, это как высшее охотничье звание. Я сам сибиряк, родом из Тобольска, так что понимаю... А сюда после армии приехал. Не усидел дома, хотя и в Тобольске такие дела разворачиваются!.. Но вся страна едет на Самотлор, в Сургут и Нижневартовск, самолеты летят, для поездов дорогу ведут... А я же сибиряк, и места эти, по существу, мои, моя родина И нефть тоже наша, сибирская. Так что демобилизовался — и в разведку подался. А Мурзик вот плохой патриот. Отец у него был Шарик, тот, скажу я вам, настоящий был охотник. Хотя и стар, но дичь из воды таскал! Безотказный, сто километров по болотам ему нипочем, а Мурзик, как на свет появился, так понял, что дальше столовой бегать не обязательно. Он любит движок послушать, любит прокатиться с Колей Автаевым на вездеходе. Или поиграть с коллекторами, с Верой вот, например. А как услышит, что Валентина Ивановна хлеб нарезает, он первый ждет у двери столовой. Портит цивилизация, впрочем она иногда и людей портит...

Так неожиданно закончил помбур рассказ о смышленом Мурзике. И встал решительно — высокий, красивый. Пора было на буровую. Мурзик тоже засобирался, хотя бы проводить по лежневке, где не сыро и не очень грязно. Вокруг ногой не ступить, топи непролазные, но это, конечно, летом, а зимой благодать: дед-мороз надежно мостит!

Вот так и живут нефтеразведчики; вахты сменяют друг друга. Мастер Василий Семенович Литвиненко, повар Валентина Ивановна Люгаева, дизелист Валентин Васильевский, водитель вездехода-тягача, ветеран мегионской разведки (был здесь еще в 1965 году!) Николай Андреевич Атаев, а еще бурильщик Юра да коллектор Вера — их много было тогда, дружных, молодых, острых на язык, многотерпеливых парней и девчат на буровой Р-118. А еще был Егор Иванович Горбатов, инженер, после института с этой бригадой на буровой работал. Начинал с «верхового», так сказать, от нуля, прошел выучку в бригаде Литвиненко, а сейчас он в Мегионе — избран секретарем парткома объединения. Это он, Егор Иванович, отличил Долгушина среди приезжих, посоветовал парню, не теряя времени, учиться, рекомендовал в партию и на свадьбе его гулял, как и вся бригада.

...В балке́ мастер работал на рации: «Адаптер! Адаптер-один! Прием!..» Надо было передать сводку, сколько метров прошли. Литвиненко был озабочен: не вытанцовывается план, хоть ты что делай... Предыдущая точка куда счастливее была! А Р-118 уже успела раз провалиться сквозь землю. Люди хоть целы остались... Мастер с кем-то спорил, уставясь невидяще в рацию:

— Лучше пришлите «Мишу» с емкостью! Погода? У нас? Еще не знаю, собак не видел... Как это при чем тут собаки? Собака валяется — вёдро не постоит!..

Я глянул в дверной проем. Мурзик не валялся. Может быть, не хотелось или не знал старых примет...

Мы улетели. Внизу, словно в танце, плавно вращалась буровая вышка. Она отплывала все дальше, погружаясь в разбавленный синькой вечер. Потом скрылась. Остались глубоко на земле огни Р-118. Там работали, доставая для геологов керн за керном, Сергей Долгушин и его товарищи. Разведчики нефтеносных горизонтов. А позже я получил телефонограмму: передовая бригада Литвиненко успешно бурит на Сороминском месторождении, которое считается спутником Самотлора.

Н. БЫКОВ

А. В. ВИКТОРОВ,
секретарь ВЦСПС

интервью «огонька»

ЧЕЛОВЕК В САДУ

СВЫШЕ ТРЕХ МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК ЗАНИМАЮТСЯ КОЛЛЕКТИВНЫМ САДОВОДСТВОМ И ОГОРОДНИЧЕСТВОМ ● КАК СНИМАЮТ «ДВА УРОЖАЯ»! ● ЧТО НОВОГО В УСТАВЕ САДОВОДЧЕСКИХ ТОВАРИЩЕСТВ!

На страницах «Огонька» не раз публиковались письма читателей о коллективных садах и огородах, о садоводческих товариществах рабочих и служащих.

Большое внимание организации коллективных садов уделяют советские профсоюзы. Корреспондент «Огонька» обратился к секретарю ВЦСПС Алексею Васильевичу Викторову с просьбой ответить на вопросы, связанные с дальнейшим развитием коллективного садоводства.

— Алексей Васильевич, хотелось бы начать нашу беседу с вопроса о том, кто предоставляет землю для коллективных садов, на каких условиях, кто может быть членом товарищества, словом, с самых азов. Ну скажем, почему сады называются коллективными? Ведь каждому члену товарищества предоставляется для пользования отдельный участок. И трудится там он лишь со своей семьей.

Расскажите о том, что же это такое — коллективный сад?

— Вы не первый задаете такой вопрос. Начну с того, что администрация и фабком, завком или местком профсоюза совместным решением выделяют рабочему, служащему, пенсионеру, ранее трудившемуся на данном предприятии, земельный участок для пользования. Земля же, в свою очередь, предоставляется предприятию Советом народных депутатов. Лишь после происходит оформление в члены товарищества. Почему я начинаю именно с этого? Дело в том, что свободной земли вблизи городов, промышленных центров немного. Правда, есть и пустующие площади, но они обыкновенно предназначаются для перспективного строительства. Может быть, по плану на них будут воздвигнуты жилые массивы, может, завод или фабрика, больница или школа. Во всяком случае, претендовать на подобные земли, даже если стройка намечается через десять—пятнадцать лет, садоводы не могут. Представляете? Нарежут землю на садово-огородные участки, люди посадят фруктовые деревья, дождутся первого урожая, а тут время стройку начинать. Деревья придется выкорчевывать или вырубать. Значит, рассчитывать на подобные свободные земли не приходится. Надо находить такие земли, которые неудобны ни для стройки, ни для большого земледелия. Не всех, к сожалению, желающих заняться коллективным садоводством мы сегодня можем удовлетворить. Распределение участков производится гласно, при широком участии профсоюзного актива, всех желающих получить участки и тех, кто просто хочет внести свою лепту в обсуждение этого вопроса.

Ясно, что в первую очередь стараются удовлетворить запросы передовиков производства, ветеранов труда, участников Великой Отечественной войны. Всегда ли земля попадает в добрые руки?

Вот результат одного любопытного социологического исследования. На одном крупном предприятии пошли разговоры, что садоводы используют участки для возможности гульнуть на лоне природы. Даже назвали фамилии якобы попавших прямо с садово-огородного участка в медвытрезвитель. Произвели тщательнейшее расследование, установили, что среди членов садоводческого товарищества нет и никогда не было ни одного алкоголика, ни один не попадал в вытрезвитель, ни у одного нет взысканий и т. д. и т. п. Попутно посмотрели еще несколько предприятий, и там такая же картина: садоводством занимаются передовые и дисциплинированные труженики.

Представьте себе хорошо поработавшую на производстве семью. Инициативные, дружные, трудолюбивые люди. Вот они получили садово-огородный участок. У всех большое желание не просто отдохнуть на лоне природы, а повозиться с землей. По их разумению, в садах снимается «два урожая».

— Ну, первый урожай — это понятно. А второй?

— Возможность привить молодежи, младшему поколению любовь к труду на земле, любовь к природе, возможность отдыхать в сельской местности в течение всего лета. Маленькие участки земли, попав в руки таких вот людей, превращаются и в цветущие сады, и в прекрасные огороды, и в места радостного отдыха.

Землей должны распоряжаться не случайные люди. Земля — не предмет наживы. Вот вам пример. Чаще всего садоводы собирают значительно больший урожай фруктов, чем семье нужно. И многие отдают безвозмездно излишки детсадам, интернатам, домам для престарелых. Это очень хорошая инициатива, и ее надо всячески поддерживать.

— Алексей Васильевич, а не кажется ли вам, что коллективное садоводство — нечто вроде хобби?

— Нет, это неправильно. Счет коллективным нашим садам уже давно ведется на миллионы. Назову только одну цифру: сегодня коллективным садоводством и огородничеством занимаются у нас свыше трех миллионов человек.

— Число внушительное, ничего не скажешь. А каких результатов добились миллионы садоводов?

— Ежегодно они получают с предоставленной им для пользования земли 400—500 тысяч тонн фруктов и ягод. И тут нельзя не вспомнить выступление Леонида Ильича Брежнева на ноябрьском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС,— он рекомендовал полнее использовать возможности подсобных хозяйств заводов и фабрик, а также личных хозяйств сельского населения для производства сельскохозяйственной продукции. Не последнюю роль тут могут сыграть садоводческие товарищества. Ведь речь идет не только о фруктах и овощах. Отныне каждому садоводу в РСФСР разрешается содержать на садовом участке птицу в вольерах — до 20 голов, кроликов в клетках — до 5 кроликоматок, пчел — до 5 пчелосемей. По новому положению член садоводческого товарищества может на отведенном ему садовом участке построить летний домик с отоплением, домик полезной площадью от двенадцати до двадцати пяти квадратных метров, с террасой до десяти квадратных метров на семью, а при необходимости — и мансарду сверх установленных размеров, и погреб, и хозяйственный блок площадью до пятнадцати квадратных метров. В нем-то, в блоке, и будет помещение для кроликов и домашней птицы.

Садоводческое товарищество — это проявление высокого уважения к трудовой семье, к ее высокой сознательности, трудолюбию. Отдыхайте всей семьей все лето, все выходные дни! Если в семье материальные трудности, то Госбанк СССР даст ссуду в размере до одной тысячи рублей сроком на пять лет на строительство упомянутых строений и на благоустройство садового участка.

Иногда перед товариществом возникают проблемы посложнее, связанные с освоением территории, устройством дорог, прокладкой водопровода, электрификацией. Выполнение таких работ, требуя значительных затрат, затягивалось, и часто надолго. В настоящее время руководителям предприятий по согласованию с комитетом профсоюза дано право оказывать товариществам финансовую помощь из фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства в пределах 25 процентов их сметной стоимости. Немало делается и для того, чтобы улучшить обеспечение садоводов необходимым инвентарем, средствами малой механизации. Например, в 1978 году свыше 500 предприятий производили садово-огородный инвентарь. В торговую сеть для продажи населению поступило его почти на 60 миллионов рублей, что значительно больше, чем в предшествующем году.

Правда, тут еще много недочетов. Прежде всего инвентаря все-таки не хватает, и не всегда он хорошего качества. Но садоводы проявляют немало изобретательности, ведь это большей частью народ мастеровой. Это, конечно, хорошо. Но, читая некоторые письма садоводов, задумываешься, не слишком ли большое значение придается механизации, автоматизации, электрификации для обработки в общем-то крошечных земельных наделов. А разве нельзя покопать землю простой лопатой, ощипать сорняки простой сапочкой? Ведь площадь каждого участка не должна превышать 600 квадратных метров на семью. Этого вполне достаточно, чтобы семья могла обеспечить себя на год фруктами, овощами, картофелем.

Я говорил о расширении прав садоводов. Но не могу не обратить внимания и на некоторые очень важные обязанности, зафиксированные в уставе: возведение изгородей между участками не допускается; земельный участок разделу не подлежит; лица, имеющие приусадебные участки и дачи или состоящие в дачно-строительном кооперативе, в члены садоводческого товарищества не принимаются. Вы, наверное, уже догадались, почему я обращаю внимание именно на эти пункты устава товарищества? Речь идет о нравственной стороне жизни садоводов. Встречаются еще люди, которым само название «садовый участок» претит, и если где-нибудь зайдет о нем речь, то обязательно скажут: «У нас дача». Их не устраивает стандартный летний домик, и они стремятся добывать материал для сооружения особняка с желанием отгородиться от соседа высоким забором. Что скажешь о таких людях? Мещанские претензии и стяжательство.

Стремление пополнить продовольственные запасы при помощи работы на земле следует поощрять. Есть еще одна важная сторона. Появляется возможность привить подростку трудовые навыки, расширить его представления о природе, о сути земледелия, об охране окружающей среды. Есть случаи, когда соседи по саду такого человека высмеивают, укоряют в том, что он заставляет своих подростков работать в саду. Такие «добродетельные» соседи посмеиваются над юными тружениками земли. Родители, которые понимают глубокий смысл трудового и нравственного воспитания детей, терпеливо объясняют им: «Не стыдиться надо, а гордиться, что привыкаешь к труду!» Думаю, что все эти нравственные аспекты имеют прямое отношение к садоводческим делам.

Год от года растет число новых садоводческих товариществ. Только в 1978 году в них вступило 700 тысяч рабочих и служащих. Профсоюзы совместно с советскими и хозяйственными организациями осуществляют ряд мер, способствующих улучшению организации и деятельности садоводческих товариществ, увеличению производства садовых домиков и садово-огородного инвентаря для продажи населению. Улучшается деятельность коллективного сада.

ГОВОРИТ АНТОН РЕФРЕЖЬЕ

У него удивительно добрые глаза и мягкая, застенчивая улыбка. По-русски говорит свободно, хотя и с некоторым акцентом, слегка грассируя и изредка запинаясь в поисках подходящего слова. От предложения перейти на английский отказался: «На английском я у себя дома, в США, наговорюсь, а здесь хочу побольше иметь практики в русском. Так что давайте говорить на вашем родном».

В нашей стране имя Антона Рефрежье, замечательного американского художника, коммуниста, стойкого борца за дело мира и дружбы между народами, пользуется большим уважением. Он много раз бывал у нас, ездил по стране, рисовал советских людей. С «Огоньком» его связывает давняя и тесная дружба. В журнале публиковались репродукции его картин, рассказывалось о творчестве, печатались его статьи.

Сейчас он снова в Москве по приглашению Союза художников СССР и, несмотря на свои семьдесят два года, полон творческих замыслов, готовится к новой выставке своих картин, которая состоится будущей весной.

В квартире на улице Губкина, где сейчас живет Антон Рефрежье, одна стена завешена яркими экзотическими рисунками. Художник слегка простужен, а солнечные картины напоминают ему теплую в это время года Мексику.

— Вы знаете, как-то уж случилось, большую часть своего времени я провожу в трех странах: Америке, Мексике и в Советском Союзе. Обычно езжу в Мексику зимой — там отличная погода в это время, а эту вот зиму провожу у вас. У меня в Мексике много друзей — я знал Диего Ривера, Ороско, Сикейроса. Там очень красивая жизнь, яркие краски. Вы знаете, я, например, еду в маленьком автобусе, в нем очень много бедных людей, и я вижу этих сельских старушек — они такие красивые. Вот посмотрите,— он показывает на один из портретов.— Лиловая шаль, оранжевая кофта, синяя юбка, в косе ленты. В общем, народ красивый, и чем больше я на них смотрю — и на старых мексиканок и на молодых,— выражением своих лиц они напоминают мне русских людей. А здесь рисунки детских игрушек, вроде как у вас матрешки, лошадки.

— **А в Чили вы бывали?**

— Никогда не был. Наверное, вы спрашиваете, потому что мои рисунки посвящены Чили. Вы знаете, вся моя жизнь была связана с какими-то социальными явлениями и событиями. Я участвовал в кампании по спасению жизни Сакко и Ванцетти; в пору испанской войны мы, художники Соединенных Штатов, делали все, что могли, для помощи демократическому правительству Испании в борьбе против фашизма. Во время грязной войны во Вьетнаме многие наши художники выступали за прекращение агрессии, я тогда тоже много рисовал на вьетнамские темы.

За годы после 11 сентября 1973 года, когда Пиночет устроил переворот, я просто чувствовал потребность высказаться как художник, высказать, что меня волнует, что волнует весь мир. Я хотел показать, что происходило там, в Чили. Я очень рад, что журнал «Огонек» печатает репродукции моих картин, потому что я знаю: миллионы людей в Советском Союзе их увидят. Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли. Я доволен не потому, что именно меня печатают. Это мой вклад, если хотите, в современную политику, это то, что я делаю для людей.

Я начал работать над этой темой три года назад. Конечно, работал я с перерывами. Нужно было подумать, осмыслить. Но вот, как видите, что-то получилось. Что мне очень было приятно, так это оценка работ товарищами из Чили, которые живут здесь, в Москве. Они сказали, что это очень важно для них. Репродукции картин уже публиковались в Америке, но только в нашей партийной печати. Ведь буржуазные газеты их не будут печатать. Выставка этих картин будет весной в Москве, на Гоголевском бульваре, в залах Союза художников СССР, и я очень рад, потому что в США я такую выставку не смог организовать.

Вы, вероятно, знаете нашу систему. У нас есть выставочные салоны, два-три зала, и в одном из них устраиваются выставки. Когда я показал своему агенту рисунки о Чили, он развел руками: «Их же здесь никто не купит». У нас выставки делаются для того, чтобы продать картины.

— **Скажите, пожалуйста, вы встречались со многими нашими советскими художниками? С Дейнекой, я знаю, встречались...**

— Вы знаете, я увидел его в 1935 году, когда он приехал в Соединенные Штаты. К сожалению, тогда это было только один раз. Но я его знал до этого. Его картина «Оборона Петрограда» известна всему миру, и мы Дейнеку знали через эту картину. В то время в США был особый интерес к Советскому Союзу. Мы увлекались плакатами советских художников, работами великих кинорежиссеров. Эйзенштейн, Моор, Маяковский — мы их знали. Когда Дейнека приехал, мы с ним о чем-то говорили, но поразило, какие рисунки он сделал у нас, как быстро понял нашу страну. А потом я еще встречал его здесь, у вас, в академии. И его уважаю. Это художник с мировым именем.

— **Вот вы член коммунистической партии. Как вы пришли к этому?**

— Один раз меня спросили об этом, когда я плыл на теплоходе «Лермонтов» из Ленинграда в Нью-Йорк. Я выступал перед экипажем, и один матрос задал мне такой же вопрос. Я ответил, что полицейский меня трахнул по голове дубинкой и у меня прояснились мозги.— Рефрежье весело смеется.— Произошло это в пору демонстраций в защиту Сакко и Ванцетти. Я просто шел по улице и пришел на большую площадь, которая называется Юнион сквер. А там был большой митинг в защиту Сакко и Ванцетти. Я стоял, слушал, потом прибыли полицейские в автомобилях, они въезжали прямо в толпу, а меня притиснули к стене и стукнули дубинкой. Тогда я просто разозлился, а потом уже начал разбираться, в чем все дело. Вот так все и началось.

— **Вы ведь ведете большую общественную работу? Расскажите об этой стороне вашей деятельности.**

— Я член Всемирного Совета Мира. У нас в Америке лишь недавно создана организация, связанная с Всемирным Советом Мира. Раньше мы этого сделать не могли. Правда наш большой ученый Дюбуа — вы его знаете, он также был членом Всемирного Совета Мира — попытался создать Американский комитет в защиту мира. Но его тогда арестовали, да и все мы подвергались преследованиям.

— **А как вы стали художником?**

— Сначала я хотел быть декоратором. Быть декоратором в мире капитализма — дело выгодное. Это значит иметь связи с богатыми людьми, украшать их жизнь, украшать их дома. Но потом задумался над тем, какого рода художником я хочу быть. Я уже был знаком с работами Домье, одного из крупнейших реалистов прошлого века. Он в своих карикатурах и сатирических рисунках разоблачал пороки современного ему общества. Я был знаком с работами других художников подобного плана и решил, что буду работать в том же направлении.

Я начал работать в рабочих газетах, там публиковались мои политические рисунки. У меня это пошло. Я оказался в центре бурной политической жизни, и мне это нравилось. Могу сказать только одно: я старался связывать свои работы с социальным общественным движением, происходящим в современном мире. Конечно, я не мог пройти мимо событий в Чили.

Когда я начал рисовать? Сколько помню, всегда рисовал. В США окончил Академию художеств, затем в 1928 году поехал в Германию, в Мюнхен. Потом еще работал в Париже. Я всегда хотел быть художником, и мне повезло.

Вы знаете, быть художником очень хорошо. Можешь делать что хочешь. Правда, не всегда. Иной раз приходится делать и чего не хочешь: надо деньги зарабатывать. Мне приходилось выполнять разные работы. Я рисовал плакаты, иллюстрировал книги, оформлял театральные постановки. Но главное, что меня интересовало,— это монументальные работы. Почему? Да потому, что очень велико их социальное звучание. Чтобы познакомиться со станковой живописью, вы должны сходить в музей, специально настроить себя на соответствующий лад. Монументальные же работы все время рядом с человеком. Для меня это возможность общаться с человеком, возможность глубокого самовыражения и воздействия на чувства людей. В этом вся моя жизнь.

В Соединенных Штатах я расписывал даже банки, но никогда ничего не делал, чтобы прославлять капитализм. Когда меня приглашают выполнить какую-либо работу, я всегда стараюсь найти что-то гуманистическое в решении темы, возвышающее человека. Чаще всего я работаю в больницах или университетах. Ведь очень приятно, когда больной человек видит что-то красивое. Это нужно человеку.

— **Скажите, а какую технику, какой материал вы предпочитаете?**

— Самый разнообразный. Вот эти мексиканские рисунки выполнены пастелью, так же как и рисунки, публикуемые в «Огоньке». Когда я пишу картины, работаю темперой или маслом. Главное — выбрать нужный материал. Если я работаю для больницы, то предпочитаю делать гобелены. Мозаика для больницы — это не то. Она слишком холодна. Она хороша в метро.

— **Вы ведь часто встречались с Сикейросом. Расскажите, пожалуйста, о нем.**

— Ну, Сикейрос был удивительный человек, как вы знаете. У него было свое «эго», свое «я». Я первый раз встретил его в 1934 году, когда он приезжал в Нью-Йорк, у него была своя мастерская, и он оказывал большое влияние на нас. У нас в Нью-Йорке была тогда школа, связанная с левым движением. Мы, художники, преподавали в этой школе и не получали никакой зарплаты, потому что просто денег не было. Я там учил два вечера в неделю, бесплатно, и ребята почти ничего не платили за учебу. Я, помню, попросил нескольких художников сделать литографии — альбом литографий, и мы продавали его с тем, чтобы помочь школе. Я пошел к Сикейросу, попросил

Антон Рефрежье. АЛЬЕНДЕ — НАШ ДРУГ.

КОГДА ПРИШЕЛ ФАШИЗМ...

РАСПРАВА С ПАТРИОТОМ.

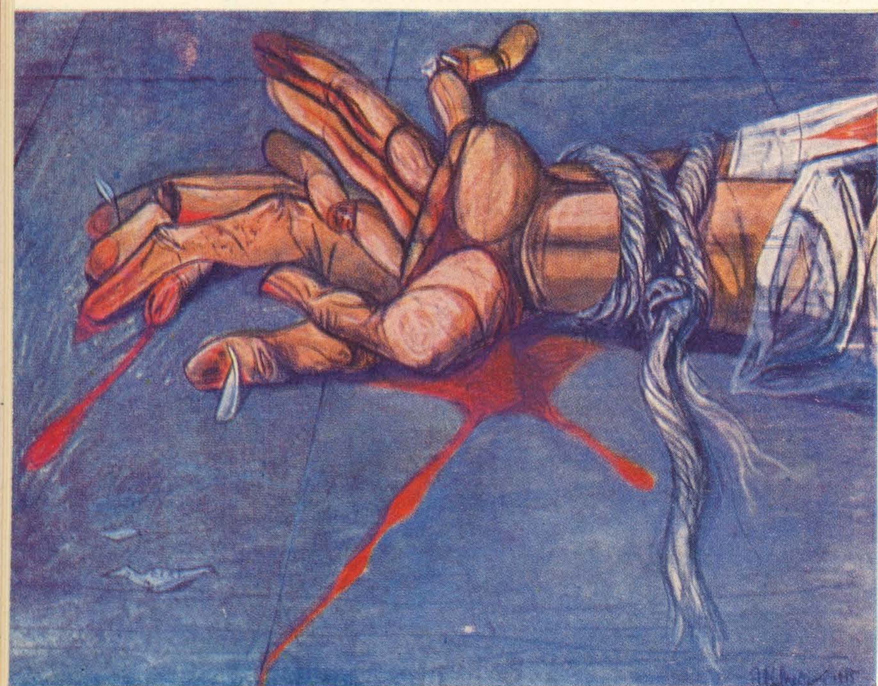
ГИТАРА ВИКТОРА ХАРЫ.

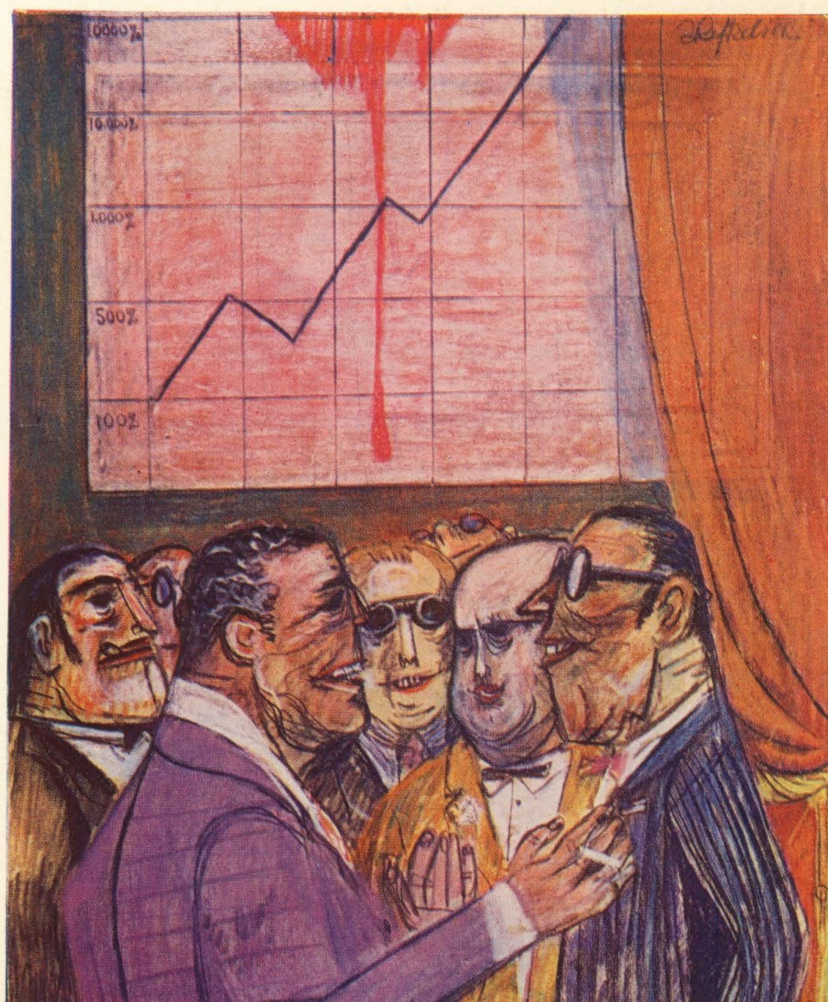

Антон Рефрежье. БОГАТСТВО НЕДР — НАРОДУ.

КОГДА ПРИШЕЛ ФАШИЗМ...

РУКИ ВИКТОРА ХАРЫ.

ЗА СПИНОЙ ХУНТЫ — МОНОПОЛИИ.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛ КАМЕНЬ

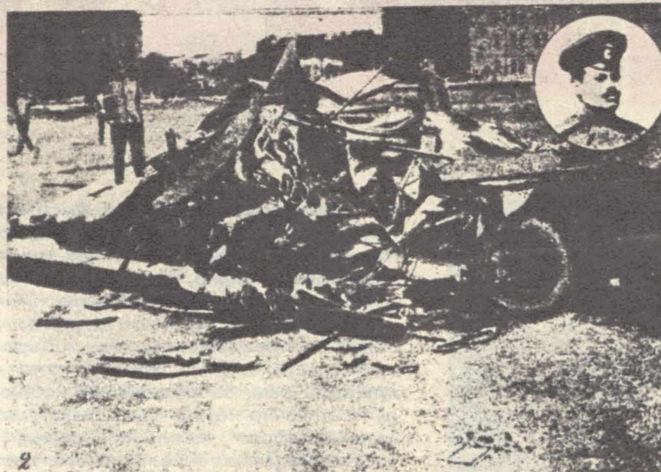
Гранитный валун, извлеченный из котлована при монтаже фундамента жилого дома, воскресил забытую страницу истории русской авиации. Произошло это в Петродворце. Одна из плоскостей камня привлекла внимание экскаваторщика своей гладко отшлифованной поверхностью. Когда с нее смыли слой земли, обнажились вырубленные на граните строки, местами сохранившие еще белую окраску. Вскоре удалось прочесть текст:

«1913 г. Мая 18 дня в 5 час. утра при полете на аэроплане Ньюпор здесь упал и разбился поручик Михаил Георгиевич Балабушка, военный летчик 18-го Корпусного Авиационного отряда 1-й авиационной роты».

Что же произошло 65 лет назад?

Журнал «Огонек» за 1913 год напечатал снимок разбитого самолета, фотографию пилота и заметку под заголовком «Трагическая гибель офицера-летчика в Новом Петергофе».

Трагическая гибель офицера-летчика въ Новомъ Петергофѣ.

Со снимковъ для «Огонька» ш.-к. П. и в. л. Б.

Молодой, дѣтски-свѣжій, несмотря на свои 23 года, скромный и тихій, пользовавшійся общими симпатіями поручикъ М. Г. Балабушка считался однимъ изъ лучшихъ летчиковъ въ арміи и за послѣднее время вызывалъ восторгъ знатоковъ авіаціи своими воздушными рейсами между Гатчиной и Петербургомъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ и случилась ужасная катастрофа съ летчикомъ. Почему, собственно, М. Г. Балабушка, державшій 18-го мая курсъ изъ Петербурга на Гатчину, залетѣлъ въ Новый Петергофъ — никто уже, конечно, никогда не узнаетъ. Онъ появился здѣсь надъ плацемъ Каспійскаго полка, описалъ кругъ и, очевидно, замѣтивъ неисправность аппарата, выключилъ моторъ и сталъ спускаться, планируя. На высотѣ 10—15 метровъ аппаратъ неожиданно перевернулся и выбросилъ летчика и его механика на землю. За ними упалъ и аэропланъ, разбившись въ щепы и придавивъ Балабушку грудою обломковъ. Краемъ кузова несчастному раскололо черепъ, и авиаторъ скончался въ тяжелыхъ мукахъ черезъ четыре часа послѣ паденія, въ дворцовомъ госпиталѣ. У механика Озоля переломаны руки и ноги.

1) † Поручикъ 1-й авіаціонной роты М. Г. Балабушка. 2) Аппаратъ «Ньюпоръ», разбитый въ щепы при паденіи поручика Балабушки.

Журнал писал: «...пользовавшийся общими симпатиями поручик М. Г. Балабушка считался одним из лучших летчиков в армии и за последнее время вызывал восторг знатоков авиации своими воздушными рейсами между Гатчиной и Петербургом... Почему, собственно, М. Г. Балабушка 18 мая залетел в Новый Петергоф — никто уже, конечно, никогда не узнает. Он появился здесь над плацем Каспийского полка, описал круг и, очевидно, заметив неисправность аппарата, выключил мотор и стал спускаться, планируя. На высоте 10—15 метров аппарат неожиданно перевернулся и выбросил пилота и его механика на землю. За ним упал и аэроплан, разбившись в щепы и придавив Балабушку грудою обломков... Авиатор скончался в тяжелых муках через четыре часа после падения в дворцовом госпитале. У механика Озоля переломаны руки и ноги».

Как свидетельствуют другие документы, гибель двадцатитрехлетнего Балабушки — результат плохого состояния материальной части, неудовлетворительной организации учебы в воздухоплавательных школах. Равнодушие, а порой и враждебное отношение к новому делу со стороны царских чиновников вызвало высокую аварийность и многочисленные жертвы.

Печальное событие было увековечено. На месте гибели летчика на средства офицеров 148-го пехотного Каспийского полка, квартировавшего в Петергофе, установили гранитную глыбу, но так как денег оказалось мало, ее поставили без фундамента, на мягком грунте. Шли годы, тяжелый камень оседал, обрастал сорняком, его все больше заносило землей.

Сейчас обнаруженный памятник доставлен к месту, где он будет установлен. К нему подвезли железобетонную плиту. После завершения благоустройства территории гранитный обелиск поднимут на основание, и он снова будет напоминать имя одного из первых энтузиастов русской авиации.

М. ФРИДМАН

Петродворец

его принять участие в этом предприятии, и он охотно согласился. Я принес ему камень, чтобы он сделал рисунок. Он сделал хороший рисунок и уехал. Несколько лет спустя, когда он был в тюрьме в Мексике, я привез ему краски для работы — он в тюрьме работал. Жена передавала ему материалы. Один раз я послал ему его литографию. И вот Сикейрос вернул мне этот рисунок с подписью. Она была сделана на другой стороне рисунка. Он написал, что первая фигура рабочего, разбивающего свастику, сделана им, но другие сделаны его помощниками, потому что он в то время уехал воевать в Испанию.

Я много встречался с ним в Мексике, мы были друзьями, товарищами. Вспоминаю его как удивительного товарища, который много сделал для всего мира как художник и как революционер.

Ему приходилось прятаться. Как-то раз я ехал с его женой Анхеликой в автомобиле по улицам Мехико, и она говорила, как, подъезжая однажды к дому, они увидели три черные машины. Конечно, они знали, что это такое,— полиция. Тогда они ухитрились как-то их объехать по тротуару и скрыться. Сикейросу пришлось спрятаться у своего товарища, доктора. Но все же его арестовали. Это было примерно в конце тридцатых годов. Он часто сидел в тюрьме.

— Что вы думаете о нынешних событиях в мире?

— Сейчас происходят очень большие события. На американском континенте — борьба против диктаторского режима в Никарагуа. Но, конечно, сегодня самое волнующее — то, что происходит в Иране. Я надеюсь, мы все надеемся, что не будет гражданской войны.

Опасную политику проводит сейчас Китай. Я вот думаю, что ультралевацкие уклоны практически сходятся с фашизмом. Я боюсь за мою страну, боюсь, что эти нынешние отношения с Китаем помогают нашей реакции. У нас реакционных сил и без того хватает, а сейчас они могут еще более активизироваться. Вы знаете, что многие страны в последнее время вступили на путь демократического развития. Можно сказать, что в общем силы социализма сейчас одерживают верх над силами капитализма. Но капитализм будет драться за свою жизнь всеми средствами, прибегая даже к фашистским формам правления.

Но вместе с тем классовая борьба усиливается. Посмотрите, что творится в Англии — забастовки следуют одна за другой.

— Мы сейчас печатаем роман Джеймса Олдриджа о временах Маккарти в США. Вы не могли бы, исходя из своего опыта, поделиться воспоминаниями о той эпохе?

— Мне бы очень хотелось прочитать этот роман. Мы с Олдриджем работали вместе во Всемирном Совете Мира. Я сейчас работаю над своей автобиографией. Времена маккартизма я вспоминаю с отвращением. Очень хорошо, что «Огонек» печатает этот роман. Нужно вспоминать это, нужно постараться понять, что тогда происходило. Мне кажется, что в Советском Союзе недостаточно знают о нашей стране. Я здесь встречаю иногда людей, которые меня спрашивают: скажите, а действительно в Соединенных Штатах безработица? Я говорю, ведь в ваших газетах все написано, и это правда. Ведь у вас многие не совсем понимают, что такое капитализм. Вы живете в совершенно другом мире. У вас здесь столько хорошего, а для вас все это многим кажется самым обыкновенным. Но это замечательно. Ведь какая у вас Конституция! Такой конституции нет нигде в мире. У вас Конституция гарантирует работу, право на культурное развитие, на образование, на жилище, на отдых — сколько прав! Это же громадное достижение, и все это говорит о том, что ваш социализм приближается к коммунизму.

Ну, а о временах Маккарти могу сказать, что это были мрачные страницы в нашей истории. В то время все, кто был связан с прогрессивным движением, теряли работу. Мне перестали давать заказы для росписей. В общем, маккартизм — это как паралич нашего общества. Люди боялись. Ваши старые знакомые переходили на другую сторону улицы при встрече с вами. Это я испытал на себе. В то время я делал эскизы для большой монументальной работы в одной из школ. Когда я вошел в комитет по защите Розенбергов — помните, их обвинили в шпионаже,— архитектор, который пригласил меня, сам же потребовал, чтобы от меня немедленно избавились. Я сразу же потерял работу. Конечно, когда подумаешь, что Розенберги потеряли свою жизнь, моя беда в сравнении была маленькой. Но было трудно. Моя семья даже голодала.

— Расскажите о своей семье, о внуках.

— Ну, конечно. Сейчас у меня сын и дочь. Сын работает механиком, а дочь занимается воспитанием своих детей. У меня два внука и четыре внучки, они часто приезжают к нам. Живем мы километрах в ста от Нью-Йорка, в городе Вудстоке. Там у меня небольшая ферма с большим сараем, который я переделал в мастерскую. Когда внуки приезжают, они всегда со мной рисуют. Я укрепляю бумагу на стене, даю им краски, и мы рисуем вместе. У нас был другой сын, но он погиб в аварии. Он мне много помогал, был талантливый человек.

Когда мы были недавно в Тбилиси, получили от сына телеграмму: у него родилась еще одна дочь. Он хотел мальчика, но родилась четвертая девочка. А у дочери наоборот — хочет девочку, а у нее два мальчика. Хочется, чтобы у внуков была хорошая, спокойная жизнь.

* * *

Мы беседовали с Антоном Рефрежье несколько часов. Удивительный это человек. Обаятельный, умный, наблюдательный, тактичный. Но, как и всякий добрый человек, он становится беспощадным, когда видит зло и несправедливость. Он не был в Чили, но пройти мимо того, что творит в этой стране фашистская хунта Пиночета, не мог. Своим искусством он вносит весомый вклад в борьбу человечества за мир, за светлое будущее на земле.

Беседу записал Юрий ПОПОВ.

наш современник

ВТОРАЯ ЗВЕЗ

Г. КУЛИКОВСКАЯ

ЗАРЯ ПОРОХОВАЯ

В сороковом году Афанасию Михалеву было пятнадцать, окончил семилетку.

Можно себе представить, какими вкусными — как умеют это делать только истинные сибирячки — были шанежки с дикой ягодой, которые пекла Анисья Ивановна сыну. От них шел лесной дух, напоминавший Афоне тайгу, болотину с морошкой и черемухой и дедову, пахнущую сухими грибами, пучками трав и свежими стружками избу, где дед постоянно что-то мастерил, превозмогая боль, которая жила в нем со времен гражданской. Но это все лежало теперь за далями дальними, где-то в междуречье Енисея и Лены.

Тут, в Колпине, у них комната в коммуналке и кухня с десятью хозяйками, но самое главное — здесь есть завод, знаменитый Ижорский. Там работает токарем его мать, там такие чудеса делают!

Анисья Ивановна, разливая чай, рассказывала:

— Знаешь, сынок? Сам Папанин телеграмму прислал, читали сегодня в цехе в обед, говорит, браточки-кузнецы, от вас теперь все зависит, когда ледокол «Ленин» в Арктику выйдет. Уж вы, мол, постарайтесь!..

Вопрос «куда идти» перед Афоней не стоял.

Вечер был душный. Мать распахнула окно. По улице шли мальчишки с противогазами на боку. Шли и в такт шагам, размахивая руками, горланили: «Если завтра война, если завтра в поход!..»

...Первый фашистский снаряд разорвался на территории завода двадцать девятого августа 1941 года.

Афоня дежурил с Иваном Бузиным, фрезеровщиком, на крыше пятого цеха, в котором проходила первая практика ремесленников. Боевая практика. Днем они помогали кому что надо — завод ремонтировал танки, ночью гасили и сбрасывали зажигалки. Над головой висело темное, высвеченное всполохами взрывов и ракет небо. Бухали орудия. Метались мечи прожекторов.

Дома он почти не бывал. А в училище и вовсе не заглядывал. И проворонил, когда его эвакуировали. Предложили эвакуироваться и Михалевым. Вместе с другими семьями Анисья Ивановна с Афоней и Кларой, сестрой Афони, прибыли в Ленинград. До отправки их разместили в общежитии кораблестроительного института. Никто не мог сказать, сколько придется ждать.

Афоню это не устраивало. Он рвался в Колпино. Дав слово, что очень быстро обернется, только посмотрит, как и что там, помчался на Московский вокзал. Паровичок только до Обухова довез Афоню, дальше пришлось пешком, дальше поезда уже не ходили.

Колпино меж тем с каждым часом все больше превращалось в оборонительную крепость. Уже были готовы окопы и противотанковые рвы, оборудовались наблюдательные пункты. Точка номер один была установлена у главных ворот заводоуправления, где еще совсем недавно висело такое безмятежное объявление: «22 июня состоится экскурсия в Петергоф. Сбор в девять часов утра у главной проходной». Теперь бронированная огневая точка номер один позволяла держать под прицелом проспект Ленина и центральную улицу, которая соединялась с шоссе Колпино — Пушкин.

Как же все эти перемены могли происходить без него, Афони?.. Но тут сами события, развивавшиеся с неимоверной быстротой, рассеяли его тяжкие сомнения. Когда через день добрался до общежития, то Анисьи Ивановны уже не застал: отправили самолетом в Куйбышев. Впрочем, Афоня не растерялся, побежал в военкомат. Разговор был обидно коротким и категоричным: «Иди, паренек, работать». Тогда он в райком комсомола, в райком партии. Выручил Афоню родной дядя Иван Егорович, работавший на заводе. Он был назначен старшим политруком в Ижорский батальон. Пошел хлопотать за племянника: остался тот как перст один, деваться ему некуда.

И вот, наконец, пробил Афонин час: связной при штабе. Попросту говоря, посыльный. Штаб находился за рекой, в совхозе имени Тельмана. А в Ям-Ижоре и Красном бору, всего в трех километрах от завода, укреплялись уже фашисты. Цеха подвергались непрерывному артиллерийскому обстрелу. Рабочие у станков стояли с винтовками за плечами. Погибших хоронили в общей могиле. Сейчас на этом месте на территории завода горит Вечный огонь.

«В самые страшные дни, когда... мы готовились к уличным боям, подвиг ижорских рабочих был искрой надежды, был вдохновляющим образом для всех нас...» — будет потом вспоминать Вера Кетлинская. Благодаря ижорцам огненная дуга, охватившая город Ленина с северо-запада от залива, резко отступила на юго-восток и здесь остановилась. Ижорцы насмерть встали на пути врага.

Ижорка. Колпинский завод.
Передний край. Война...
Кипит вода. Горит земля.
А человек стоит! —

писал Михаил Дудин.

И юный солдат Михалев стоял со всеми плечом к плечу.

Когда осколками снаряда тяжело ранило связиста, Афоня попросился на его место. Вскоре послали его на курсы радиотелеграфистов. Через три месяца, в свои только что исполнившиеся восемнадцать лет, он уже командовал радиостанцией, и был у него в подчинении радист Виктор Рудин.

В составе отдельного пулеметно-артиллерийского Ижорского батальона Михалев участвовал в освобождении Луги, Печоры и штурме Пскова. Под Псковом ему досталось. Залезли на какую-то колокольню и с нее корректировали огонь батареи. По колокольне все время стреляли. Ранило радиста, Михалеву одному пришлось обеспечивать связь и передавать команду. При форсировании реки Великой тащил на себе станцию...

Когда вышли в Эстонию, узнали: Ижорский батальон награжден орденом Красного Знамени. Младший сержант Михалев — медалью «За отвагу». Потом была Латвия, прочесывали от фашистов и бандитов леса, потом Финляндия. День Победы встретил под Выборгом.

ИСТОКИ

Профессия Афанасия Прокопьевича — слесарь. Но первая запись в его трудовой книжке: «Ученик-огнерез». Сделана эта запись 12 сентября 1945 года.

Только месяц прошел с того дня, как все Колпино от мала до велика высыпало с цветами на улицы, встречая свой героический батальон. Михалев в пилотке, лихо сдвинутой чуть набок, в гимнастерке с надраенными до золотого блеска пуговицами, на которой приятно позвякивали медали, шагал в первом ряду. Подросший, раздавшийся в плечах, неузнаваемый. А друзья по школе безошибочно определили: «Смотри, это же наш Афоня!» Только у него одного во всем классе была такая черная курчавая голова и дерзкие, не поймешь какие, глаза! Им-то не видно было, да и сам Афоня того еще не ведал, что в густых его волосах осенней паутиной уже запуталась седина. Девушка по имени Вера, которую он пригласит на танцы в городском саду, первая с удивлением скажет ему об этом...

В учениках Михалев ходил недолго, всего три месяца, как на прифронтовых курсах радиотелеграфистов. Следующая запись в трудовой книжке — огнерез. Потом побегут чередой строчки: газорезчик, слесарь, слесарь-сборщик, слесарь механосборочного цеха... Последняя запись такая: «слесарь механосборочных работ». На слух воспринимается почти как специалист, руководящий работами, словом, угадывается человек широкого профиля, у которого (и тут напрашивается еще одно сравнение), как у художника, осуществляющего свой замысел, все в его руках. «Слесарь — мастер по ручной выделке, сборке и починке металлических изделий» — трактует современный словарь русского языка. Но как безграничен и емок диапазон слесарных работ — от простого ключа, который подгоняется в мастерской металлоремонта, до сборки и монтажа вычислительных машин и космических станций! Слесари вездесущи. По статистическим данным, их в два раза больше, чем станочников всех родов, или столько же, сколько рабочих, занятых в металлургической, энергетической и угольной промышленности, вместе взятых. Самый, можно сказать, представительный отряд рабочего класса.

Слесари механосборочных работ — наиболее квалифицированное, технически грамотное звено этого отряда, как асы среди пилотов. Однако же некоторым социологам и писателям перспектива слесарного дела представляется довольно мрачной. Может ли, дескать, оно, основанное на ручном труде, претендовать на пропуск в блистательное завтра науки и техники?

Как же думает о своей профессии сам Михалев?

Весьма трезво, оптимистично и масштабно, с позиции, приподнятой десятилетиями опыта:

— Думаю, что труд слесаря не нуждается в защите. Допустим, что автоматы научатся делать станки, самолеты, холодильники и телевизоры. Это, конечно, довольно фантастично, но допустим. Однако сами автоматы никто не придумает и не соберет, кроме человека,— во-первых. И во-вторых. Было и всегда будет оборудование, которое изготавливается очень малыми сериями и даже в одном экземпляре. Тут без слесаря-сборщика никак не обойтись. Наша профессия, скажу я вам, не только древняя — археологи все время находят поделки слесарей минувших времен при раскопках курганов,— она и вечная.

Когда я напомнила своему собеседнику о том, что слесарное дело не первое на его рабочем пути — был он и огнерезом и газорезчиком,— Михалев уточнил:

— Это все наше, родное, кровное. В другой раз и просверлить, и подстрогать надо, и за станком постоять, и сварить. Сборщик Ижорского завода должен быть универсалом: то мы делаем блюминги, то роторы генераторов, то гигантские экскаваторы... Сборщик должен многое уметь, еще больше знать, а самое главное — видеть, читать чертеж, как хорошую книгу, которая заставляет думать и волнует. Короче говоря, надо мыслить творчески...

В начале шестидесятых годов Ижорский завод выполнял заказы большой химии. Особенно много понадобилось вальцов — машин для приготовления и листования каучуковых и резиновых смесей. Вальцы достались седьмому механосборочному цеху, в котором работал Михалев. Машины не шли. И тогда Я. И. Волосов, начальник участка, на который падала основная тяжесть работ, предложил создать бригады по отдельным узлам. Завершающие, самые ответственные операции поручил Михалеву, и потом тот будет с благодарностью вспоминать о том, сколь многому научил его Волосов.

В результате в тот трудный год цех № 7 задание по вальцам выполнил — все пятьдесят заказов за остававшиеся два месяца, ноябрь и декабрь. А потом пошло по двести пятьдесят в год. И без единой рекламации. На счету брига-

…ДА МИХАЛЕВА

дира — десятки рационализаторских предложений. На некоторые он и не подавал заявки в бриз. Главное, с его точки зрения, было то, чтоб они пошли в жизнь. Бригада Михалева разрослась до двадцати семи человек. Параллельно с вальцами приступили к сборке узлов прокатного стана «600» для Коммунарского металлургического завода. Наиболее трудным оказалось сделать рольганги. И снова бригада Михалева вышла победительницей в решении этой задачи.

Первую золотую медаль «Серп и Молот» Афанасию Прокопьевичу Михалеву (теперь его никто, кроме очень близких друзей, не называл Афоней) вручали летом 1966 года, в Ленгорисполкоме. Вторую — двенадцать лет спустя, 29 сентября 1978 года, в Смольном. Пожимая Михалеву руку, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома партии Григорий Васильевич Романов сказал:

— Ты сам знаешь, Афанасий Прокопьевич, за что — за атомную энергетику.

САМ РЕАКТОР

Электростанции в Обнинске, первой в мире атомной электростанции, всего двадцать четыре года — треть человеческой жизни.

Татьяна, дочь Михалева, старше ее на четыре весны. Когда она родилась, еще ни одна страна в мире не использовала энергию расщепленного ядра во имя жизни, во имя счастья на земле. А когда окончила школу — работали десятки атомных станций, и девушка на экзамене рассказывала о принципе действия атомного котла. Да что десятиклассники — первоклашки сегодня задают своей учительнице Татьяне Афанасьевне вопросы про атом.

А что означает столь бурное развитие атомной энергетики? Прежде всего создание промышленности, способной строить атомные реакторы в темпе паровых и гидротурбин в потоке!

Ижорский завод не первое десятилетие идет по этому пути.

Ижорцы говорят: «Мы работаем на «Атоммаш»!» Заводская многотиражка посвящает целые номера тому, как выполняются заказы по изготовлению комплектов оборудования, механизмов и стендов для завода на Дону, как идет изготовление основных частей корпусов реакторов, подготовка и отправка документации. Если флагман отечественного машиностроения прокладывает фарватер младшему собрату, то энергомашиностроительный цех № 33, в котором работает теперь Михалев, можно назвать полигоном реакторов, атомодромом — как угодно. Тут впервые создается то, что будет передано для производства «Атоммашу», и впервые осваивается технология.

Как же Афанасий Прокопьевич тут разворачивался?

Как всегда, он был на переднем крае, там, где труднее всего.

Вначале таким являлся участок приводов. Полномочия тут предоставили Михалеву широкие: бригадир с правами мастера по сборке сложных комплектов для энергомашиностроения. Участок находился в запущенном состоянии. С планом было неважно, пытались добиться его выполнения любой ценой, ввели повременную оплату. В результате — перерасход средств, а толку мало.

Новый бригадир-мастер навел прежде всего порядок с нормированием труда и его оплатой. Каждому — строго по его заслугам и по уровню квалификации.

Вторая задача — освоить как следует технологию. И, может, кое-что в ней пересмотрев, изменить. Сам комплект очень сложный, сотни деталей. Почти все поступают после механической обработки, надо доводить их здесь.

— Никогда не забуду одну гаечку с болтом,— вспоминает Михалев.— Не простая это была гаечка и не простой болт — с секретом. На всем участке мог делать ее только один слесарь, а у него и так хватало работы.

— Что же вы предложили?

— Решили: незаменимых специалистов не должно быть в нашей бригаде. Пусть каждый набьет руку на этой гаечке. И не только на ней. Пусть каждый научится резать нержавейку метчиками, заправлять сверло на алмазных кругах, вести полировку и притирку деталей по самому высокому классу точности. В следующем году собрали уже четыре комплекта. Причем без брака. Мы довели качество сборки до мировых стандартов. Одновременно была решена другая задача, которую я считаю не менее важной, чем выполнение плана и показатели по качеству.

Михалев помолчал.

— Родился коллектив,— нашел он нужные слова.— Именно родился. До этого слесари вроде кустарей-одиночек, как в басне про щуку, лебедя и рака, тянули в разные стороны. Теперь была семья — перешли мы на единый для всей бригады наряд, имели свое клеймо. Отличниками качества стали сборщики Виктор Анохин, Владимир Михайлов, Владимир Елизаров. Мы заключили договор о содружестве с конструкторским отделом по доводке и улучшению конструкции отдельных узлов и деталей, что облегчило сборку. Участвовали в движении «пять в четыре», родившемся в девятой пятилетке в Ленинграде. Что это значит? Когда мы переходили на пятидневку, шлифовщики Лебедев и Козлов с Кировского завода предложили так спланировать свое время, чтобы можно было задание пяти дней выполнить за четыре. Мы добавили свое: пять в четыре, но на основе комплексных планов повышения производительности труда. Я твердо убежден, что каждое обязательство должно быть и экономически и технически обоснованным. В конечном итоге получилось пять не за четыре, а еще быстрее. План девятой пятилетки выполнили за три года и семь месяцев.

Так, рассказывая о делах бригадных, Михалев коснулся социалистического соревнования, а он если уж не академик, то не меньше чем профессор в этой области — член Президиума ВЦСПС и как раз занимается там прежде всего этими вопросами. В журнале «Коммунист» была опубликована его статья, а Профиздат выпустил книгу Михалева «Наибольшая выработка — норма каждого дня». Несмотря на солидный тираж — шестьсот тысяч экземпляров,— она разошлась столь быстро, что даже у автора не нашлось для меня экземпляра, и пришлось мне идти в библиотеку. Прочла я ее и поняла: очень скромный человек Афанасий Прокопьевич Михалев. О себе, собственно, ничего не пишет, а все о действенности соревнования, о рабочей гордости и рабочей чести, о чем рабочий человек капиталистической страны — а был Михалев и в Англии и в Японии — понятия не имеет.

Как же начинала складываться для бригады Михалева десятая пятилетка?

На этот вопрос можно ответить наглядно, путешествуя по цеху № 33. Особенно если есть такой гид, как Оревков, в ту пору он был секретарем партбюро. Александр Михайлович, как он представился, молод, и невольно хочется назвать его просто Сашей. В цех он влюблен не меньше, чем Михалев. По профессии тоже слесарь-сборщик самого высокого разряда. Техникум окончил.

Оревков не только молод — атлетического сложения. Ему бы в баскетболисты. Его коричневая под кожу куртка маячит все время где-то впереди. Но вот остановился, ждет у входа на участок, на котором работает Михалев.

Участок. Сказать про него «громадный», «высокий» — значит ничего не сказать. Стартовую площадку космодрома — вот что напоминает участок с ажурными стендами и вертикальными башнями разных конструкций. Рядом с ними — какие-то, подобные органу, сооружения из серебристых труб, только собранных не рядами, а группами, в кружок.

Оревков подводит к разверзшемуся у ног круглому «колодцу» диаметром не меньше трех метров. Всплывают перед глазами кадры кинохроники, запечатлевшие шахты пусковых установок для запуска ракет.

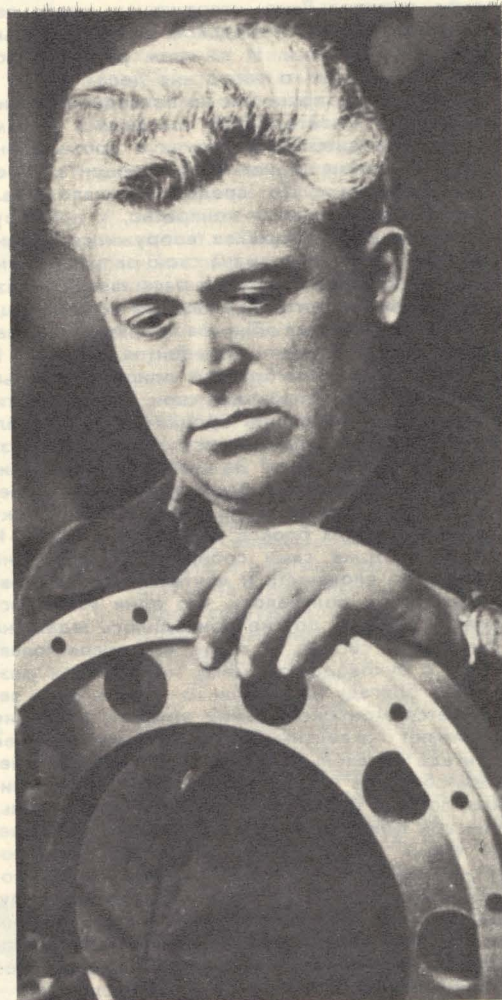

Фото В. Отто

— Перед вами точная имитация корпуса реактора,— поясняет Оревков.— Дело в том, что реактор в собранном виде перевезти невозможно — нет таких транспортных средств. Поэтому первая сборка полностью производится у нас. Затем его разбирают и везут на место. На атомной станции реактор собирается уже во второй раз. Блоки защитных труб (ага, тех самых, «органных», отмечаю про себя), чехлы, кассеты ставятся вместе с другими устройствами внутрь котла.

— Поднимемся? — предлагает мой гид.

Мы стоим на самом верху голубого стенда, обвитого узенькой лестницей и ярусами площадок, как на капитанском мостике. Высота — метров двенадцать. Под нами множество тех самых труб, напоминающих консерваторский орган.

Все должно быть тщательнейшим образом состыковано, подогнано и совпадать. Основной допуск — пять сотых миллиметра. Если деталь не велика, то это не страшно. Однако диаметр верхнего блока примерно три метра. Сопоставьте: три метра и пятьдесят микрон. Гора и мышь. Слон и невидимый глазу волосок.

Оревков спускается.

— Мы побывали на верхнем блоке реактора для АЭС Финляндии. А вот нордовский верхний блок,— показывает он направо,— пойдет в ГДР, на станцию «Норд». В числе наших заказчиков атомные электростанции Чехословакии и Болгарии, советские станции.

Бригада Михалева собирала верхние блоки реакторов. Тут требуется особо высокий класс точности. Афанасий Прокопьевич предложил внедрить поузловую сборку блоков, что на 25 суток сократило изготовление верхних блоков реакторов для Армянской АЭС, для «Богунице» и «Норда». Сама бригада Михалева досрочно выполнила план второго и третьего года пятилетки, сэкономила много металла. Она досрочно выполнила также обязательства, взятые ко Дню Конституции.

— А вот и он сам, легок на помине!

В проходе между стальными громадами за-

серебрилась знакомая голова. Михалев идет быстро, уверенно. Остановился, поздоровался.

— В ОТК тороплюсь. Миллионник наш видели? Реакторов такого типа еще у нас не строили. Покажи, Саша, непременно. Двумстам обнинским равен. В Воронеж пойдет.

ВСТРЕЧНЫЙ

Прошло три месяца. По редакционным делам я снова была в Ленинграде и позвонила Михалевым. Как они там живут, что нового?

К телефону подошла Вера Михайловна, (та самая девушка Вера, которую он много лет назад пригласил в городском саду на танцы), пригласила в гости. И за чаем разговор пошел у нас снова о заводских делах.

— В законе, принятом на последней сессии Верховного Совета СССР, говорилось о том, что производительность труда в промышленности предстоит поднять на 4,7 процента... Увеличить производство средств производства... Как это преломляется конкретно, к примеру, в нашем цехе?— Михалев вооружился карандашом, достал из кармана свою записную книжечку, с которой и дома не расставался.— Разработки плана этого года наш цех получил еще в октябре. Прирост объемов производства намечался около десяти процентов. Немало. И все же, когда наша бригада, опираясь на опыт прошлых лет, подсчитала свои возможности, получилось, что десять процентов не предел. Можно обеспечить прирост в полтора раза больше. За счет чего? За счет лучшей организации работ. Ведь как было до недавнего времени? Наш коллектив полностью вел сборку крышек верхних блоков реакторов и узлов. И эти узлы тоже сами собирали. А ведь они разные по сложности и длительности изготовления. Вот и получалось, что одни узлы поспевали раньше, другие приходилось ждать на финальной сборке. И тогда мы, посоветовавшись с руководством цеха, предложили разделить бригаду на несколько — пусть одна занимается монтажом самих крышек, а другие собирают отдельные узлы. Теперь в нашей бригаде несколько человек. Молодой слесарь-сборщик пятого разряда Юрий Фроленков, кроме того, он и сварщик и стропаль; слесари Кожухов и Андреев — тоже молодые, но очень старательные, добросовестные люди,— прекрасно работают! И двое совсем новеньких, фамилии их пока называть не буду, рано. У нас есть перспективный план, это позволит нам создать определенный задел и подумать над тем, как сделать технологию более рациональной, оснастку более совершенной.

Я внутренне улыбнулась: Михалев верен себе. Таким он был всегда: и когда участвовал в выполнении заказов большой химии и когда перешел на энергетическое оборудование.

— Вот так и набираются первые десять — двенадцать процентов увеличения производительности труда. Плюс старый, испытанный резерв — повышение квалификации, личного мастерства каждого слесаря. Плюс рабочая совесть, высокая ижорская сознательность! Это, скажу я вам, пожалуй, не менее гарантированный резерв. Итак, прибавьте еще по крайней мере три процента. Вот и получится пятнадцать. Таков наш встречный план!

Да, последнюю новость нашу знаете?— спросил Михалев.— Оревков теперь мой заместитель в бригаде.

— Александр Михайлович? Тот самый, который водил меня по цеху и так восторженно о нем рассказывал?

— Он самый. Прекрасный слесарь-сборщик, мастер высокого класса. Когда он в цехе, я спокоен.

...Вера Михайловна Михалева складывает поздравления. Они от родных, знакомых и совершенно незнакомых людей. Все еще поступают в связи с награждением Афанасия Прокопьевича второй Золотой Звездой. Вера Михайловна складывает их в папку — так много набралось. А эта телеграмма лежит отдельно. Она из сибирского села Толстихино, что в восемнадцати километрах от станции Уяр, Красноярского края. Из родного Михалеву села.

«Афоня, поздравляем тебя с высокой наградой. Желаем успехов в работе. Бабушка». И еще много имен — теток и двоюродных братьев.

— Та самая бабушка Степанида, которая когда-то напророчила Афанасию Прокопьевичу про глаза, что неспроста, мол, они у него разные — один серый, другой карий?

— Та, единственная наша бабушка,— потеплевшим голосом ответила Михалева.— Давно не видели ее. Последний раз была у нас в шестьдесят первом. Правнучек своих приезжала смотреть. А теперь у нее праправнуки растут...

«ПРЕОБРАЖАЕТСЯ ОБЛИК РОДНОЙ СТРАНЫ... ПО-УДАРНОМУ СТРОИТСЯ БАЙКАЛО-АМУРСКАЯ МАГИСТРАЛЬ».

Из Обращения ЦК КПСС ко всем избирателям, гражданам Союза Советских Социалистических Республик.

ГОРОД НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора

Ровно в половине восьмого утра семья Аюбовых в полном составе выходит на улицу Красной Пресни. Глава семейства Мусаиб несет на руках двухлетнюю Фатиму. Второй мужчина — первоклассник Рокки, держась за мамину руку, шагает рядом. У перекрестка мама потрет шерстяной рукавичкой раскрасневшиеся щеки сына, весело скажет «Счастливо!» и быстро-быстро пойдет в сторону строящегося больничного комплекса. А Рокки с отцом оставят Фатиму в детском саду и, взявшись за руки, потопают к новой школе, рядом с которой папин строительный объект. Школу тоже построила папина бригада. Рокки хорошо помнит торжественный день, когда открывали новую школу. Тогда папа, бригадир комплексной бригады управления «Главмосстроя» в Тынде, выступал на митинге. Мусаиб Аюбов говорил, что школу строили рабочие Москвы — с завода железобетонных конструкций в Тушине — и строители Тынды. И в Москве и в Тынде рабочие старались. Потом бригадир вручил первоклассникам, среди которых был и его Рокки, ключ от новой школы, перерезал ленточку, взял Рокки за руку, и они вместе вошли в здание. Все здесь было новым, незнакомым для Рокки, и только запах был таким же, особым, как в их новой квартире на улице Красной Пресни.

Мусаиб и Нина приехали в Тынду весной 1974 года из Махачкалы. Той же весной, самой трудной, решили, что никуда не уедут, пока не построят Большую дорогу. Тогда Мусаиб, улыбаясь, спросил Рокки: «Ну, а ты что решил, малыш?» Четырехлетний сын ответил твердо: «Да!»

Работал Мусаиб каменщиком. Строили здания «Орбиты» и Стройбанка, а когда в Тынду приехали шефы — строители из Москвы, попросился к ним. Взяли монтажником в бригаду Анатолия Гусева. Через год стал звеньевым. Руководители управления приметили напористый, твердый характер Аюбова, он умел найти выход из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций. После предложили ему создать бригаду и взять подряд на сооружение культурно-бытовых объектов. Первым испытанием для молодой бригады и ее руководителя стала школа на тысячу мест. Как в Москве! Строили по методу Злобина и сдали школу досрочно. Сегодня они тем же подрядным методом строят детский комбинат.

Так для Мусаиба Аюбова стройка века стала стройкой жизни. Здесь его приняли в ряды КПСС, избрали депутатом городского Совета.

С Мусаибом мы расстались в полдень. Он остался на лесах стройки, а я пошел по городу. Тында мне хорошо знакома, и тем заметнее перемены. С девятого этажа дома, монтаж которого на днях закончила бригада А. Гусева, хорошо виден новый город. На первые сборно-щитовые дома наступают девятиэтажные красавцы. Знаю, что к следующему приезду здесь будет целый ансамбль панельных домов.

Брожу по Тынде... Морозная тишина, светит солнце. Хорошо! Два мальчугана запрягли лайку в санки. Рядом их ровесники гоняют шайбу. А чуть дальше в хоккейной коробке, смонтированной возле жилых домов, идет настоящее хоккейное сражение за кубок ВЦСПС. Тындинская команда «БАМ» принимает соперников из поселка Айхал.

Четвертый год как у столицы БАМа статус города. И жизнь здесь пошла на городской лад. Статистика выдает справки о росте Тынды. Только в прошлом году тут зарегистрировано более шестисот свадеб. Выданы свидетельства граждан СССР 1750 новорожденным. В шести школах юные горожане, знакомясь с географией, первым делом ищут на карте свой город. Давно Тында вступила во Всесоюзное добровольное общество любителей книги. Город имеет свой читательский формуляр, о котором мне рассказала директор библиотечной системы центрального участка БАМа Лариса Михайловна Петрова. Абонемент центральной библиотеки насчитывает более пятнадцати тысяч читателей. Пятнадцать филиалов библиотеки расположены во всех четырех направлениях по строящейся и уже эксплуатирующейся трассе.

Кто же он, сегодняшний читатель Тынды?

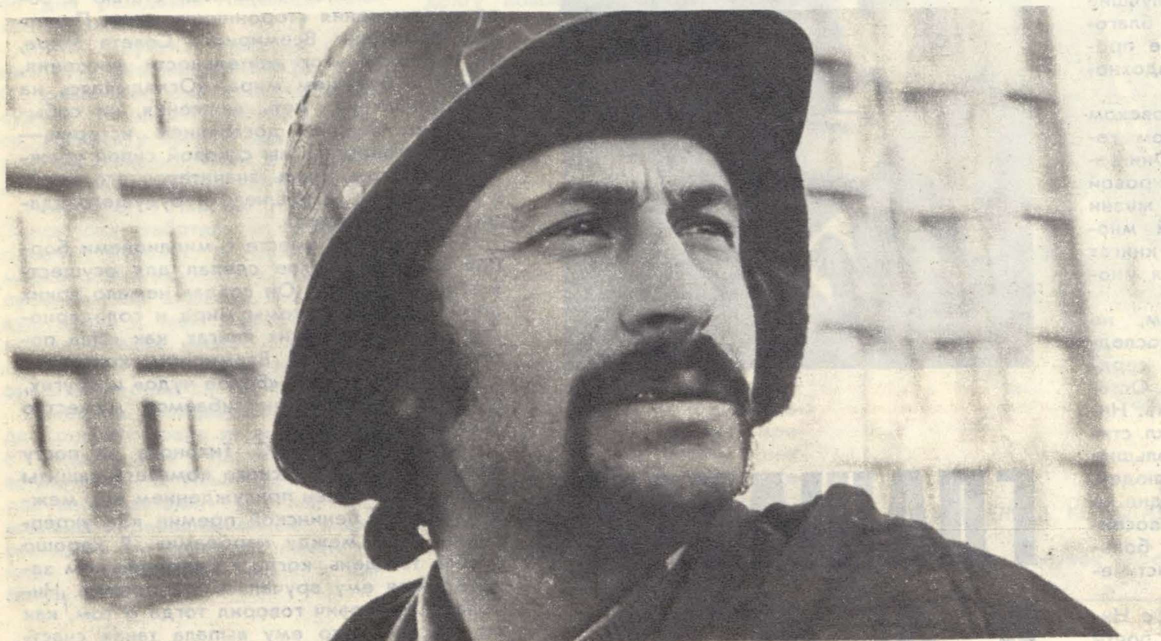
Раскрываю читательский формуляр № 972. Принадлежит он электрику СМП-544 Нурлану Тасмухамедову. Более трехсот пятидесяти названий книг русских классиков, современных писателей и зарубежных авторов — все это прочитано за пять лет работы на БАМе.

В библиотеку вошел Кишвальди Гелашвили, молодой паренек, повар из столовой с привычным названием «Тайга». В библиотеку он записался на второй день после приезда в Тынду. Увлекается военно-патриотической литературой. Шутя обещает до конца строительства БАМа перечитать все сто двадцать пять тысяч томов — фонд библиотеки.

А если бы существовало общество любителей балета, то и у него нашлось бы немало приверженцев: и балетом в бамовском

Тында, январь 1979 года.

Мусаиб Аюбов.

Поезда идут на Север.

Урок географии в школе № 1.

городе занимаются серьезно. Тут существуют детская хореографическая студия при Доме культуры «Юность» и еще одна — в школе искусств.

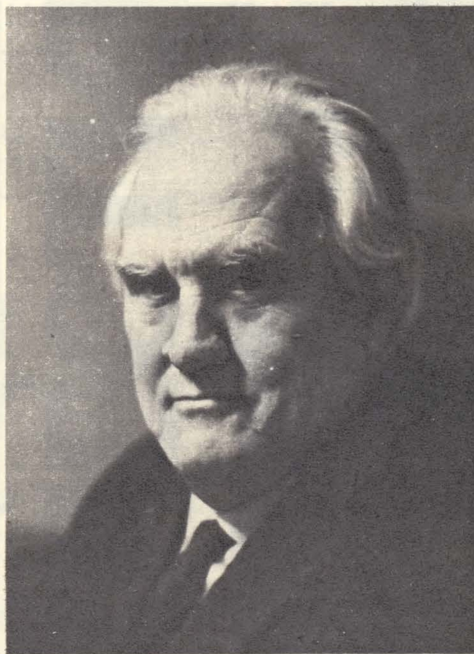
Сегодня зримо видны черты города, и немалая заслуга в том шефов — московских строителей, которые дали Тынде восемьдесят тысяч квадратных метров жилья. Двадцать девятиэтажных домов, две школы, два детских комбината, больничный комплекс — все это дела шефов. Сейчас монтируется двадцать первый дом, остается построить еще пятнадцать. А что дальше? Как будет застраиваться город? Ведь до сих пор он не имеет генерального проектировщика! Проектный институт «Ленгипрогор» пока ничем не помогает. Создан в Тынде трест «Центрбамстрой», который возьмет на себя застройку города, но пока его шаги весьма робки. И уж коль скоро разговор зашел о проблемах строительства столицы БАМа, я спросил первого секретаря Тындинского горкома КПСС Ю. А. Есаулкова, существует ли комплексный план застройки города.

— Пока нет,— ответил Юрий Афанасьевич.— Хотя почти двадцать заинтересованных министерств и ведомств просят разрешения на строительство жилья для своих сотрудников. Город еще не имеет возможности вести централизованное строительство. В Тынде не развиваются коммуникации, инженерные сооружения, коммунальное хозяйство. Понятно, что Министерство транспортного строительства не может строить еще и город. У местных Советов таких средств тоже нет. А Тынде нужны дома для пищевиков, связистов, медиков, для людей, обслуживающих строителей БАМа. Выход, на мой взгляд, один — определить для Тынды генерального заказчика. Им должна стать дирекция МПС. Приняв финансирование строительства от других министерств и ведомств, МПС поведет плановую застройку. Скоро дорогу Тында — Беркакит сдадут в эксплуатацию. Понадобятся парки для тепловозов, платформ, разных типов полувагонов, цистерн. По рельсам Малого БАМа пойдут грузы в Якутию. Значит, завтра потребуется ремонтная база. Где ей быть, как не в Тынде, на бамовском перекрестке!

Байкало-Амурская магистраль строится быстро, она проходит по территории пяти областей и краев. Почти в каждой есть своя железная дорога. В Иркутской — Восточно-Сибирская, в Читинской и Амурской — Забайкальская, в Хабаровском крае — Дальневосточная. Если БАМ делить по существующим управлениям железных дорог, не получится единого хозяйства. И толку будет чуть... Но если будет своя дорога — понадобится управление! Мы не настаиваем на том, чтобы управление находилось в Тынде, хотя такое желание есть.

Строя БАМ, надо помнить уроки Братска и не повторять допущенных там ошибок. Там после завершения строительства ГЭС остались несколько поселков, а города, по существу, до сих пор нет. Решение этих острых проблем зависит прежде всего от двух министерств — от Минтрансстроя и МПС. Проблемы БАМа должны решаться комплексно! Это—единственно правильное решение.

ПАМЯТИ Н. С. ТИХОНОВА

ГЛАШАТАЙ МИРА

Перестало биться сердце человека, имя которого так близко и дорого всем советским людям, бесчисленным нашим друзьям во многих странах. Ушел из жизни замечательный наш современник, пламенный патриот Страны Советов, интернационалист, воплотивший в себе высокие душевные качества — мудрость и простоту, жизнелюбие и глубокую человечность. Все лучшие порывы своего сердца он посвятил благородному делу защиты мира, борьбе против войны. Его по праву называли вдохновенным глашатаем мира.

Великий Горький считал его человеком исключительно талантливым. Об этом говорят произведения Н. С. Тихонова. Они вошли в сокровищницу советской и мировой литературы. А сам Тихонов уже при жизни стал одним из классиков советской многонациональной литературы. На его книгах воспитываются и будут воспитываться многие поколения.

Он был неутомимым тружеником, не знавшим покоя. До самого своего последнего часа с больным, натруженным сердцем он продолжал работать, творить. Осталась незаконченной его новая повесть. Николай Семенович готовил новый цикл стихов о мире. Его интересовали и большие проблемы и судьбы самых разных людей, которым он в трудные минуты приходил на помощь. Тихонов был причастен к воспитанию целой плеяды людей, внесших большой вклад в развитие нашей социалистической культуры.

Мне посчастливилось быть рядом с Николаем Семеновичем Тихоновым почти тридцать лет на поприще движения за мир. Я видел и слышал его на конгрессах, форумах борцов за мир, в зарубежных поездках, на встречах и дискуссиях с людьми разных взглядов и убеждений. Меня всегда восхищал в нем дух неистовости, творчества, неутомимости и, я бы сказал еще, одержимости. Он ненавидел равнодушие и равнодушных. Как-то Николай Семенович сказал мне: «Больше всего пугайтесь этого страшного зла. Равнодушие — враг любого дела».

Каждый день он стремился сделать что-то значительное, доброе для своей страны, для советских людей. Н. С. Тихонов не любил высоких слов, но не раз подчеркивал, что самое, пожалуй, лучшее, что он обожает в жизни,— доставлять человеку радость. И он нес эту радость щедро, дарил ее хорошим людям. Николай Семенович успевал заметить новые дарования, написать предисловие к новой талантливой книге, сделать переводы стихов, написанных поэтами братских республик. Тысячи писем он успел написать разным людям за долгие годы жизни. Если их собрать — они составят тома. Сколько в них тепла тихоновских слов, раздумий, добрых пожеланий.

Занятый большой творческой работой, Н. С. Тихонов находил время для выполнения общественных, депутатских обязанностей. Много лет он являлся депутатом Верховного Совета СССР. Как-то Николай Семенович показал мне целый отчет о том, что он сделал в своем избирательном округе. С его помощью построены школы, детские сады, библиотеки. Он не бросал слов на ветер. Обязательность была его отличительной чертой.

Перед самой кончиной приехал представитель окружной избирательной комиссии из Йошкар-Олы, где Николая Семеновича выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Вместе с ним мы поехали к Н. С. Тихонову в Переделкино. Он встретил гостя с большим радушием. Нельзя было и подумать, что в эти минуты его одолевает недуг. Он с интересом слушал рассказ о трудовых успехах Марийской республики, с благодарностью принял новые книги марийских писателей, обещал на них откликнуться. Огорчало Тихонова одно: что врачи наложили вето на его поездку для встреч с избирателями. И тогда родилась идея написать письмо. Николай Семенович с радостью принял это пожелание гостя.

На другой же день письмо было написано. Тихонов с большой признательностью писал, что ему, старому русскому писателю, талантливый народ Мари оказал огромное доверие, выдвинув кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, и это доверие он с честью оправдает. Письмо ушло в Йошкар-Олу. А на следующий день Николая Семеновича Тихонова не стало.

Я читаю это трогательное тихоновское послание к избирателям и как бы вновь слышу сказанные им слова:

— Вот придет весна, в мае соберусь в путешествие по Волге, до самой Мари. Приглашаю к путешествию. Это будет прекрасная поездка...

Глаза его светились. Он загорался, когда речь шла о путешествиях. Да и в самом деле он был неутомимым путешественником и альпинистом. Помню, как в конце пятидесятых годов Николай Семенович отправлялся на Эльбрус и радовался тому, что у него есть свой пик.

В течение трех десятилетий Тихонов верно служил делу мира. Солдат четырех войн, познавший их лихолетье, он с первых дней зарождения движения сторонников мира стоял у его истоков.

Когда после Первой Всесоюзной конференции сторонников мира в 1949 году был создан Советский комитет защиты мира, Н. С. Тихонова единодушно избрали его председателем. Это был достойный выбор. Тридцать лет он с честью выполнял столь почетное поручение. Все эти годы были заполнены до краев его кипучей деятельностью. Он инициатор многих начинаний, связанных с борьбой за мир.

За несколько дней до своей кончины Николай Семенович написал статью к 30-летию движения сторонников мира. Почетный президент Всемирного Совета Мира, он подводил итог деятельности движения, думал о будущем мира. «Оглядываясь на тридцатилетний путь движения, на события, уже ставшие достоянием истории,— писал Тихонов, — мы с новой силой убеждаемся в том, сколь значителен его вклад в построение нынешнего и будущего здания прочного мира».

Н. С. Тихонов вместе с миллионами борцов за мир многое сделал для осуществления этой цели. Он создал немало ярких произведений на темы мира и солидарности народов. В таких книгах, как «Два потока», «На Втором Всемирном конгрессе сторонников мира», «Белое чудо» и других, писатель показал несгибаемое мужество борцов за мир.

Славный труд Н. С. Тихонова на посту председателя Советского комитета защиты мира был отмечен присуждением ему международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Я хорошо помню тот день, когда в Свердловском зале Кремля ему вручалась эта премия. Николай Семенович говорил тогда о том, как он счастлив, что ему выпала такая счастливая доля, такая большая честь — быть исполнителем воли к миру, быть проводником решений, принимаемых на всенародном форуме советских людей, быть полномочным представителем великого народа среди людей доброй воли многих народов, скромным участником исторической борьбы, в которой крепла дружба народов и международная солидарность.

— Я, как и все мои товарищи по Советскому комитету защиты мира,— говорил Тихонов, — твердо знал: где бы я ни был, мы доносим до наших друзей — борцов за мир — сокровенные мысли и чаяния советских людей, доверивших нам говорить от имени советского народа, что он полон решимости защищать дело мира, полон веры в то, что это славное единство всех народов приведет к полной и окончательной победе сил мира.

И теперь, в февральские дни 1979 года, в своей предсмертной, еще не опубликованной статье Николай Семенович полон этого великого оптимизма:

«Я надеюсь и верю, что, укрепляя единство и сплоченность нашего движения, вовлекая в ряды сторонников мира новые и новые миллионы, действуя совместно со всеми миролюбивыми силами планеты, мы преградим путь новой мировой войне. Воля народов к миру неодолима. Сообща мы победим».

С этой верой в победу сил мира он жил. Эта вера не покидала его до последнего дыхания.

В одном из своих стихотворений поэт говорил о встречах с людьми доброй воли разных стран:

В городской или в зеленой чаще,
Может быть, и скажут обо мне:
«Это друг был добрый, настоящий,
Хоть и жил в далекой стороне».

Да, это действительно был добрый, настоящий друг для многих и многих людей на земле. Светлое, доброе имя Николая Тихонова никогда не забудется.

Михаил КОТОВ

Вышла в свет научная биография Надежды Константиновны Крупской — видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, жены, друга и соратника Владимира Ильича Ленина.

Эту прекрасно оформленную книгу читатели встретят с особым интересом и благодарностью к ее авторам и издателям, тем более что в эти дни отмечается 110 лет со дня рождения Надежды Константиновны.

Н. К. Крупская прошла славный путь революционной борьбы. С юных лет она связала свою судьбу с судьбой рабочего класса, училась у него и сама отдала все свои знания, силы и энергию делу освобождения трудящихся.

Петербург, Невская застава... Здесь она работала в вечерней рабочей школе, в подпольных марксистских кружках. «...Пять лет, проведенные в школе, влили живую кровь в мой марксизм, навсегда спаяли меня с рабочим классом»,— так характеризовала она этот период своей жизни.

Здесь, в Петербурге, Надежда Константиновна познакомилась с Владимиром Ильичем. «Мы встретились с Ильичем,— скажет она впоследствии,— уже как сложившиеся революционные марксисты,— и это наложило печать на нашу совместную жизнь и работу».

Н. К. Крупская была самым близким товарищем В. И. Ленина по партии и революционной борьбе, делила с ним все трудности его большой и славной жизни, своей трогательной заботой, исключительным вниманием создавала ему необходимые условия для работы. Она являлась его первым и надежным помощником. Вот как об этом писала ветеран международного коммунистического движения Клара Цеткин: Крупская «была правой рукой Ленина, его главный и лучший секретарь, его убежденнейший идейный товарищ, самая сведущая истолковательница его воззрений, одинаково неутомимая как в том, чтобы умно и тактично вербовать друзей и приверженцев, так и в том, чтобы пропагандировать его идеи в рабочей среде».

Со слов об Ильиче начинается и книга. На ее суперобложке приведены слова Крупской: «Ленин был революционным марксистом и коллективистом до глубины души. Вся его жизнь, деятельность были подчинены одной великой цели — борьбе за торжество социализма. И это накладывало печать на все его чувства и мысли».

Пламенное слово о Ленине Надежда Константиновна несла в массы на протяжении всех пятнадцати лет, прожитых после кончины Владимира Ильича. Самым волнующим выступлением была ее мужественная речь на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов 26 января 1924 года. В тяжелейшие в ее жизни дни, оставаясь верной своему высокому долгу коммуниста, она нашла в себе силы взойти на трибуну съезда и сказать такое, что не забудется никогда: «Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным...

Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое Ленину знамя, знамя коммунизма!

Товарищи рабочие и работницы, товарищи крестьяне и крестьянки, трудящиеся всего мира, смыкайтесь дружными рядами, становитесь под знамя Ленина, под знамя коммунизма!»

В тридцатые годы мне доводилось неоднократно слушать выступления Надежды Константиновны. Говорила она просто, предельно ясно. Она очень тонко чувствовала аудиторию, ее интересы, настроения. Говорила спокойно, негромко, без пышных фраз. Но каждое ее слово глубоко западало в души людей, заставляло размышлять.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ.

Рисунок народного художника СССР Н. Н. Жукова.

ДРУГ И СОРАТНИК ИЛЬИЧА

Основоположник марксистской педагогики, выдающийся педагог-марксист, Н. К. Крупская десятки лет работала на поприще народного образования. Ее книга «Народное образование и демократия», написанная еще в годы первой мировой войны, послужила основой «реального педагогического процесса в тысячах и тысячах школ нашей республики»,— говорил нарком просвещения А. В. Луначарский.

Надежда Константиновна участвовала в разработке положений программы партии по вопросам народного образования, активно помогала создавать в Советской стране школьную систему и систему просвещения в целом. Ее живо интересовали такие важные проблемы, как национальная школа и культура, формы и методы руководства народным образованием, политехническое образование, образование и самообразование взрослых, политико-просветительная работа в городе и деревне.

Коммунистическому воспитанию подрастающего поколения Крупская отдавала весь свой блестящий талант педагога, воспитателя.

В ряд наиболее действенных средств воспитания нового человека Н. К. Крупская ставила произведения художественной литературы, проникнутые нашей коммунистической идеологией, героикой социалистического строительства, пониманием писателями смысла жизни и борьбы. Она хорошо знала творчество современных ей советских писателей, часто раньше других оценивала появившиеся на свет книги. «Мы должны дать нашей молодежи такие художественные произведения, которые бы раскрывали глаза на окружающую жизнь. Почему произведение Н. Островского «Как закалялась сталь» имеет такое большое распространение и так охотно всеми читается? — отмечала она.— Потому, что оно освещает борьбу рабочего класса за свое светлое будущее, потому, что описанное там — живой, образный показ пережитого очень и очень многими».

Биография Н. К. Крупской заканчивается словами Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева: «Величественные результаты и ясные перспективы коммунистического созидания — зримое подтверждение исторической правоты и неодолимости того дела, ради которого жили и боролись поколения революционеров-марксистов».

К этому поколению революционеров, к славной гвардии марксистов-ленинцев, принадлежала Надежда Константиновна Крупская.

И. КИРЮШКИН,
член КПСС с 1918 года

Надежда Константиновна Крупская. Биография. Авторский коллектив: Г. Д. Обичкин (руководитель), В. С. Дридзо, С. У. Манбекова, Д. К. Михалутина, Е. П. Подвигина, В. Н. Степанов, М., Политиздат, 1978, 415 стр.

На кубанской земле наступает весна. Сходит с полей снег, щедрая нива просыпается от зимнего сна. Все больше хлопот у земледельцев: нынче каждая пятнадцатая тонна товарного зерна России — кубанская. Краснодарский край дает две трети получаемого в республике риса, каждую двадцатую тонну мяса, каждую двенадцатую — овощей, третью часть фруктов и винограда.

Впереди у кубанцев новые трудовые обязательства. Их выполнение вплотную связывают здесь с идейно-воспитательной и культурно-просветительной работой на селе. «Одна из важнейших задач сегодня,— сказал Л. И. Брежнев на июльском (1978 г.) Пленуме ЦК КПСС,— состоит в соединении сельскохозяйственного производства с культурой, понимаемой в самом широком смысле слова как культура труда, быта, человеческих отношений».

Культуре села уделяется сегодня в Краснодарском крае первостепенное внимание. На Кубани родилось движение: «Труженикам села — все богатства культуры!» Это движение получило признание в других краях и областях республики.

С председателем Краснодарского крайисполкома, депутатом Верховного Совета СССР Георгием Петровичем РАЗУМОВСКИМ беседует специальный корреспондент «Огонька» Феликс МЕДВЕДЕВ.

— Прежде чем встретиться с вами, Георгий Петрович, я побывал в совхозе «Красноармейский». То, что я увидел там, поражает. Картинная галерея, художественная и музыкальная школы, строящийся Дворец культуры со зрительным залом на 800 мест, готовый к открытию музей рисоводства и уже действующий коневодческий музей. В конноспортивной школе совхоза занимается более трехсот ребятишек, великолепный манеж... Невольно возникает вопрос: уровень культурного развития села, достигнутый в совхозе «Красноармейский»,— это обычное явление на Кубани или все же особый случай?

— Еще рано говорить, что такой подъем культуры — явление повсеместное. Но и сказать, что образ жизни совхоза «Красноармейский» уникален, тоже было бы неверно. Истина в том, что все кубанские села становятся краше, богаче, привлекательнее именно потому, что культуре села уделяется очень большое внимание... Без цифр тут не обойдешься; назову главные: сегодня на Кубани действуют около двух тысяч домов культуры и клубов, три тысячи библиотек с книжным фондом в двадцать восемь миллионов томов, сто восемьдесят детских музыкальных и художественных школ, пять театров, три филармонии, 23 парка культуры и отдыха, два цирка, десятки государственных и народных музеев, более десяти тысяч самодеятельных коллективов... Короче: сама материальная база культуры в крае уже позволяет работать на качественно новом уровне. Мы много строили, будем строить и впредь. Но сейчас важно использовать все то, что создано, привлекая людей, воспитывая любовь и уважение к подлинному искусству, умение внедрять и поддерживать прекрасное, доброе... Непрерывный поиск новых форм общения искусства с народом — вот наша задача.

— Как раз об этом я говорил с директором совхоза «Красноармейский» Алексеем Исаевичем Майстренко. Многое меня поразило в этом человеке. Он самородок!.. Простой деревенский паренек стал выдающимся организатором, получил звание Героя Социалистического Труда. Привлекает его прямота в суждениях и какое-то бьющее через край жизнелюбие, уверенность в правоте и необходимости того, что он делает в совхозе... Но главное в облике Майстренко — современный взгляд на проблемы культуры села. Многие его отговаривали, например, от строительства манежа. Но только сегодня все поняли, какой радостью, каким «манком» стала конноспортивная школа для совхозной молодежи!.. Майстренко, отдав под картинную галерею здание дирекции, продолжает договариваться с художниками о пополнении своей «Третьяковки» новыми экспонатами... Вообще он полон замыслов! Да и всех совхозных руководителей вдохновило постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания сельского населения».

— Это очень важное, своевременное постановление породило новые ценнейшие инициативы. По призыву сельской интеллигенции колхоза имени Кирова в крае началось движение «Труженикам села — все богатства культуры!». Бюро краевого комитета партии и крайисполком одобрили почин. И это буквально всколыхнуло весь край, всю нашу интеллигенцию. Кубанские художники в свое время первыми откликнулись на предложение костромских земледельцев о ежегодных выставках «Земля и люди». Сейчас создание новых талантливых полотен — а это подлинная изобразительная летопись многих прославленных хозяйств — помогло художникам еще больше укрепить связи с селом. От командировок, редких наездов они перешли к глубокому и длительному общению с колхозниками и рабочими совхозов. Творческие бригады получили как бы постоянную прописку в том или ином хозяйстве; возникли постоянно действующие художественные выставки в Усть-Лабинском, Курганинском, Красноармейском районах... Широкий общественный отклик вызвал концерт-хроника «Песня Малой земли», созданный краевой филармонией и театром оперетты. Концерт прослушали тысячи тружеников села.

Интересно и плодотворно работают театры края; они открывают свои филиалы в сельских домах культуры. У нас уже более двадцати филиалов. Жители всех сел смотрят и лучшие спектакли краевых театров, но это уже как бы само собой разумеется. Гораздо важнее другое: профессиональные режиссеры и актеры выявляют талантливых людей в селах и помогают самодеятельным коллективам ставить свои спектакли в станицах. У каждого театра есть свой спутник. В совхозе коммунистического труда «Красное» Кущевского района хорошо работает народный театр, над которым шефствует М. В. Нагли, режиссер краевого драмтеатра, заслуженный деятель искусств РСФСР. Силами самодеятельности на совхозную сцену здесь выпущено два спектакля: «Старик» М. Горького и «Трибунал» А. Макаенка. В крае создана театральная творческая лаборатория, которой руководит Б. Г. Голубовский, народный артист РСФСР, главный режиссер Московского театра имени Гоголя... Многообразны и писательские связи с селом; прочная дружба соединяет, например, литераторов Адыгеи с тружениками колхоза имени Ленина, Теучежского района. Учреждена колхозная премия, которую присуждают за лучшее произведение о сегодняшнем селе. Радует, что на полках местной библиотеки стоит более ста книг адыгейских писателей с их дарственными надписями. Но и это не единичный случай. Интеллигенция края из своих личных собраний передает десятки тысяч книг сельским библиотекам.

Много других интересных новых форм культурной работы на селе выявилось уже в самое последнее время. Так, например, крайком КПСС и исполком краевого Совета народных депутатов приняли решение о развитии на Кубани шахматного спорта. В селах открываются новые шахматные секции, а в краевом центре будет создан шахматный клуб. Об этом почине кубанцев чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов сказал: «Краснодарцы начали перспективное дело. Если все пойдет, как задумано, успех обеспечен. На Кубани может сложиться четкая и действенно работающая система, которая добавит местной шахматной жизни новых красок, нового вдохновения... Прекрасно, что в большую работу, начатую в Краснодарском крае, заложены идеи воспитания».

К слову сказать, хорош и почин борьбы с курением, который мы тоже решили поддержать. Краснодарцы справедливо считают, что курение не только вредная привычка, но и социальное зло. Повсеместно и особенно решительно наступают на курильщиков в учреждениях культуры и общественных местах.

Сегодня в крае осуществляется единое планирование развития культуры, что позволяет объединить силы и средства различных организаций и ведомств. Такой подход к делу способствует созданию культурных комплексов на селе. Нынешний сельский Дом культуры повсюду становится как бы универсальным: тут и концертный зал, и театр, и кинозал, и аудитория народного университета... Конечно, такой Дом требует большей заботы о себе: требует и сложного оборудования и значительной энергоемкости. Так что, пожалуй, не режет слух, когда сельский Дом культуры теперь называют «цехом культуры». Ведь это так и есть: в Доме культуры должна вестись многосторонняя деятельность, там и «делают» культуру и ее «потребляют».

О преимуществах новой системы можно судить на примере деятельности комплекса «Поиск» в станице Кавказской. Руководит им Петр Антонович Чаплыгин — энтузиаст, человек завидной духовной энергии. Юношей он ушел на фронт, участвовал в штурме Берлина, награжден боевыми орденами. А после войны «боевым постом» для Петра Антоновича стал Дом культуры, сделавшийся родным для жителей станицы. Комплекс «Поиск» объединяет все творческие, массовые учреждения села. Тут и Дом культуры на шестьсот мест, и клуб на триста мест, Дом пионеров, три библиотеки, два кинотеатра, несколько стационарных киноустановок, народный музей, университет культуры... И все эти «подразделения» комплекса «Поиск» работают по единому плану. Интересно, что в станице по сравнению с 1976 годом в два раза возросло число участников художественной самодеятельности, на 15 тысяч экземпляров увеличилась выдача общественно-политической и сельскохозяйственной литературы.

Уже в прошлом году в нашем крае большинство клубных мероприятий проводились там, где решалась судьба трудовых планов. Концерты, выступления, встречи шли на фермах, полевых станах... Очень важно, чтобы человек в перерыве между работой порадовался, отдохнул, чтобы возникло у него хорошее настроение. Встречи тружеников с подлинным

В работе выездного заседания секретариата правления Союза художников РСФСР, проходившего в Усть-Лабинском районе, принял участие первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунов (в центре) ● В картинной галерее совхоза «Красноармейский» ● Сельская «Третьяковка» колхоза «Кубань».

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Солистка народного казачьего ансамбля песни и танца Наташа Яблоновская ● Художников встречали с цветами и хлебом-солью ● Центральная улица совхоза «Красноармейский» ● На сцене — свои артисты ● У входа в манеж ● Казачий «эскадрон».

Фото М. САВИНА

НОВЬ КУБАНСКОГО СЕЛА

Художники России —
труженикам села
Выставка

ВЫСТАВКА
ВЫСТАВКА

искусством, задушевным словом, радостной мелодией поднимают дух, веселят, а значит, способствуют успеху дела.

— Георгий Петрович, расскажите в связи с этим подробнее о намерениях кубанцев планировать всю культурно-просветительную работу соответственно с основными этапами сельскохозяйственного года.

— Намерение это понятно и важно. Мы считаем, что работнику культуры надо быть рядом с земледельцами с того момента, когда первое зерно легло в землю, и до радостной поры сбора урожая.

Правда, мероприятия культурного порядка: концерты, лекции и т. д.— на полевых станах во время страды нежелательны. И это понятно: время земледельца дорого! Но работники культуры Кавказского района нашли новые формы человеческого общения. Не отнимая драгоценных минут у хлебороба, они поздравляют каждую семью особо отличившихся в этот день механизаторов. Имена передовиков становятся обычно известны только под вечер, и поэтому уже на ходу корректируется сценарий небольшого концерта, складываются слова теплого приветствия передовикам. Родственники механизаторов, соседи, ребятишки, все обрадованные и заинтересованные, выходят на улицу. Начинается веселый импровизированный концерт. И пусть он длится лишь несколько минут, но плывет над улицей, над станицей мелодия любимой песни, звучат стихи... Такой концерт обычно недолог, но его эффект оказывается удивительным. «Спасибо!.. Молодцы!.. Приезжайте еще!» — просят станичники. А однажды знатный комбайнер Николай Сахно высказался так: «Спасибо, хлопцы и девчата! А я вас не подведу, буду так работать, чтобы вы еще раз к моему дому приехали, когда последний колосок снимем! Тогда уж споем все вместе!..»

Артисты Павловского народного театра преподнесли хлеборобам неожиданный подарок: накануне массовой уборки хлеба они показали селянам премьеру своего нового спектакля. А под Новый год на межколхозный откормочный комплекс «Павловский» прибыл автобус с необычными пассажирами: собравшуюся публику поздравили с Новым годом Дед Мороз и Снегурочка. Особенно тепло они приветствовали животноводов из звена Раисы Ивановны Ровной — победителей социалистического соревнования. Их чествовали не только песней, веселой шуткой, но и еще и подарками.

Время бежит, и снова мы с каждым днем, с каждым часом стремительно приближаемся опять к своей самой ответственной поре: уборке будущего урожая... Все знают, что кубанская земля — щедрая, богатая земля, а Краснодарский край — одна из главных житниц страны. Зерно, рис, мясо, фрукты, овощи даем мы государству, собирая это все не милостью природы, но упорным трудом селян, упорством и старанием хлеборобов. И тут мы снова с благодарностью будем говорить о тех, кто всегда рядом с земледельцем,— о бойцах идеологического фронта. Ведь уже сейчас, в эти дни, когда готовится к предстоящей работе вся техника, когда особенно много дел у животноводов, овощеводов, рисоводов, ни на один день не прекращаются, а, напротив, растут связи работников культуры с тружениками села.

— А какие требования предъявляете вы к работникам культурного фронта?.. Ведь сегодня у каждого третьего жителя села имеется высшее или среднее образование, техническая специальность. Этот высокий уровень грамотности уже сам по себе налагает высокую ответственность на работу культпросветучреждений.

— Конечно, село меняется с каждым днем. Именно поэтому и растут требования к сельскому культпросветработнику!.. В своем приветствии к участникам Всесоюзного совещания работников культуры Л. И. Брежнев назвал их активными проводниками политики партии. Значит, культпросветработник, чтобы выполнить эту важнейшую миссию — **проводника политики партии**,— должен быть хорошо подготовлен и эрудирован во многих вопросах культуры, искусства, политики. Думаю, что он должен владеть основами педагогической науки да и вообще быть настоящим специалистом своего дела. Конечно, должен быть прочно связан с жизнью страны, жизнью своего колхоза или совхоза, со всеми делами производства... Именно эта черта раскрывает «секрет» популярности многих наших лучших работников культуры. Хочу вспомнить еще о таком мастере, как Владимир Федорович Пахомов, художественный руководитель Платнировского Дома культуры. Сколько же у него разнообразных дарований, сколько энергии, задора! Этим-то он и притягивает к себе жителей села, объединяет их. И вот, словно мало ему основной работы, так он на общественных началах руководит еще вокально-инструментальным ансамблем местного профтехучилища...

Надо ли говорить, что далеко еще не все идет у нас гладко и бесперебойно. Трудностей хватает, когда дело касается кадров! Беда в том, что не все выпускники краевого института культуры — иногда даже и стипендиаты — возвращаются на работу в родные места. Бывает и так, что руководитель сельской художественной самодеятельности, добившись у зрителей заметных успехов, вдруг покидает село в поисках чего-то лучшего.

— Кстати, только что в кабинете начальника управления культуры крайисполкома я узнал, что одна молодая пара, числившаяся в активе и ставшая лауреатом Всероссийского конкурса, покинула село.

— Вот такие-то просчеты всегда особенно огорчают. Ведь их не ждешь, да и предусмотреть их нельзя.

Под конец нашей беседы я спросил Г. П. Разумовского: можно ли все же измерить результаты работы, проводимой в кубанском селе?.. Существуют ли такие «весы», на которых можно взвесить плоды труда многотысячной армии проводников культуры?..

— Как ни покажется странно, «весы» эти, пожалуй, общие. Пожалуй, они те же, что у всех. Ведь все у нас делается ради тех «весов», коими меряется богатство жизни народа, меряются наши совместные трудовые усилия. И успех громадного, единого комплекса наших нынешних задач зависит от нас — всех вместе. Таково требование нашего времени... Целью же культурно-воспитательной работы является повседневное гармоническое развитие каждой личности... Судить о том, насколько достигнута эта цель, можно по социальной активности населения, по его отношению к общественным обязанностям, к труду.

Честный труд на благо общества возвышает. Человек становится благороднее, добрее, лучше. Поэтому-то высокая культура рабочего, колхозника, каждого жителя села определяет будущее,— не только наш сегодняшний, но и завтрашний день страны.

ВСЕ СУЩЕЕ — УВЕКОВЕЧИТЬ...

«Стоим в деревне Колбы, на днях переедем в Лопатино...», «с поля виднеется Пинск...», «живем в имении князя Друцкого-Любецкого, Парохонск...», «под усадьбой — река Бобрик...» — эти и другие названия белорусских сел, городов и рек встречаются постоянно в многочисленных письмах Александра Александровича Блока, посланных с фронта первой мировой войны.

Вместе с редактором «Полесской правды», бывшим комиссаром партизанской бригады Дмитрием Ивановичем Дудко, мы отыскали в самом центре белорусского Полесья, в деревне Колбы, что находится в двадцати километрах от Пинска, «избу Лемешевских», в которой жил Блок с товарищами по военной службе. Старожилы Степан Яковлевич Лемешевский и Никанор Михайлович Колб показали старую усадьбу, колодец с самой чистой в деревне водой, бугры, с которых в ясную погоду поэт видел Пинск, занятый в те времена немцами, старинную утварь, походную кровать-сороконожку времен первой мировой. У реки Стырь застыла прекрасная миниатюрная часовенка, дважды нарисованная шесть десятилетий назад поэтом. Прогремевшие здесь бои трех войн и обычно жестокое к прошлому время счастливо пощадили узкоколейку начала века в деревне Камень, здания старинной церкви Кирилла и Мефодия в селе Погост и деревянной церкви 1888 года в Парохонске. Уцелел и дом в селе Парохонске, где Блок бывал с товарищами по службе.

Вдоль дорог — обрисованные Блоком в письмах чащи черной ольхи и кое-где — руины укреплений первой мировой войны, землянки партизан Великой Отечественной...

Идея создания музея Блока к 100-летнему юбилею поэта на Полесье, предложенная редакцией «Огонька», нашла одобрение в Центральном Комитете Компартии Белоруссии, в Министерстве культуры республики. По инициативе республиканских и местных органов установлены мемориальные доски в честь русского поэта в деревнях Камень, Колбы и Лопатино, а недавно созданный в

Деревня Колбы. Часовня. Рисунок А. Блока в письме к жене от 16 августа 1916 года.

Здание часовни в деревне Колбы. Фото 1978 года.

Пинске Белорусский государственный музей социалистического преобразования Полесья образовал в Колбах свой филиал — мемориал поэта Александра Блока, певца Великого Октября. Особенно знаменательно, что произошло это именно в братской Белоруссии, где уже взяты под государственную охрану в качестве памятников культуры и усадьба Лемешевских, и часовня в Колбах, и здания в Погосте и Парохонске. В то же время с горечью приходится констатировать, что, к сожалению, на сегодня нет практических сдвигов в восстановлении блоковского Шахматова и в организации мемориального музея в Ленинграде, в последней квартире Блока.

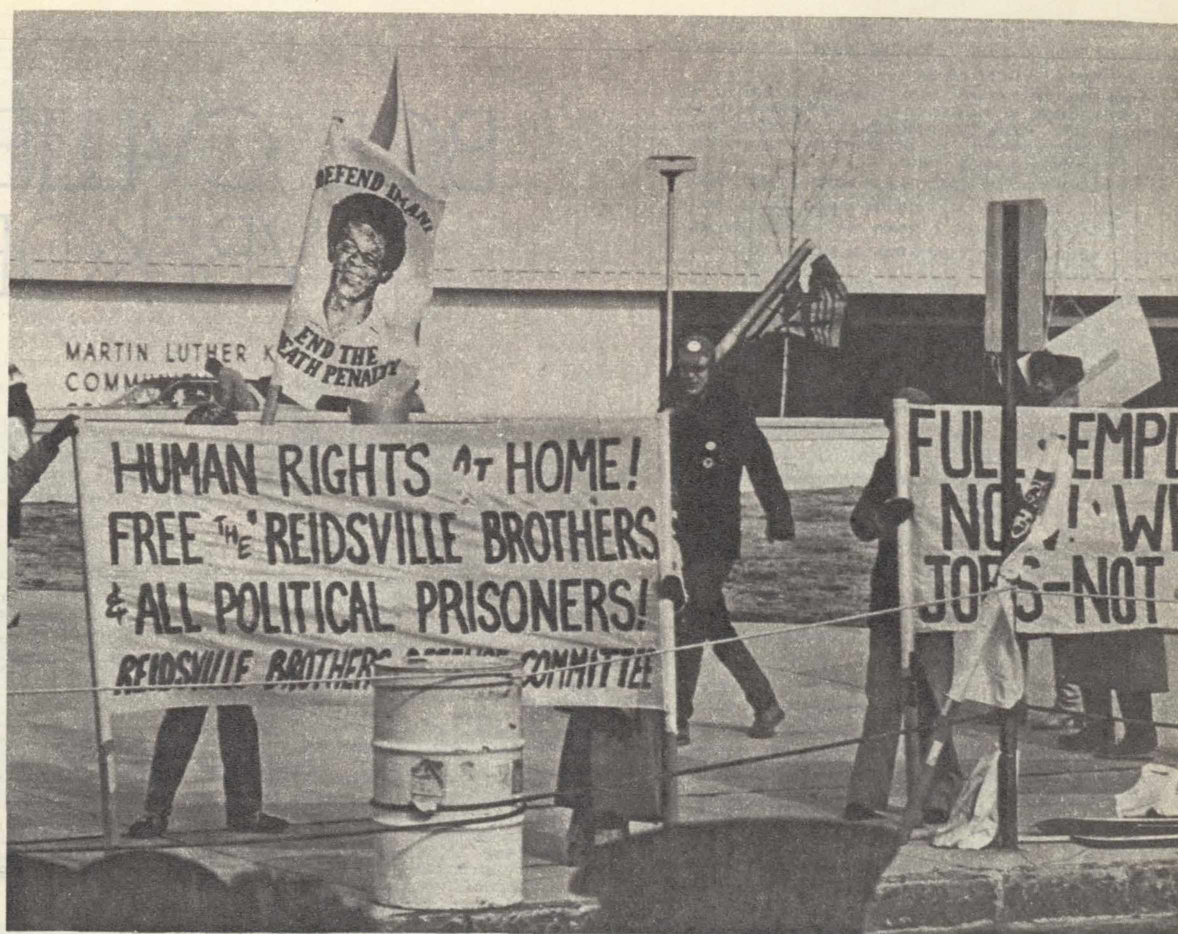
Активную помощь в подборе материалов создающемуся музею Блока в Белоруссии оказывают Центральный государственный архив литературы и искусства, Гослитмузей, Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), многие энтузиасты. Чрезвычайно важно, чтобы в экспозиции были собраны подлинные вещи того времени, оригиналы фотографий, писем, документов. Их еще можно разыскать. Намечено отвести под музей всю усадьбу Лемешевских, сделать со временем Блоковским заповедником обширную территорию от Пинска до Лунинца, проводить праздники поэзии на просторном лугу у околицы Колбов.

Музей в Белоруссии географически близок к Польше, где бывал поэт, где жил и работал его отец — профессор Варшавского университета А. Л. Блок, а также к Литве, куда уходят родственные корни Александра Блока. В новом музее поэта, конечно, найдут отражение эти связи.

Белорусский период, несомненно, подготовил вдохновенный творческий взлет Блока в первые месяцы Октября, когда были написаны «Двенадцать», «Скифы», многие строки «Возмездия», и сыграл огромную роль в формировании того состояния Блока — поэта революции, о котором Л. Д. Менделеева-Блок писала в своих воспоминаниях: «...я быстро встряхнулась и нашла в себе мужество вторить тому мощному гимну революции, какой была вся настроенность Блока».

Г. БЛЮМИН

В. МАТВЕЕВ,
член президиума Советского комитета защиты мира

Гарантировать права человека в своей собственной стране требуют от президента США авторы этих плакатов.

Не часто в жизни доводится лететь за десять тысяч километров в другую страну ради юбилейной даты. В середине января такая встреча предстояла в Атланте, штат Джорджия, в США. Исполнялось 50-летие со дня рождения доктора Мартина Лютера Кинга, чье имя вряд ли требует особых пояснений. И обстоятельства его недолгой жизни и гибели от рук наемного убийцы свежи в памяти многих людей не только на его родине.

Всемирный Совет Мира широко отметил эту дату. В то же время вдова М. Л. Кинга — Коретта Кинг пригласила на юбилейные дни в Атланту делегацию ВСМ. Ее возглавил президент ВСМ Ромеш Чандра. В состав ее членов вошли Кошта Гомеш — бывший президент Португалии, Джеймс Ламонд, член британского парламента, лейборист, и общественные деятели других стран. Был представлен в делегации и Советский комитет защиты мира. В Москве в те же дни общество «СССР — США» провело заседание, посвященное памяти М. Л. Кинга.

На пути в Атланту мы ненадолго остановились в Вашингтоне. Среди встречавших нас в аэропорту была Джоан Батлер, негритянская общественная деятельница, улетавшая в тот же день в Майами для участия в массовом бойкоте нашумевшего в США боксерского матча. Один из его участников был приглашен из ЮАР. Это был полицейский, расстреливавший мирную демонстрацию в Соуэто, пригороде Иоганнесбурга. Протесты американской общественности против участия в матче убийцы-расиста не подействовали на организаторов. Они заявили, что проведут его, если потребуется, с помощью полицейской силы.

В самолете, летевшем из Вашингтона в Атланту, мы были свидетелями такой сцены. Молодая негритянка раздавала пассажирам листовки с призывом о «спасении души», обещающей своей пастве обретение райских кущ в больном обществе. У женщины были пухлые руки, и весь ее вид был постно-благочестивый. А мы только распрощались крепкими рукопожатиями с Джоан Батлер, подтянутой, мобилизованной в ожидании предстоявшего ей и ее друзьям в курортном Майами. Две женщины-соотечественницы — две разные жизненные философии.

Прибыв в Атланту около полуночи, утром следующего дня мы встретились с Кореттой Кинг в «Центре социальных изменений». Центр был двухэтажным деревянным коттеджем. Комнатушки-клетушки «центра» трещали от наплыва посетителей. Коретта стремительно вошла в комнату, где наша делегация из семи человек занимала почти все свободное место, и извинилась, что не может уделить нам много времени. «Видите, что делается!» — сказала она.

Волевые черты лица, внимательный, чуть улыбчивый взгляд, свободно спадающие на плечи локоны темных волос. Такой мы наблюдали ее в следующие несколько дней много раз. Она могла простоять за столом на семейном ужине в одном из отелей города и представлять каждого из сидевших в зале сотням человек — своих близких, соратниц — больше двух часов, не выказывая и тени усталости. Она с такой же компетентностью рассказывала о жизненном пути Алекса Хэйли — автора бестселлера «Корни» о генеалогии негритянского населения в США, как и анализировала этапы долгой борьбы за действия конгресса для обеспечения занятости в стране. Юноша Мартин был очарован ее музыкальным голосом, когда они познакомились, но посвятить себя любимому занятию Коретта не смогла. Выпавшие на их долю дела оказались важнее вокальных занятий. Петь она любит до сих пор, и, наверное, поэтому негритянские спиричуэлс, исполнявшиеся капеллой юношей и девушек из местной округи, входили в обязательную программу состоявшегося юбилея.

«Вы можете осуществить мечту Кинга»,— было выведено белыми буквами на красном фоне на транспаранте, установленном в глубине Эбинезерской церкви, где происходили основные мероприятия, связанные с юбилеем М. Л. Кинга. Он мечтал о дне, когда в его стране и вообще на земле исчезнут очаги угнетения, неравенства, нищеты. Мечтал вслух перед тысячными аудиториями, вселяя веру в окружавших его людей, энергию для наступления на оплоты расизма.

Отец прочил Мартина Лютера Кинга себе в преемники в качестве пастора Эбинезерской церкви в Атланте. Рядом с этой церковью установлен скромный монумент с вечным огнем в память о М. Л. Кинге. Наискосок, по другую сторону улицы, возник «центр Мартина Лютера Кинга» — одноэтажное строение легкого типа с библиотекой. Здание временное. Идет сбор средств для сооружения фундаментального «центра», где будет размещен архив из миллиона документальных материалов, относящихся к негритянской истории. Видное место будет занимать там оборудованная компьютерами карта-схема «прогресса дела свободы на земном шаре».

Надо собрать внушительную сумму — 8 миллионов долларов. Ни губернатор штата, ни вашингтонская администрация не собираются покрывать эти расходы, хотя Джорджия — один из самых богатых штатов по доходам его корпораций, среди которых возвышаются концерны военно-промышленного комплекса.

Полнота реальной власти в Атланте, как и во всем штате, принадлежит горстке корпораций и банков, слившихся в тугой, неразжимающийся кулак. В состав правления одного из самых могущественных банков — «Траст компани оф Джорджия» — входят представители не менее 12 крупных корпораций штата. Президент компании «Саузерн Кокс бродкастинг» С. Киртленд, владеющий телевидением и двумя крупнейшими газетами Атланты, одновременно является директором концерна «Оксфорд индастриз» и других промышленных фирм.

В городе появилась первая корпорация так называемого «черного бизнеса». Ее владелец выступал в юбилейные дни в честь М. Л. Кинга и так же, как Генри Форд II, имеющий свои предприятия в Атланте, объявил о внесении средств в фонд строительства «центра Кинга». Генри Форд пожаловал один миллион долларов.

Живой Лютер Кинг был мишенью злобы, ненависти американской реакции, мертвый, он стал объектом, казалось бы, всеобщего почитания в США, включая и тех деятелей, которые до сих пор не отказались от мысли «поставить черных на место».

В числе ораторов, выступивших на юбилейных церемониях в Атланте, был представитель губернатора Джорджии Басби — того самого, который требует сейчас казни на электрическом стуле для шести негритянских узников Рейдсвиллской тюрьмы. Именно туда был брошен в свое время и М. Л. Кинг за отказ покинуть помещение закусочной в самом большом универмаге Атланты, принадлежащем фирме «Рич». В начале 60-х годов такой «поступок» классифицировали по той же дифференцированной шкале наказаний для негритянского населения, что и выступления в защиту своих прав томящихся в Рейдсвиллской тюрьме негров-узников, не

ЮБИЛЕЙ

Идет борющаяся Америка.

Фото автора

выдержавших зверского обращения с ними расистов-охранников — во второй половине 70-х.

Число негров, содержащихся в американских тюрьмах, неуклонно растет и превысило сейчас более половины всех заключенных там. Между тем негры составляют 10 процентов населения страны. И другая статистика: число выборных должностных постов в стране, занимаемых неграми, не достигает и одного процента. Если сравнить число содержащихся в тюрьмах США негров с количеством занимаемых ими выборных должностей, то негр имеет «шансов» попасть в тюрьму в сорок раз больше.

Выступая на юбилее, Коретта Кинг говорила об острых проблемах, с которыми в настоящее время сталкиваются в одинаковой степени и белые и черные американцы. Она упоминала о важности объединенных действий всех, кто страдает в стране от нужды.

Эти слова прозвучали в зале «Шести флагов» 72-этажного отеля «Пичтри плаза» в центре Атланты, где состоялся прием по случаю юбилея. «Шесть флагов» — так называлась конфедерация штатов американского юга, выступившая в 60-х годах XIX века за сохранение в стране рабовладельчества. Владельцы «Пичтри плаза», решив назвать один из залов отеля «шестифлажным», тем не менее уже не могут делать то, что еще пятнадцать лет назад практиковал хозяин местного универмага «Рич» и другие его единомышленники: закрывать двери своих заведений перед людьми с темной кожей.

Приоткрылись, правда, совсем ненамного, и двери законодательного собрания штата Джорджия перед некоторыми представителями негритянского населения, в том числе и перед племянницей М. Л. Кинга, избранной в состав членов собрания на последних промежуточных выборах.

Жизнь не стоит на месте. Жертвы, принесенные М. Л. Кингом и его соратниками в борьбе за гражданские права, не были напрасными, и сама эта борьба продолжается с позиций, завоеванных в упорных схватках 60-х годов.

В то время как в Эбинезерской церкви выступал прибывший в Атланту на юбилей М. Л. Кинга президент США Дж. Картер, снаружи доносились громкие возгласы массовых пикетов «конференции христианского руководства на юге», которую возглавлял М. Л. Кинг: «Работы!», «Человеческих прав!», «Равенства на деле!»

Днем раньше на Атланту обрушились свирепые для этих мест холода. Температура опустилась ниже нуля. Дул сильный ветер. Ненастье не помешало тысячам людей выйти на демонстрацию протеста против объявленного правительством сокращения ассигнований по социальным статьям бюджета на следующий финансовый год.

Топор «экономии» за счет школ, больниц, жилищ ради «крылатых ракет», подводных лодок «Трайдент», авианосцев ударяет больнее всего по обездоленной массе населения — по неграм и другим национальным меньшинствам. В начале декабря прошлого года Коретта Кинг, вместе с другими негритянскими лидерами, добившись приема в Белом доме, довела до сведения президента США свою озабоченность такими сокращениями. Полученный ответ никого из членов делегации не удовлетворил.

В своем выступлении в Атланте президент США говорил о правах человека. Слова, слова... Ими сыты по горло миллионы американцев, выброшенных на улицу, стоящих в очередях у бирж труда, лишенных скромных сбережений из-за бушующей инфляции, ютящихся в трущобах.

«Пичтри плаза» с его искусственным озером внутри, попугаями в громадных золоченых клетках, экзотическими растениями, вращающимся рестораном на 72-м этаже — островок роскоши в окружающем его море кварталов, где обитает преимущественно негритянское население, составляющее большинство жителей города. Средняя цена номера в «Пичтри плаза» — 60 долларов. На эти деньги должны сводить концы с концами немало американских семей в той же Атланте в течение как минимум недели.

Самым свирепым бичом остается безработица. Среди негритянской молодежи она достигает 40 процентов. Тема безработицы была самой волнующей на встречах в Атланте, посвященных памяти М. Л. Кинга. В качестве сопредседательницы «Совета действий за полную занятость» Коретта Кинг отдала больше всего сил в последнее время борьбе на этом участке. Фокусом усилий стал внесенный в конгресс законопроект Хэмфри-Хокинса. В его первоначальном виде он предусматривал определенные обязательства пр[illegible]авительства за поддержани[illegible] в стране занятости. В кон[illegible] концов законопроект бы[illegible] принят. Но в каком виде? О[illegible] него остались рожки да [illegible]жки.

Прибывшая в Атланту министр торговли США г-жа Х. Крепс, выступая перед представителями профсоюзов в связи с 50-летием со дня рождения М. Л. Кинга, заявила следующее: занятость никогда не будет полной, этому мешают дефекты человеческой натуры...

Вот, оказывается, в чем дело. Виноват не капитализм, а неисправимая «человеческая натура»!

С первых же часов участия в юбилейных днях в Атланте мы почувствовали горячее дыхание нынешней политической атмосферы в стране. Соратники покойного негритянского лидера выражали в беседах серьезную озабоченность активизацией в США крайне правого крыла господствующего класса и упоминали даже о возможности «тихого военного переворота», который может произойти, если не дать своевременного отпора деятелям и группировкам, выступающим с явно профашистских позиций «наведения порядка» внутри и применения силы за пределами США.

Поначалу, откровенно говоря, такие оценки показались нам чересчур драматичными. Но их, оказывается, полностью разделяют и некоторые хорошо информированные, находящиеся в гуще политических страстей деятели. Член палаты представителей США Огастас Хокинс, соавтор упомянутого выше законопроекта о полной занятости, писал недавно в еженедельнике «Мичиган кроникл» о том, что новый фашизм, маскирующийся под старомодный американизм и проповедующий расизм, имеет сторонников во всех сферах американской жизни. «Они хорошо организованы и в большинстве случаев выступают общим фронтом, чтобы лишить национальные меньшинства возможности пользоваться правами человека. Они представляют угрозу для безопасности всех порядочных людей в Америке. Так писал Хокинс и, сознавая, что его слова встретят возражения, ставил этим сомневающимся американцам вопрос: «Вам кажется это притянутым за уши? Но,— писал он,— задумайтесь над тем, с чем сталкиваются все конструктивные предложения в этой стране. На них сыплются нападки на всех уровнях...» Сторонники жесткой власти выступают против Лиги борьбы за равноправие женщин. Они выступают за такую налоговую реформу, которая больнее всего бьет по беднякам. Они выступают против такой экономики, которая обеспечивала бы полную занятость. «Они полагают, что Америке лучше живется, когда она придерживается их фашистской точки зрения, что все определяется принадлежностью к той или иной расе».

И, конечно, все эти деятели и группировки ратуют за гонк[illegible] вооружений, ополчаютс[illegible] против всяких соглаш[illegible]ний с Советским Союз[illegible], аплодируют оголте[illegible]лым антисоветским речам пекинских лидеров.

В рамках юбилейных дней в Атланте были устроены дискуссии по проблемам мира, чему М. Л. Кинг в последние годы своей жизни отдавал столько сил, борясь против американской интервенции во Вьетнаме. Президент ВСМ Ромеш Чандра председательствовал на этом симпозиуме. Бурными аплодисментами встретили участники симпозиума его заявление о том, что под Воззванием за прекращение гонки вооружений, за разоружение, представленным Всемирным Советом Мира в ООН, подписалось 700 миллионов человек. Барыши от вооружений — барыши от расизма! Вот практика тех, кто хотел бы отбросить назад и движение за гражданские права в США и достигнутые за последние годы завоевания в уменьшении угрозы войны, сказал Р. Чандра. На симпозиуме выступили члены делегации ВСМ. Тепло встретила аудитория сообщение о том, что в Советском Союзе также отметили 50-летие со дня рождения М. Л. Кинга.

Частью юбилейных дней было заседание в Атланте комитета ООН по проблемам апартеида на юге Африки. В нем принял участие Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм, а также представители делегаций ряда стран — членов ООН, в том числе и советская делегация.

Члены семьи М. Л. Кинга, следуя его заветам, присоединили свой голос к голосам многих американцев, клеймивших еще неустраненное социальное зло в США, клявшихся не ослаблять борьбы за идеалы погибшего лидера.

«Больше всего ущемляет нас то, что расизм все еще существует в нашей среде. Есть люди, прилагающие усилия, чтобы отвести стрелку часов назад в самой Атланте и в других местах и тем самым притормозить тот небольшой прогресс, который был достигнут»,— заявил отец М. Л. Кинга. Он часто поднимался на трибуну, этот плотно сбитый человек, гордящийся тем, что у него сейчас десять детей и внуков, не согнувшийся под тяжестью выпавших на его плечи испытаний — гибели сына и не так давно жены. Он глубоко верит в неодолимый духовный потенциал своих соотечественников, в успех их борьбы за подлинное равенство, хотя и не питает иллюзий относительно стоящих на этом пути барьеров.

Кинг-старший олицетворяет связь поколений, о которой говорил на юбилее в Атланте автор книги «Корни» А. Хэйли. Как исследователь, он был поражен, когда занялся историей переселения негров на берега Америки из Африки. Как мало аме[illegible]риканцы еще знают о са[illegible]мих себе! Как мизерно мал[illegible] говорится об этом в аме[illegible]риканских учебниках!

Хэйли закончил. И зарыдал, затосковал саксофон в руках негра-виртуоза, которого любил слушать Мартин Лютер Кинг. Казалось, не музыкальный инструмент, а сама человеческая душа, загубленная в расцвете лет, взывала из вечности. Шел последний день юбилейных встреч...

Атланта — Москва.

В АТЛАНТЕ

ПОСЛЕДНИЙ СНЕГ

Александр КУХНО

Он ушел молодым, и нам, его друзьям и близким, не дано знать его иным. Когда он умер, в его столе обнаружились стихи, на целую книгу — хорошие, законченные стихи, а не заготовки. Чего же, думалось, ты не спешил, почему не печатал?

Наверное, зрелость поэта означается и этим совестливым качеством — неспешностью письма, неторопливостью в публикациях.

Поэт Александр Кухно жил и умер в Новосибирске, издав там всего лишь четыре тонких книжки. Книжки эти, однако, на мой взгляд, «томов премногих тяжелей», им суждено жить, напоминая нам о яркой, так рано угасшей судьбе.

Альберт ЛИХАНОВ

ХОЛОДНЫЙ ДОЖДЬ

...Вчера я видел, как горели
на ветках слитки серебра.
Холодный дождь прошел вчера.
Холодный дождь пришел
в апреле...

Еще безлистая, была
березка стройная светла,
что так доверчиво пила
под солнцем влагу дождевую.

И вот — стоит белым-бела.
Нет, не метель над ней мела —
апрель березку чуть живую
одел в рубашку ледяную.
Она стоит белым-бела.

Сперва хрустальные подвески
звенели тоненько. Потом
всю крону затянуло льдом —
и в ледяном белесом блеске
недвижно замерла она.

Но вдруг —
качнулась тишина
и по ветвям отяжеленным,
с протяжным шелестом и звоном
скользнула ветка...
На земле
она рассыпалась.
И долго,
казалось, в ледяных осколках
мерцали угли на золе...
А рядом сумрачно и немо
сосна являла гордый нрав,
как восковые хризантемы,
иголки льдистые задрав.

В МИХАЙЛОВСКОМ

С тропы воспоминаний не сойду
и в смертный час, должно быть,
вспомню это!
Стучат о землю яблоки в саду
российского опального поэта.
Стучат, как полтораста лет назад,
золотоглазые,
летят в траву, как совы.
Фосфоресцируя,
они глядят на сад —
и вечер сумерками
наэлектризован.
Таинственная суток полоса:
ни день ни ночь,
ни света нет, ни тени,—
но мир глядит,
глядит во все глаза
стыдливых остывающих растений.
Раскачивает сумерки шестом
михайловский художник-
реставратор,
с которым
я был незнаком когда-то
и вот теперь приятельски знаком.
С веселою хмелинкою в глазах
два ленинградских гонщика
в кожанках
спешат наполнить
засветло рюкзак,
пока Семен Степанычу не жалко...
. . . .
Над Соротью такая тишина,
как будто вовсе нет реки
за садом.
А за Вороничем идет-гудет война:
там хоронятся ляхи по засадам.
Я в западне. За мной заветный дуб
следит, как Черномор,—
за каждым шагом.
По всем окрест яругам и оврагам
он мне пророчит горе да беду.
За то, что я запретный плод беру,
за то, что сов
распугиваю в травах...
Не яблоки в руках моих — отрава.
Все это не к добру,
все не к добру!.
Но вот идет веселый человек,
железною поигрывая тростью!
Нет, я не то, чтоб весь
двадцатый век,—
но рад ли ты непрошеному гостю?

●

Ничего-то мне на надо,
ничего, мой друг.
Только шелест листопада,
солнышко вокруг —

да вовсю смеялась речка
на краю села,
впереди себя словечко
доброе несла.

Видишь, хлопчик по дорожке
гонит колесо.
С колеском не понарошке
хлопчику легко.

Так и я, хоть недалечко
мой последний снег,
тороплю свое колечко
в стороне от всех.

Мне легко за листопадом
слышать не спеша
ворожбу родного лада —
русского стиха.

До родимого крылечка
хлопчик добежит.
Под крыльцом его колечко
зиму пролежит...

●

Снегирь! Ловлю тебя на слове,
ты зарифмован, как стихи,
февральской стужей на изломе
с ветрами майскими, снегирь!

Зачем на ветке конопляной,
перечеркнувшей снежный холм,
раскачиваешься, как пьяный,
чужим растрогнанный стихом?

●

Как на место лобное,
ухожу в разлуку.
Ненавижу злобу,
презираю скуку.

До свиданья, злоба!
До свиданья, склока!
Болевое слово
далеко-далеко.

Самолет над тучей —
как троллейбус в море.
Не спеша изучит
маленькое горе.

Приглушат моторы
старую обиду.
Значит, выйду скоро
на свою орбиту...

Только все короче
у меня орбита,
и больнее к ночи
старая обида.

●

Я знаю все, что скажут обо мне
в недобрых закулисных
разговорах.
Но слов не называю, на которых
споткнулось сердце
в скорбной тишине.

Обидных слов,
несправедливых слов,
изранивших,
состаривших до срока.
Нет, не забыть и не простить!
Жестоко
лжецов ненаказуемое зло.

И все-таки я их не назову,
не повторю коварного навета.
Не мудрости, похожей на сову,
подобно сердце гордое поэта.

Я знаю, совы в глубине ночей
все различат,
как подобает совам,—
и жертву, и убийц, и палачей,
и этот вопль, что не организован.
Но главный смысл страданий
и любви
им не постичь в обидах и крови,
от солнца к солнцу
и от ночи к ночи.

ЛЮБИМОМУ ГОРОДУ

Я спешил к двухрядкам
и гитарам,
одурманенный
черемуховым летом,
в палисады по тесовым тротуарам
приходил,
еще не названный поэтом.

И любимая стихам моим внимала.
И девчонки под гармонь мою
грустили.
Я, признаться,
не тревожился нимало,
что играю и пишу
не в лучшем стиле.

Мы не сами
стиль свой выбираем,
а в себя его вбираем,
как наследство,
вместе с песнями
и говором окраин
золотого — разъединственного! —
детства.

Пела женщина однажды
на вокзале,
не припомню песенки грустней:
«Письмо тебе писала я слезами,
печалью запечатала своей».

Тридцать лет не заживает рана —
тридцать лет мне женщина поет!
Кто ты, жив ли,
автор безымянный,
эти строчки бросивший в полет?

А еще запомнил я подростком
паренька в шинели фронтовой —
пел слепец на рынке
Ипподромском
про цветущий май над головой.

Пел слепец — не милостыни ради,
пел негромко, хромку теребя,
словно все еще стоял в наряде,
сберегая душу для тебя:

«Как ты встретишь меня, любимая,
если я у всех на виду
из смертей, из огня и дыма я
уцелевший к тебе приду?

Припорошенный пылью дорожною
я вернусь, на себя не похож.
Чем ты думу развеешь
тревожную,
как меня ты тогда назовешь?

Я хочу, чтобы ты меня встретила,
как когда-то встречала без слез,
седины чтоб моей не заметила
и морщин, что я с фронта принес».

Не забудь его, любимый город,
взрывом обожженного лица...
До сих пор еще дымится порох
в песне безызвестного бойца.

Джеймс ОЛДРИДЖ

РОМАН

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Прощай, не та Америка

Глава 6

За три дня до моего отплытия в Ливерпуль с конвоем, вышедшим из залива Делавер, японцы разбомбили Пирл-Харбор, и Америка стала другой страной, а Пип и Террада другими людьми. Вернее, они сами по себе остались прежними, но обстоятельства поставили их в другие условия.

Меня удивило то, что американцы не сразу осознали, что они полностью и безвозвратно вступили в войну и что вся их жизнь теперь изменится. В то памятное воскресное утро, как обычно, когда мы работали по воскресеньям, все шло спокойно, своим чередом на двадцать девятом этаже. Ничего не изменилось. Теми же были пустынные нью-йоркские улицы под нами, тот же был воздух и вся атмосфера, и предвкушение загородных обедов, ужинов, коктейлей, и ожидание следующего понедельника со всей рутиной рабочего дня. Я раньше и представить себе не мог, насколько далеки американцы от войны, как мало они о ней знали. А впрочем, зачем им это было нужно? Я находился в Лондоне в день начала войны, и час спустя, после того как Чемберлен объявил об этом в своей речи, у всех, казалось, перехватило дыхание. На следующий день я приехал в Париж, который стал уже военным городом, хотя в этом и было много показного.

Но речь здесь идет не о моих личных воспоминаниях о войне, а о том, что случилось с Пипом и Террадой. Поэтому особый интерес представляют причины начавшихся в них самих в то утро перемен. Пип, пожалуй, был единственным, кто предвидел, чего следует ожидать. Удивительное понимание им реальной обстановки открывало ему глаза на то, что будет происходить, на многие годы вперед: грандиозные морские и воздушные битвы в Тихом океане, продвижение американских армий через Европу и встречу с русскими в Берлине. Никто так точно все не предвидел, как Пип. И это я понял лишь много времени спустя, ибо тогда его соображения представлялись мне чистейшей фантазией. Опасность была настолько велика, что казалось невозможным предсказать, как все пойдет дальше.

Странно было то, что Пип больше интересовался Европой, а Террада — Японией. Казалось, должно было быть наоборот, но Пип всегда мыслил в глобальном масштабе, тогда как Терраду интересовала одна лишь Америка. И если Япония напала на его республику, то именно Японию надо преследовать и уничтожать. Германию же и Италию он во внимание не принимал, так как они еще не объявили войну Соединенным Штатам.

— Но это ведь одна и та же проклятая война! — убеждал Пип.

— Меня не интересует, одна и та же или нет,— настаивал Террада.— Пусть весь европейский континент сдохнет от этой войны, мне до того нет дела. Мы имеем дело с Японией. Япония — страна молодая, японцы грубы и жестоки, и они хотят на нас испытать свою силу. Они нас вышвырнут из бассейна Тихого океана, если смогут, и даже прихватят наше западное побережье, если мы не дадим им быстрый и крепкий отпор.

— Ты образец истинного и ограниченного американца, Лес,— обращался к нему Пип.— Поэтому ты, вероятно, даже лучший американец, чем я.

Террада этого не отрицал. С надутым видом и с чувством какого-то превосходства он сказал:

— Я ухожу из «Тайма» и перебираюсь в Вашингтон на следующей неделе, Пип. Я думаю, тебе следует об этом знать.

— Отлично, черт возьми! — воскликнул Пип. Он сказал, что очень рад за него, и мне кажется, тут Пип впервые вздохнул с облегчением после того разговора с агентами ФБР.— Так вот почему они тебя проверяли!

Террада кивнул в знак согласия. Он выглядел так, как я когда-то, когда двенадцатилетним мальчишкой сказал своим родителям, что занял первое место в школе по прыжкам в воду: гордым, скромным, тщеславным и недосягаемым для всех. В этот момент Террада мне даже нравился.

Серьезная стычка между ними произошла позднее, после заседания редколлегии, на котором я не присутствовал. Они вошли в комнату какие-то притихшие, как будто только что крепко поссорились и перестали разговаривать друг с другом. Германия и Италия уже объявили США войну — шаг, до сих пор непонятный, ибо даже Рузвельт в то время не отважился бы автоматически вступить в войну в Европе. И теперь Пип и Террада спорили о том, кто настоящий союзник и кто настоящий враг. Формально Америка оказалась на стороне русских, и с этим ничего нельзя было поделать. Террада заявил, что это не имеет никакого значения, а после очередного длительного молчания Пип выпалил:

— Ты продолжаешь настаивать, что русские более серьезные наши враги, чем немцы?

— Совершенно верно,— сказал Террада.— Я нацистов не люблю, Пип, но это не причина для того, чтобы стать союзником России.

— Русские, вероятно, победят в этой войне. Тогда что ты будешь делать? — ответил Пип.

— Когда это военное чудо свершится, тогда и поговорим,—рассмеялся Террада.

Они продолжали спорить в таком же духе, и разговор неизбежно коснулся Китая. Террада был против того, чтобы Соединенные Штаты оказывали помощь китайским коммунистам в Яньани.

— Почему мы должны оказывать помощь твоим дружкам красным в Китае больше, чем русским? — сказал он.— Они используют ее только в своих интересах.

Это был первый раз, когда я услышал, как он перешел к личным выпадам, назвав китайцев дружками Пипа. А Пипа будто ужалило.

— Китайцы в Яньани уже десять лет воюют с японцами не покладая оружия, в то время как морская пехота Соединенных Штатов избивает китаянок в шанхайских притонах и подражает проклятым англичанам в своих офицерских клубах. Ты чего хочешь, Лес,— вести сепаратную войну?

— Нам не надо помогать коммунистам,— ответил Террада.— Я, конечно, смотрю на все это с точки зрения дальнего будущего. Но это, безусловно, в интересах Соединенных Штатов.

Пип встал.

— Словом, похоже на то, что Америка будет вести хорошенькую маленькую войну сама по себе,—произнес он и с негодующим видом вышел из комнаты.

Но в конце концов они успокоились и на следующий день, как и прежде, соблюдали нейтралитет. Они устроили мне прощальный вечер на квартире у Пипа и спросили, кого бы я хотел пригласить. Я пригласил весь двадцать девятый этаж. Они все были моими друзьями. Из посторонних я хотел видеть только Эйми.

— Мне жалко расставаться с Эйми,— сказал я Пипу.— Через полгода, максимум год Эйми расцветет как летняя роза.

— И без ее лошадей.

— Я того же мнения.

Пип задумался и немного взгрустнул.

— Жалко Эйми,— сказал он.— Ты действительно хочешь ее пригласить?

— Тогда Джуди будет следить и за ней, а не только за тобой и Лестером,— сказал я.

— И за Китом Квейлом! Ну признайся же, Кит.

Я знал, на что он намекает, но решил изобразить негодование.

— Клянусь, я и не дотрагивался до Джуди,— ответил я.

— Так я тебе и поверю!

— Спроси Эйми. Ведь она за мной следила.

Пип вдруг сделался серьезным.

— Ты правду говоришь, Кит?

— Клянусь тебе.

— Поразительно,— сказал Пип.— Я был уверен, что Джуди решила тебя соблазнить.

— Я этого не знал,— соврал я.— К тому же должен тебя предупредить, что Эйми сделает нокдаун любому, кто решит по глупости жениться на Джуди. Я сам научил ее драться.

Я рассказал Пипу, как учил ее боксу, и он был в восторге.

— Наверно, этим объясняется характер англичанок. Вы их с детства обучаете боксу.

— Ну-ну, потише.

— И что же сказала Джуди?

— Она пригрозила оставить Эйми без копейки.

— Это на нее похоже. Интересно только, кому по праву принадлежат все деньги.

Пип и здесь оказался прав, как я узнал об этом позже. Деньги принадлежали Эйми. Но они были вверены попечительству группы юристов и банкиров. Доля же Джуди была второстепенной и незначительной. Но тем не менее опекуны считали, что она наиболее близкий Эйми человек и поэтому самый лучший и влиятельный советчик.

— О'кэй. Это твоя вечеринка,— сказал Пип.— Так что мы пригласим маленькую старушку Эйми, и наши мяукающие кошечки с двадцать девятого этажа получат колоссальное удовольствие, издеваясь над Джуди, когда узнают, что Эйми помешана на лошадях.

Пип спросил после этого, что думает Люс по поводу моего отъезда.

— Он принял это как надо,— сказал я.— Но с ним предварительно говорил еще Верт. Я объяснил Люсу, что по своей журналист-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—8.

ской манере я не совсем подхожу для работы в «Тайме». А он ответил своим странным, извиняющимся тоном, чтобы я не беспокоился.

— Вам надо думать о своем будущем, так что это ваша проблема и ваша ошибка. Но жалко, что здесь у вас не получилось.

Мы договорились расторгнуть наш контракт. Я предложил возместить большую часть заработка и деньги, уплаченные за билет на самолет. Но Люс и слышать об этом не хотел. Он сказал, что мне выплатят всю сумму денег, причитающуюся по договору, и оплатят обратный проезд до Лондона или куда мне надо. Это было благородно с его стороны, и меня мучили угрызения совести, пока я не рассказал обо всем Пипу.

— А, плюнь ты на это,— сказал Пип.— Хэнк вообще щедрый парень, но ты никому ничего не должен. Они с тебя свое получили.

Может быть, может быть. Но я хотел как можно быстрее отправиться восвояси. В мой дом пришла война. И когда я был вне этой войны, я чувствовал себя в чужой стране.

Вечеринка у Пипа проходила, как и все нью-йоркские вечеринки того, 1941 года, спокойно, пока Пип и Террада не сцепились вновь. Мы сидели парочками и группами, потягивая виски, и «бурбон», и прозрачный холодный мартини, приготовленный Джуди. Мы слушали Хильдегарде и безвестного исполнителя народных песен Берла Ивса, которого кто-то открыл среди любительских записей. Мы говорили о войне, красивой жизни, дилетантизме и распространенной тогда новой нью-йоркской литературной игре: можно ли, и если да, то как заниматься любовью в спальном мешке, о чем писал Хемингуэй. Его книга «По ком звонит колокол» тогда только что вышла. Только один человек не считал забавным обсуждение технических деталей. Это была Эйми, которая, схватив с натянутым лицом мой рукав, произнесла:

— Это так грубо и по-детски. Неужели они ни о чем больше не говорят?

— О чем, например? — спросил я.

— Ну... Я хочу сказать, они всегда зубоскалят так о сексе? Они когда-нибудь останавливаются?

— Да, когда работают.

— Но ведь это же жутко скучно,— прошипела она и отошла.

Она надела свою изрядно поношенную бобровую шубку и ушла. Мне стало ее жаль. Эйми нигде не находила себе места, кроме конюшни. Она не могла понять свою собственную беду, проистекавшую из того, что ее детские представления были слишком условными и конкретными, чтобы в их справедливость могла поверить даже она сама. Секс, пошлость и любовь были в жизни Эйми совершенно разными понятиями. И какую же боль должно было причинить ей это в будущем!

Когда Эйми ушла, я почувствовал себя немного одиноким. Но тут Пип и Террада начали спорить по поводу того, как Хемингуэй интерпретирует испанскую войну.

Тогда я впервые услышал о том, что Террада в свое время активно выступал за Испанскую республику. Террада критиковал Хемингуэя за то, что он питает слишком сентиментальные чувства к Интернациональной бригаде. Но Пип тут напомнил, что он, Террада, выступал в Филадельфии в 1937 году на митинге по сбору средств в помощь этой бригаде.

— Откуда у тебя такие сведения?—спросил Террада, удивившись, что кто-то, а тем более Пип знает об этой его деятельности безвестного сторонника республиканской Испании.

— Твой друг подонок Джек Стоппард был на этом митинге и на днях рассказал мне, как ты в поте лица во всю глотку пел «Интернационал». Ведь о тебе шла речь, не так ли?

— Конечно, обо мне. Но я тогда был очень молод, и меня захлестнула вся эта интеллигентская болтовня, которую ты так любишь.

— Это не болтовня. Те парни находились тогда в самом пекле.

— Но тебя-то, Пип, среди них не было,— сказал Террада.— Так не тебе оправдывать их передо мной, стоя с мартини в руках. Ты сам-то ни во что не вмешивался.

— Я не вмешивался потому, что я вообще никогда не вмешиваюсь,— холодно ответил Пип.

И, как всегда, они перешли к своей обычной теме спора — политике вмешательства или невмешательства Америки. Террада утверждал, что если бы республика в Испании была достаточно сильна и республиканские принципы пустили глубокие корни, ей не понадобилась бы посторонняя помощь — и менее всего от американских добровольцев — в борьбе против немецких и итальянских самолетов и армий.

— Хороша теория! — протестовал Пип.— Интересно, как бы Вашингтону удалось в таком случае выиграть битву при Йорктауне, откуда и началась наша имеющая столь глубокие корни республика? Ведь, по сути дела, Вашингтон и не захватывал Йорктауна. Его уже взяли французы, когда де Грасс вышвырнул британский флот из Чесапикского залива, а французская армия окружила Глочестерскую крепость. Вот что значит «посторонняя помощь», Лестер! Без этой помощи у нас бы не было республики.

— О боже мой!

— Вот-вот,— произнес Пип, почти приплясывая.— Я знал, что уж это-то до тебя дойдет.

— Ничего до меня не дошло,— сказал Террада.— Я не могу этого понять. Человек, пытающийся отнять у Вашингтона его победу под Йорктауном, должен быть либо сумасшедшим, либо просто опасным.

— Так... Я не сумасшедший,— сказал Пип,— следовательно, я становлюсь опасным.

Я отошел, ибо знал, что этот спор никогда не кончится. Я взял для Джуди немного льда из холодильника. Она находилась в лучшей компании—с Хэрси, Уайтом, Сэмом, Солтом, Вертенбакером и Силлом Калхуном.

— Наверно, я тебя больше никогда не увижу,— сказала мне Джуди, бросая кусочки льда, похожие на маленькие якоря, в стеклянный кувшин.— Я имею в виду твой отъезд во вторник.

— Возможно, и так,— сказал я.

— Как думаешь, ты когда-нибудь опять приедешь в Америку?

— Почему бы и нет?

— По тебе видно другое. Ты совсем не приспособился к Америке, не так ли?

— Это далеко не так! — возмутился я.

Джуди пожала плечами.

— Наверно, Пип был прав, когда сказал, что ты здесь зря теряешь время.

— Может быть, и прав.

— Я никогда не смогу понять англичан. Иногда даже Пип напоминает мне англичанина.

Я рассмеялся.

— Только ты ему об этом не говори.

— Нет, серьезно. Я не о том, что он из Бостона, и не о его манерах уроженца Новой Англии. Здесь нечто другое.

— Возможно, в нем есть что-то еще предреволюционное? — подбросил я.

— Что ты имеешь в виду?

— Американец времен Континентального конгресса.

— Нет, нет. Он больше похож на тех американцев, которые ринулись на помощь англичанам в 1914 году и надели британскую военную форму, потому что думали, будто это их американский долг. Пип слегка напоминает их. У него свое собственное, несколько странное понятие об американском долге.

Я знал, что Джуди абсолютно права. Пип выглядел легковесным и вел себя так же. Но я мог его представить на войне в английской форме. Его тонкое молодое американское лицо и манеры больше подчеркивали сходство с англичанами, чем различие, и, взглянув на него через комнату, где он стоял, я почувствовал особую симпатию и привязанность к нему. Он уже закончил свой спор с Террадой, и они оба смеялись над чем-то.

— Эти двое всегда будут неразлучными в любую погоду,— ехидно и с оттенком ревности сказала Джуди.

— Вот это, Джуди, и называется дружбой,— ответил я.

Так мы и расстались на все время войны.

На следующий день Террада направился в Вашингтон, а я оставшиеся два дня посвятил двадцать девятому этажу, пытаясь привести в чувство растрепанного Пипа. Однажды Джуди сунула свою голову в дверь и сказала, что Пип бродит по коридорам, «такой потерянный без своей второй половинки Америки».

— Так почему бы тебе не вытащить его в этот ресторанчик в Рокфеллеровском центре, где вы будете сидеть возле катка и смотреть на толстые ляжки и щиколотки катающихся девиц?

— Неплохая идея,— сказал я и вскоре нашел Пипа в комнате или Мириам, или Джоун, или Констанцы, где он читал сообщение Ассошиэйтед Пресс из Манилы о вторжении японцев на остров Лусон.

— Не знаю, какого черта я сижу здесь, Кит,— сказал он, держа в руке сообщение агентства.— Мне следовало бы сейчас разъезжать по пригородам Манилы с Макартуром, который теряет там свои подштанники.

Я знал, что кто-то под именем Тэдди Джонсона из госдепартамента все время названивал Пипу после Пирл-Харбора. Но Пип сказал, что он наотрез отказался работать со своими бывшими китайскими друзьями в правительстве.

— Я не правительственный чиновник,— сказал он.— Вашингтон не по моей части.

Но он все-таки стал по его части. Когда он пришел меня провожать вместе с Эйми и Джуди на Пенсильванский вокзал, он сказал, что его вызывают к президенту.

— Но это же великолепно,— сказал я.— И даже очень лестно.

— Да, конечно,— сказала Джуди.— Вы с Лестером сможете вновь сложить ваши две американские половинки — один в Белом доме, а другой в...

Где другой?

Мы не знали, на кого Лестер работал в Вашингтоне.

— Ну, а ты как? — шепнул я игриво на ухо Джуди, перед тем как войти в вагон поезда.— Ты-то кого выбрала?

— Поживем — увидим,— сказала она.

Но Джуди уже сделала свой выбор. Мы с Эйми обнялись, как любящие брат и сестра. А я действительно любил Эйми. Она немного всплакнула, пошмыгала носом, как ребенок при семейной разлуке. Она стояла немного в стороне от Пипа и Джуди, которая держала его под руку, как свою собственность. Эйми помахала мне рукой за двоих.

Я смотрел на них, и мне вдруг стало жалко Терраду. Чувство какого-то необъяснимого сострадания к этому человеку просто захлестнуло меня, и мне опять показалось, что его чем-то обделили. Вместо того чтобы сделать заявку на Джуди и утвердить свое мужское достоинство, он позволил ей пустить в ход свои женские штучки и отшвырнуть его от себя, устроив какую-то проверку на секс, чтобы узнать, каков он мужчина на самом деле. Но экзамена он не выдержал. Не выдержал потому, что сначала не мог поверить в такой свой успех у Джуди и не знал, как дальше себя вести. В то же время Пип принимал как должное тот факт, что Джуди стояла рядом, взяв его под руку.

Поезд отъезжал от станции, и кондуктор похлопал меня по плечу и попросил втянуть голову обратно в вагон.

— Нас штрафуют на недельный заработок каждый раз, когда у кого-нибудь отрывает голову на этом участке.

Глава 7

На этом закончилось мое короткое знакомство с Пипом и Террадой, но ощущение было такое, что покидаю я Америку Пипа, а не Террады.

Несколько месяцев спустя после моего

отъезда из Нью-Йорка я получил от Пипа телеграмму, извещавшую о том, что он женился на Джуди. В ответ я тоже послал телеграмму, пожелав появления в ближайшем будущем нового городского иммигрантского поколения Ловеллов, которое не имело бы никакого отношения к традициям Джексона — Джефферсона, хотя я и знал, что Джуди не воспринимает переселенческих теорий Пипа. Она гордилась своим англосаксонским происхождением и серьезно относилась к тем обязанностям, которые накладывало на нее как на американку это происхождение.

Несколько позже я узнал от Сэма Солта, что Пип и Террада с головой окунулись в хитросплетения вашингтонской политики, помогая разрабатывать правительственную программу в отношении Китая и России. Сэм сказал, что они были так же близки и так же далеки друг от друга, как и раньше. И это меня все еще удивляло. Ведь теперь, когда им было нужно принимать конкретные решения по вопросам политики, как они могли избежать открытого разрыва или по крайней мере резкого обострения своих разногласий?

Однажды в Тунисе я спасался от 88-миллиметровых вражеских снарядов в воронке от бомбы, стараясь думать о чем угодно, но только не об обстреле; и я тогда додумался, что эти двое никогда не разойдутся, их может развести только сама Америка. Их спор может кончиться только тогда, когда станет ясно, на какой путь вступила Америка и какой будет ее дальнейшая история.

Но это все произойдет только через семьвосемь лет. Я же продолжал поддерживать связь с Пипом, а когда после войны ненадолго приехал в Кембридж, что в штате Массачусетс (я тогда пользовался Вейднеровской библиотекой в Гарварде), то Пип и Джуди, чтобы встретиться со мной, прибыли из Вашингтона вместе со своим хорошеньким маленьким городским потомком.

— Как его зовут? — спросил я Пипа при первой встрече.

— Лестер...— сказал Пип, как бы извиняясь.

Я понял, что это идея Джуди, а не его.

Не думаю, что я узнал бы что-нибудь больше этого, если бы не Эйми, которая через Пипа разыскала меня. Она вышла замуж за морского летчика — того самого парня, которому она когда-то хотела сделать нокдаун за то, что он давал волю своим рукам. Он получил льготы в связи со службой в авиации и учился в коммерческой школе при Гарварде. Эйми сразу повела меня в небольшое кафе рядом с Гарвардской площадью и рассказала мне, как лишилась невинности.

— После твоего отъезда я все передумала,— говорила она.— Я безумно хотела, чтобы Джуди вышла замуж за Лестера, потому что мечтала заполучить Пипа для себя. После того, как он несколько уик-эндов провел на ферме, я очень хотела заполучить его, Кит. Я хотела, чтобы он безумно влюбился в меня, так как знала, что он такой же, как и я: с тремя цилиндрами. К каким только ухищрениям я ни прибегала! Но я была слишком толста и неуклюжа. Или мои волосы были в полном беспорядке, и я не знала, о чем с ним говорить. Я была такая глупая.

Я взглянул на Эйми, сидевшую напротив, и подумал: сознавал ли Пип, что она ему предлагала? Эйми была все еще немного пухленькой, но она была искренней, очаровательной женщиной, которая всячески себя оберегала; она обладала большой привлекательностью и в сексуальном плане, но это терялось под покровом ее безнадежно заурядной одежды. Она хотела выглядеть как матрона, будучи еще очень молодой, и мне было ее жаль. Я сознавал, что все для нее обернулось в жизни не так, как надо.

— Все произошло из-за этого чертова бокса, Кит,— сказала она, внимательно глядя на меня, словно пытаясь узнать, понимаю ли я и сочувствую ли ей.— Ты помнишь, как мне хотелось кого-то стукнуть?

— Да, Лестера.

— Ну нет же, нет. Я насчет него передумала и говорила тебе, что хотела, чтобы он женился на Джуди. Почему ты меня не слушаешь? Я говорю про другого парня.

— Этого парня я ни разу не видел.

— Я знаю, что не видел, но скоро увидишь. Так вот, когда он начал опять ко мне приставать, я, как ты меня учил, вытянула левую руку и изо всей силы ударила правой.

Я рассмеялся, не веря, что эта молодая, матронистая Эйми, эта пышная женщина в дорогой, но как-то небрежно сидящей юбке могла такое сделать.

— А он тебе, наверно, дал сдачи? — спросил я.

Эйми засмеялась.

— Он именно так и сделал. Я хочу сказать... Началась настоящая драка. Я дико разозлилась и набросилась на него, пытаясь разбить ему рожу. Я была как бешеная, а он еще меня два раза как следует стукнул, чтобы как-то остановить, как он говорил потом. Тут я упала, а он стоял надо мной. Я попыталась сбить его с ног. Все это было ужасно, Кит, я этого никогда не забуду. Я рыдала и плакала, но когда я сбила-таки его с ног, все пошло не по тому руслу.

Мы с Эйми не виделись четыре года. Я понимал, что все это время она ждала, чтобы рассказать мне о себе. Как-никак, я был единственным человеком, который знал, с чего все началось, еще тогда, в той конюшне в штате Коннектикут.

— Как это понять — не по тому руслу? — спросил я.

— Секс,— ответила она.— Все кончилось сексом. Это было ужасно.

Я уже знал, что для Эйми это был больной вопрос. И постарался как можно мягче сказать:

— Ну, не так уж плохо все кончилось. Ты ведь вышла за него замуж? Ты ведь о нем говоришь?

— Да, вышла, но не хотела. Поначалу, во всяком случае. Мне противно было вспоминать о случившемся в тот день, Кит. Ты не представляешь, что я тогда испытывала. Это не выглядело, как у животных... Это было... О, мне не надо говорить тебе, чем это кончилось. Я влипла в такую историю. Нет, я не забеременела. Но Джек сделал из меня черт знает что.

Бедная Эйми. Потеря невинности должна была бы проходить для нее нежно, без грубости, в соответствии с ее понятиями о любви, сексе и браке. Тогда бы это принесло радость им обоим. Но Эйми говорила о насилии, и, что удивительно, она до сих пор считала это насилием.

—Так зачем же ты вышла за него замуж? — спросил я.

— Ну...— вздохнула она. И этим вздохом все было сказано.— Джек, наверно, любил меня. Не вначале, нет. Только после этого случая. Думаю, он иначе и поступить не мог. Так поступает и думает большинство американских мужчин. Я не думала, что так должно быть, но это есть. Даже их разговоры. После всего он немного изменился. Он явился и вел себя так, будто я его чем-то обидела. И у меня самой появилось чувство, будто я его чем-то обидела. Смешно, правда? Кажется, потерпевшей стороной была я, но я начала делать все, что он хочет. Всюду ходить с ним и разыгрывать из себя дуру. Ну, а когда он пошел на флот, тут уж бросить его я не могла.

Боже, подумал я. Еще один предрассудок, испортивший ей жизнь.

— А когда он возвратился — его дважды ранило,— я не позволяла дотрагиваться до себя до самой свадьбы. Тебе покажется смешным, Кит, но я ничего и не хотела. Честное слово. Ни Джека, ни секса, ничего. Но мы все-таки поженились.

Внешне по Эйми ничего не было видно. Но она обладала свойством рыдать про себя, беззвучно и не показывая своих слез.

— Я думала, брак что-нибудь изменит, но этого не произошло, во всяком случае, со мной.

Я взял ее сочувственно за пухлую руку и на секунду задержал в своей руке.

— Успокойся...— Это все, что я мог сказать.

— Знаю, знаю, все в порядке.— Она не вытирала глаз. Зачерпнула ложкой из тарелки и, как ребенок, шмыгнула носом.— Но если бы это не произошло так, если бы у меня было немного больше времени, я, может быть, заставила бы Пипа обратить на себя внимание. Они с Джуди не ладили. А ты знаешь, сразу после твоего отъезда, до того, как они поженились, Лестер вернулся и попытался с налету перехватить Джуди.

— Трудно поверить,— сказал я.

— Честное слово. Кто-то в Вашингтоне посоветовал ему, где можно купить приличный костюм, и в пятницу вечером он заявился в новом костюме. На нем, как у этих ужасных сенаторов из Джорджии, был повязан здоровенный галстук. И к тому же он был в шляпе. Боже мой, в шляпе! Он выглядел, как Аль Капоне.

— Не может быть.

— Похож, говорю тебе.

— А Пип там был?

— Конечно, был. Я полночи наблюдала за дверью в спальню Джуди, хотела узнать, кто же из них к ней придет. К этому времени я уже влюбилась в Пипа и решила сделать ему нокдаун, если появится он. Я бы это и сделала. Но ничего не произошло. А на следующий день у них вспыхнула большая ссора. Ты думаешь, по поводу кого? Фенимора Купера! Лестер и Джуди обрушились на Пипа, а я встала на его защиту, хотя сейчас и не помню, в чем была суть спора. Что-то насчет того, что Купер был слишком большим аристократом — этаким мэтром, потому что он не любил Эндрью Джексона. Я помню только, Пип заявил, что иммигранты не имеют права читать Купера. Я согласилась с ним, потому что Купер американец, а люди, подобные Терраде, не могут претендовать на что-либо общее с Купером и даже знать о нем ничего не должны.

— Эйми, ты что-то путаешь,— мягко сказал я.

— Может, и так, может, и путаю. Я толком и не поняла, в чем дело. Но я их подогревала как можно больше, так как Джуди страшно разозлилась на Пипа, и я была довольна. Очень довольна. Беда в том, что Террада не очень подходил даже для Джуди. У него вообще ничего не получалось, даже со шляпой на его голове, что для меня было весьма печально. Не будь он таким ничтожным, если бы он хоть что-то собой представлял, я уверена, что Джуди вышла бы замуж за него, а не за Пипа. Даже несмотря на свой снобизм. Он родился ущербным, как больной шпатом[1].

Я точно не помнил, что такое шпат, но знал, что это связано с лошадьми. Я был не согласен с ее оценкой Лестера. У него были свои достоинства. Он обладал грубой физической привлекательностью, и это нравилось женщинам больше, чем эрудированность Пипа и легкий элемент сексуальности в нем. Единственной причиной, почему Эйми не замечала достоинств Лестера, было то, что она вообще не выносила в мужчинах этой грубой животной привлекательности.

Но она сказала мне, что Террада повторил свою попытку, на этот раз в Вашингтоне. Джуди неделю жила в доме своей тетушки Фелис в Чеви Чейсе в пригороде Вашингтона, и Лестер поселился у них — в буквальном смысле слова.

— Бог знает, откуда у него взялась такая наглость. Тетушка его ненавидела, но он думал, что она его любит. Настолько чертовски вежлива она была.

— А что же делал Пип?

— А ничего. Поэтому-то Джуди и хотела его заполучить и добилась своего. В ней очень много снобизма, она замкнулась на этом, что и решило судьбу Пипа. Она поехала в Вашингтон специально и добилась своего. В принципе все очень просто, хотя, я думаю, Пип этого не очень хотел. Он уступил ей, как я уступила Джеку. Поэтому мы так с ним схожи. Чего-то нам обоим не хватает. Но счастливы они не были, Кит, как, впрочем, не была и я. Фактически я пришла к выводу, что никто не может быть счастлив. Я не знаю никого, кто был бы счастлив. Полагаю, Пип в этих обстоятельствах смирился со всем так же, как и я.

Эйми, может, и права, но в Кембридже Пип казался мне счастливым отцом, обожающим своего маленького сына, и уступал жене во всех возникающих между ними распрях. Складывалось такое впечатление, что он хочет уступать, а Джуди этим вовсю пользовалась. Помню, в один из первых наших визитов она заявила моей жене Айлин, что я очень хитрый англичанин и, когда работал в «Тайме», в Нью-Йорке, скрыл от всех, что я женат. Пип со стаканом коктейля в руке (к тому времени я уже научился приготавливать мартини) пытался меня защищать. Но Джуди сказала:

— Не лги. Ты был с ним заодно. И неизвестно, что вы там втихую делали, когда вас никто не видел.

— Мы ездили на остров Стейтенд, вот, пожалуй, все, чем мы занимались с Китом,— ответил Пип.

— Вот уж не знаю... А ваше детское заигрывание с Эйми? Пип особенно усердствовал после того, как ты уехал, Кит.

— Джуди, оставь эту тему,— сказал Пип.

— Это та самая Эйми, которую Кит обучал боксу? — спросила Айлин. Она еще с Эйми не была знакома, но обо всей истории знала.

— Та самая, моя дорогая. И чего только они не вытворяли в этом сарае, где мы держали лошадей.

— Я все об этом слышала,— сказала Айлин.— Отвратительно, правда?

Айлин подсмеивалась над Джуди. По существу, со мной она была не менее строга, чем Джуди с Пипом. Но Айлин обладала моральной силой. Она была католичкой и все непорядочное от себя отметала. Она рьяно выполняла свои житейские обязанности. Семья для нее была превыше всего, и, что бы ни говорила Джуди обо мне, она всегда находилась на моей стороне. Когда я наливал себе очередной бокал коктейля, она наклонилась ко мне и прошептала:

— А ведь она злая.

И зная, что при любых обстоятельствах Айлин открыто встанет на мою сторону, я прошептал, повторяя слова Пипа:

— Дорогая, оставь эту тему.

Видимо, этими словами определилось отношение Пипа ко всему, что говорила Джуди вообще.

Эйми рассказала мне и еще кое-что. После свадьбы, когда Джуди переехала к Пипу в Вашингтон, они жили недалеко от тетушки Фелис в одном из старых жилых домов, принадлежащих тетушке, и там же над ними поселился Террада.

— Джуди позаботилась о том, чтобы Лестер был под рукой. Она всегда хотела их обоих. И бог мой, в Вашингтоне она имела их обоих.

По сути дела, одной из причин пребывания Пипа и Джуди в Кембридже было желание встретиться с Террадой, который приехал туда читать краткий курс лекций о послевоенной американской политике, организованный Гарвардом для студентов-выпускников.

Лестер, видимо, хотел занять какой-либо академический пост, как, впрочем, и сам Пип. Не знаю, что побудило Лестера принять такое решение — возможно, его биография. Пип же был очень расстроен смертью Рузвельта, а с президентом Трумэном он, судя по всему, не смог установить контакта, и он искал себе отдушину. Оба находились в той сложной стадии между войной и миром — с одной лишь разницей: Пипа угнетала атмосфера Вашингтона, тогда как Террада был в полной боевой форме и шагал в торжественном марше в ногу с новой трумэновской администрацией.

Естественно, я встречался и разговаривал с Лестером в Кембридже, и даже наши короткие встречи должны были подготовить меня к последующим событиям. Но в будущее я тогда не заглядывал. То время явилось для меня приятной передышкой. Ведь все мы были еще молоды. И все молодожены: я и Айлин, Пип и Джуди, Эйми и ее морской летчик Джек. Война окончилась. И казалось, что перед нами вдруг открывалась вся жизнь. Будущее наше напоминало строительство мощеной дороги, когда каждый день укладывается камень за камнем на пути, который куда-то нас должен был вывести. Я радовался этой передышке, радовалась со мной и Айлин.

Но Айлин по натуре была человеком осторожным и недоверчивым. Она не могла подружиться с Джуди и Террадой. Она ладила с Эйми и Пипом. Я же ладил со всеми и даже с Джеком, мужем Эйми, который, очевидно, чувствовал себя нормально лишь в кают-компании. Джек по-прежнему носил короткую прическу, его по-детски наивные глаза всегда будто что-то искали, и казалось, что он был лишним среди нас. Почти каждая фраза его начиналась с восклицания: «Эй, вы, ребята!» Наверное, потому, что ему хотелось быть среди своих ребят. Возможно, сам он этого и не сознавал. Из-за этого он мне и нравился. Но стоило ему заговорить с Эйми, как сразу появлялась какая-то отчужденность, как будто семейная жизнь их ровно ничего не значила и не шла ни в какое сравнение с его бывшей нормальной флотской жизнью.

Сами того не сознавая, мы являли собой маленькое подобие кембриджского общества, и именно там я начал ощущать первые признаки предстоящего раскола Америки. Того самого раскола, который приведет Пипа и Лестера в противоположные лагери. Уже тогда стало ясно, что американской политикой и делами станут управлять такие люди, как Лестер, а чудаки и идеалисты, подобные Пипу, окажутся за бортом. Но мы не могли предвидеть масштабы этого раскола и насколько жестокой будет расправа с побежденными. Я думаю, что Пип понимал, какие времена приходят, и в знак протеста он как бы бравировал своим поведением. Это был его личный протест против того, что творилось. В конечном итоге этого оказалось достаточно для его собственного ниспровержения.

Перевод с английского Т. ОРЛОВОЙ.

Продолжение следует.

[1] Шпат — болезнь ног у лошадей.

Антон Рефрежье. ПРИВЕТ КОРВАЛАНУ!

Антон Рефрежье. ЗЕМЛЯ — НАРОДУ.

КОГДА ПРИШЕЛ ФАШИЗМ...

КОСТРЫ ИЗ КНИГ НА УЛИЦАХ.

ПЛАТА ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО.

ОДИН ГОД АКТЕРА

Есть фильмы, говорить о которых все равно что пытаться пересказать истинную поэзию. Настолько в них все тонко, лирично, неназываемо. «Мимино» — из таких фильмов. Выходишь после сеанса с ощущением новизны, надежды, радости. И заново видишь мир, людей, самого себя...

Вот ты идешь по земле, спешишь, торопишься, но все равно не поспеваешь за реактивным нашим веком. И есть лишь один способ не затеряться в бесконечном потоке дел, в суете повседневных забот: быть Человеком. А значит — идущим другому на помощь.

Такого рода мысли роятся в голове, когда вспоминаешь трогательный образ немного наивного, но очень доброго шофера, которого сыграл в фильме «Мимино» народный артист Армянской ССР Фрунзик Мкртчян. В минувшем году вместе с другими создателями картины он удостоен Государственной премии СССР.

Ф. МКРТЧЯН:

— У каждого актера, наверное, есть свой идеал роли. Мне особенно дорог образ смешного и грустного человека, доброго, мягкого и великодушного. Пусть немного чудаковатого, но открытого и понятного всем сидящим в зале. Не могу сказать, что мой Рубен в «Мимино» в точности совпадает с моим идеалом, но из всех ролей, сыгранных мной, эта к нему ближе всего. Я знаю, что зрители считают меня комедийным актером и предпочитают видеть в комических ролях. Мое появление на экране, даже в серьезных картинах, вызывает улыбки, смешки в зале. И я понимаю, что изменить отношение публики не так-то просто. Не будешь же каждый раз доказывать, что ты больше любишь серьезные, драматические роли. И я не снимаю своей комической маски. Но только стремлюсь показать, что под маской есть лицо и что в душе даже самого смешного из моих героев могут бушевать самые высокие и благородные страсти.

— Именно таким и получился ваш Рубен Хачикян в «Мимино»...

— Будем считать, что это комплимент, который ко многому меня обязывает. Ведь я думаю, что хороший актер, как и вообще художник, не может быть плохим человеком. Чтобы воспитать в себе художника, надо воспитать в себе Человека. Вот почему, когда играешь героя, которого считаешь во многом лучше, чище, выше тебя, то понимаешь, как много тебе еще надо сделать, чтобы стать настоящим художником и Человеком...

Но я благодарен судьбе не только за встречу с Рубеном. Как бы ни сложилась моя дальнейшая жизнь в искусстве, работа в «Мимино» навсегда останется для меня драгоценным воспоминанием. Хотя были и трудности, и невезение, и съемки велись в холодной зимней Москве (а я панически боюсь холода), но работа шла на таком взлете сил и возможностей каждого из нас, что никто и не думал о трудностях.

Окончились съемки, наступил следующий день... Я проснулся и не знал, как мне теперь жить... Я спросил себя: почему так радостно было делать этот фильм?

— Потому что у вас был такой партнер?

— Да, конечно, Буба Кикабидзе — замечательный актер. Я это понял еще во время работы над фильмом «Не горюй». Редко встретишь артиста, который так тонко чувствует партнера. Но дело не только в Бубе. Главное в том, что съемки, от первого до последнего кадра, шли в особой атмосфере доброжелательности и внимания к человеку. Вот, говорят, поэты ранимые, легко уязвимые люди. А актеры разве иные? Но ведь, бывает, от них требуют слепого подчинения режиссерской воле. Меня это унижает, я теряю всякую способность творить. В такие минуты разочаровываешься и в себе и вообще в жизни. Ведь нет ничего страшнее, когда ты не можешь раскрыть себя, не можешь вложить в роль свои мысли, искания, наблюдения...

Совсем иначе чувствуешь себя с Георгием Данелия. Рабочий день он начинал с того, что спрашивал нас с Кикабидзе, что мы делали вчера вечером после съемок, вместе ли провели время, и очень огорчался, если узнавал, что нет. Спрашивал: «О чем ты думал вчера? Как спал? Плохо? Ты и выглядишь неважно. Устал, наверное». И предлагал: «Ты сегодня отдохни. Мы снимем без тебя что-нибудь другое». В такой атмосфере нельзя играть плохо. Появляясь перед камерой, я знал, что меня никто не будет дергать, понукать. И знал, что смогу даже не просто играть — жить, именно жить жизнью моего героя!..

Да... В то утро, после окончания съемок «Мимино», я еще подумал: «Я — счастливый человек...»

Тот год был довольно трудным для Ф. Мкртчяна. Снимался одновременно в пяти кинокартинах. Одна из них — «Солдат и слон». Грустный рассказ о том, как в разгар боев за Берлин в самом пекле войны был обнаружен слон и как советский солдат (его и играет Ф. Мкртчян) получил приказ отправить животное в тыл. Приказ есть приказ, рядовой Арменак Гаспарян выполняет его. Вот и весь фильм. Но сколько человеческих переживаний, сколько сострадания, сколько боли из-за несправедливостей мира сумел выразить актер в своем молчаливом герое!

На XI Всесоюзном фестивале за исполнение главной роли в этой картине Фрунзику Мкртчяну был присужден первый приз. На том же фестивале главного приза был удостоен фильм «Наапет», в котором актер сыграл одну из центральных ролей. Лента возвращает нас к самому трагическому моменту в истории армянского народа: ко временам геноцида, когда были вырезаны миллионы армян и вся нация находилась под угрозой полного уничтожения.

В один год — пять больших ролей в кино. Не многовато ли для одного актера? А ведь предложений сниматься было еще больше. Артистов много, почему режиссеры предпочитают именно его, Мкртчяна, почему «спрос» на него так велик?

Ответом, наверное, могут послужить следующие слова об актере:

— С Мкртчяном очень легко работать, он все время придумывает интересные ходы, и режиссеру остается только отбирать нужное и отсекать лишнее. — Это сказано Георгием Данелия, который снял Ф. Мкртчяна в трех фильмах.

Отсекать лишнее... Только вот в чем вопрос: откуда берется этот фейерверк актерских находок, идей, приемов?

Ф. МКРТЧЯН:

— Кинофильм — это прежде всего сценарий. Работа над ролью для меня начинается с борьбы «против» сценария, независимо от того, кто его автор. Придираюсь чуть ли не к каждой строчке: почему именно так развиваются события? Почему не иначе? Надоедаю сценаристу своими бесконечными вопросами. Успокаиваюсь, когда все становится ясным и очевидным, и я убеждаюсь, что это действительно единственно верный вариант сценария. Только потом я могу «заучивать» свою роль.

То же самое происходит и с режиссурой. Почему мой герой в этом месте должен быть грустным? Мне кажется, он может и засмеяться. И так далее и так далее. Я очень благодарен режиссерам, которые выдерживают все мои «капризы». Те, кто считал их действительно капризами, меня больше не приглашают сниматься. И, откровенно говоря, я не очень огорчаюсь. К счастью, есть другие режиссеры...

А затем начинается самый страшный спор — с собой. Например, я спрашиваю себя, почему не люблю этот эпизод. Порой так хочется ответить: он плохо написан. Ах, как хочется! Но набираешься мужества и отвечаешь: не люблю потому, что эта сцена пока у меня не получается...

Помню, мы делали фильм «Треугольник», в котором я играл роль кузнеца. Репетиции были закончены, утром должны были снимать эпизод в кузнице, где у каждого из героев работы по горло (война на пороге), и им некогда даже вскипятить себе чаю. Мне все казалось, что мой герой неубедителен, с этим ощущением я провел ночь, а утром, до начала съемок, пришел на площадку, сел у горна, раскалил щипцы. И тут меня осенило. Я сунул крас-

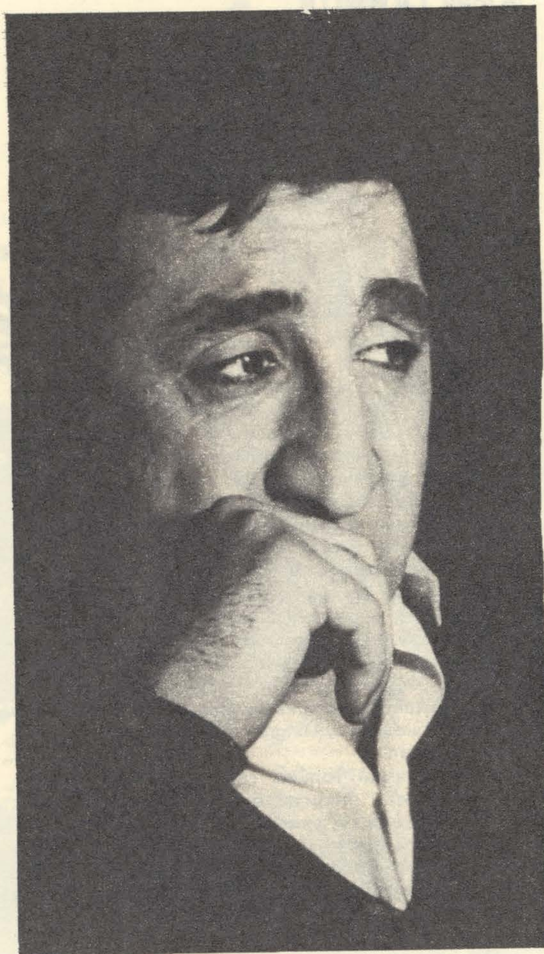

Фото Г. Тер-Ованесова

ные от жара щипцы в кружку с водой, и она закипела. Тогда я понял, что очень занятый работой кузнец, пожалуй, мог бы сделать то же самое, если бы он захотел попить чаю. И я вдруг поверил, что я настоящий кузнец, а значит, мне поверит и зритель. С этого момента тягостное напряжение исчезло, появились и легкость, и прилив сил, и вдохновение, и предчувствие удачи...

На Всесоюзном кинофестивале в Ленинграде фильм «Треугольник» получил премию за лучшее воплощение современной темы, а Фрунзику Мкртчяну вместе с другими создателями фильма в 1975 году была присуждена Государственная премия Армянской ССР.

Теперь, когда перечислены, кажется, уже все награды и премии, которых был удостоен актер, самое время вернуться к началу его артистической карьеры.

Была война, шел сорок третий. Мать работала на текстильной фабрике в Ленинакане (где жила их семья), а тринадцатилетний мальчишка после школы подрабатывал в фабричном клубе — был помощником киномеханика. Там и увидел первый фильм: «Минин и Пожарский». Как-то в клубном драмкружке ставили национальную драму «Намус». В день премьеры заболел актер, игравший роль слуги. Заменить его было некем, и тут вспомнили о долговязом парнишке из кинобудки. Ему объяснили, что надо выйти на сцену и сказать всего-навсего два слова: «Конь готов». «Понял?» «Понял». Так закончилась его первая репетиция.

И вот он готовится к выходу на подмостки. Надо ли говорить о переживаниях дебютанта! Драма близится к развязке. Герой собирается убить свою жену за неверность. Он приказал подать коня и теперь ждет его, сгорая от нетерпения. В зале в основном старики и старухи, ручьем текут слезы. И тут выходит Мкртчян. Он твердо помнит, что ему нужно сказать два слова, но какие именно — забыл. И произносит: «Что... хозяин?» Произносит так, что зал разражается безудержным хохотом. Разъяренный «хозяин» выталкивает мальчика со сцены, кричит вслед, что ему нельзя даже близко подходить к театру.

Но мальчик ослушался...

Ровно треть века актер выступает на театральной сцене. Четверть века — на сцене театра имени Г. Сундукяна.

Но так уж получилось, что сегодня разговор о Мкртчяне-киноактере. Его встреча с кино состоялась в 1956 году, когда режиссер А. Роу снимал фильм «Тайна озера Севан». Впрочем, пусть эту историю расскажет сам актер.

— Роль у меня была небольшая, в одном эпизоде я должен убрать с дороги камень — он был большой. Я все время старался попасть в объектив, мне так хотелось «запечатлеться». После окончания съемок ходил очень гордый. На премьеру позвал родственников, соседей, друзей. Но, к моему стыду, на экране лишь однажды мелькнула моя нога.

— Какая?

— Конечно, левая. Наверное, благодаря этому я и снялся еще в сорока фильмах.

Многие из этих сорока картин полюбились советскому кинозрителю. Стоит назвать хотя бы: «Кавказская пленница», «Айболит-66», «Не горюй», «Парни музкоманды», «Адам и Хева», «Белое пианино», «Мужчины». Запомнились и роли, сыгранные Ф. Мкртчяном.

— Главная трудность нашей профессии,— говорит актер,— заключается в том, что можно достичь виртуозности, отточенности исполнения, но если потеряешь способность быть каждый раз новым, «неузнанным», ты кончаешься как художник, как творец. Настоящий профессиональный актер должен уметь оставаться как бы любителем, вышедшим на сцену впервые.

— Но как не потерять этого дара?

— Надо постоянно учиться у жизни...

Актер улыбается своей неповторимой улыбкой. В ней и печаль, и доброта, и грусть, и ирония. Трудно, видя подобную улыбку, задавать такой сухой вопрос, но он последний.

— Социологи утверждают, что наибольшей популярностью у зрителя пользуется комедия. Как всякого серьезного художника, вас, конечно, волнует судьба нашей кинокомедии?

— Те же социологи считают, что комедия сегодня — один из важнейших жанров, которые формируют общественное сознание, нравы и даже моду. Но мы часто забываем об этом. К сожалению, комедии у нас нередко вливаются в общий поток развлекательной индустрии. Это удручает. Ведь смех призван порождать мысли, казнить несовершенство мира, очищать человека, напоминать ему, что он добр и мягок, что он честен и порядочен. Да, да, так оно и есть: большинство людей именно такие...

Беседу вел С. ВЛАСОВ.

Юрий ГРИБОВ

ПОВЕСТЬ О МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКЕ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ЛОСЕНОК, ИДИ СЮДА!

В середине июля установилась сильная жара. Над хутором Рыжики, над лесами висело бледно-голубое небо, и солнышко палило так, что озеро обмелело и за банями, где ребята целыми днями купались и загорали, вместо песчаной полоски образовалась широкая отмель, похожая на пляж. Лохматый Джек, маясь от духоты, не находил себе места: и под крыльцом полежит и у завалинки, под телегой. Он даже ленился ходить с Олей к озеру, на вырубку за ягодами, и к песчаному карьеру, возле которого девочки построили «городок» — земляные улицы и площади с башней. Милку кусали оводы, и она стала меньше давать молока. Бабушка при вечерней дойке тяжело вздыхала, посматривая на багровый закат.

— И откуда только свалилась жарища такая? Кажись, никогда еще не было... Спалит хлеба-то, ей-богу, спалит...

— Теперь уж не спалит,— говорил дед, раскуривая трубочку.— Зерно налилось, колос крепок. Бригадира из Веселок вчера встретил у плотины, овсы и рожь они хорошими ожидают...

Подоив Милку, бабушка через чистую марлю разливала молоко по глиняным кувшинам, или, как она их называла, кубанам, а уж из одного из кубанов наполняла голубую кружку и протягивала ее Оле:

— Попей, касаточка! Попей, тютюленька моя милая! В Москве-то у вас нешто молоко.

Оля пила с удовольствием, придерживая кружку обеими руками. И в это время Опухлик, который даже в полдень не выглядывал на улицу, бесшумно скатывался с приступков крыльца и начинал, просительно мяукая, тереться об Олины ноги.

— Ишь ты какой! — отталкивала его Оля.— Зачем у меня окуня съел? Сам виноват, а просишь?

Но кот как бы и не слышал справедливых упреков, и Оля жалела его, отливала молоко из своей кружки в маленькую мисочку для Опухлика.

Шел уже одиннадцатый час, а западный край неба все еще алел над бором, и было так светло, что хоть книгу читай. К дому Ивана Еремеевича в эту пору, управившись с делами, собирались все хуторские жители. И дети сидели рядом. Только трехлетнего Сережу бабка Настя уводила спать. Говорили о работе, об урожаях, о лесных пожарах, которые уже кое-где возникали, о сельской передвижной лавке-магазине, которая давно не бывала в Рыжиках, о том, что пишут в газетах и передают по телевизору. После обеда раза два прилетал ястреб и садился на сухую высокую ель, высматривая цыплят. Лесник дядя Федя стрелял в ястреба из ружья, и сейчас, когда вспомнили это, Иван Еремеевич отругал дядю Федю: в лесу вредных птиц нет, все птицы полезные...

Все эти житейские разговоры Оля хорошо понимала. Она уже с дедушкой и в поле ездила, где хлеб растет, и к пастухам на займище, и на сенокос, и в деревню Выселки, откуда Иван Еремеевич звонил по телефону в район. Вот только лосей дедушка не показывает. Сам часто видит, когда сено для них на зиму заготавливает, а Олю с собой в дальний лес не берет, говорит, что лоси уплыли на другую сторону озера Долгого и как только вернутся обратно, так они туда и поедут. И Оля каждый день спрашивала:

— Дедуня, а лоси еще не приплыли?

И вот как-то Иван Еремеевич, распрягая Орлика, подозвал Олю, которая поливала с бабкой огурцы, и сказал, что утром они поедут в урочище к реке Серебрянке, где лосей побольше, чем у озера Долгого.

— Я вот вам поеду! — услышав разговор, выскочила из огорода бабушка.— Ишь чего надумал, старый телепень! Тащиться к черту на кулички! Замучить хочешь ребенка, да? Она вон и так, тютюленька моя милая, вся исхудала да почернела!

Оля бросила ведерко, в котором носила воду, и принялась плакать. И бабушка поутихла, смягчилась, а утром, когда Оля по просьбе деда отвязала с проволоки Цыгана и села в телегу, укрыла ее верблюжьим пушистым одеялом, вместо сандалий надела на ее ноги резиновые сапожки и все приговаривала, охая:

— Гляди, чтобы змея не ужалила... И в кусты-то не лезь, крапива кругом да колючки... О господи, царица небесная, дома-то им не сидится...

Наташа, Костя, Лёник и Сережа провожали телегу до поворота на большую дорогу, по которой ходили машины и автобусы из райцентра.

— Подумаешь, лоси,— сказал Костя.— Я их сколько разов видел!

— Надо говорить не сколько разов, а сколько раз,— поправила его Наташа.

— А я волка видел и лису,— похвастал Лёник.— Вот Сережа скажет...

Но Сережа только удивленно хлопал глазами и молчал, капризно надув губы. Впереди что-то показалось, туда бросился с грозным лаем Цыган, и Орлик, дернув телегу, затрусил привычной рысцой...

Сначала ехали по пыльной обочине, потом дедушка свернул в густой и темный ельник. И сразу стало прохладнее. Солнце совсем скрылось. И только на небольших полянках показывалось оно, освещая разные цветы и травы. Сколько тут было цветов! И летали над ними бабочки и пчелы. Многих бабочек Оля знала. Она ловила их сачком у себя под Москвой на даче. Вон лимонница, а это павлиний глаз, а над кустом темно-бархатистый адмирал и махаон.

— Дедуня, а где птички? — прислушиваясь к лесной тишине, спросила Оля.

— Птички сейчас притихли, им некогда петь, они птенчиков кормят. Только зяблик иногда пискнет, гаечка или синичка. И звери и птички в июле самым важным делом заняты...

— А грибы где?

— Грибы скоро пойдут. Вот дождичек брызнет, и их тут тогда хоть косой коси...

Дорога привела в низину, заросшую осинником. Пахнуло сыростью, запахло болотом и черной смородиной. Дедушка сказал, что там, у запруды, живут бобры. Оля уже знала про здешних бобров. Раньше их тут не было. Это дедушка привез несколько пар из Белоруссии и развел их здесь целую тысячу, за что получил красивую грамоту, которая висит у него под стеклом на стене рядом с лосиными рогами...

Вскоре выехали на полянку, где стояли четыре стожка сена. Это были не такие большие стога, какие дедушка накосил и поставил возле сарая для коровы Милки. Эти стога были поменьше. Зимой, когда выпадет снег и лосям не будет хватать корма, дедушка даст им сена.

Окончание. См. «Огонек» № 8.

С Я С Я

— А теперь пешочком пройдемся,— сказал дедушка.— А Орлик тут подождет...

— А Цыган? — спросила Оля, слезая с телеги.

— И Цыган с нами. Без Цыгана нельзя...

Шли они недолго. Лес в этом месте был не так уж высок, но густой: молодые березняки, осинник, заросли ольхи по долинкам, рябины и черемухи. Цыган то и дело возбужденно рвался куда-то в сторону, но дедушка сердито цыкнул на него:

— Я и без тебя знаю, что лоси рядом...

Когда из-за кустов блеснула излучина реки, дедушка велел присесть на траву и ждать. Он достал из зеленой сумки крупный морской бинокль и долго смотрел в него. Оля тоже стала глядеть в сторону реки, но ничего, кроме луговины да леса вдали, не видела.

— Скоро придут,— сказал дедушка и, сложив рупором ладони, закричал: — Васька! Васька! Васька!

Эхо глухо прокатилось по ближним соснякам и замерло. Цыган нетерпеливо поскуливал и бил хвостом, вопросительно поглядывая то на Олю, то на Ивана Еремеевича. И вот слева послышался топот. Он был совсем рядом. Оля замерла и пугливо прижалась к дедушке. Она хотела что-то сказать, но тут же увидела двух лосей и лосенка, выскочивших из-за пригорка. У крупного темно-бурого лося на голове возвышались красивые рога. А лосенок был еще совсем мал, но шустрый, смелый, он так и крутился возле лосихи.

— Пришли, милые, пришли! — сказал дедушка и, протягивая кусок хлеба, густо посыпанный солью, шагнул лосям навстречу. Крупный лось смело подошел к егерю, взял хлеб из его руки и снова отступил к лосихе.

— Оля, иди поближе, не бойся,— сказал дедушка.—Этот лось меня уже три года знает. Я его Васькой прозвал...

Оля вообще-то зверей не боялась. Она много раз бывала с папой в зоопарке да и играла только с деревянными да надувными зверюшками. Когда ей было три или четыре годика, она подходила в зоопарке к решетке и серьезно, веря, что ее поймут, звала зверей к себе: «Олень, иди сюда!», «Волк, иди сюда!» И сейчас, в эти секунды в ее возбужденном сердчишке проснулось, видимо, то недавнее воспоминание, и она, позабыв о своей робости, закричала радостно, протягивая руки:

— Лосенок, иди сюда! Лосенок, иди сюда!

ЗАВИРУШКА

Лесник дядя Федя попросил у дедушки Орлика, чтобы привезти дров для своей семьи, для старика Акима Федотыча и для бабки Насти. Дедушка отдал Орлика, а сам эти дни ходил по лесу пешком. Ходил он медленно, прихрамывая, потому что в левой ноге у него сидит осколок от немецкой гранаты.

Однажды дедушка принес полную фуражку малины. Оля увидела его еще на тропке за колодцем и побежала навстречу. Во второй руке дедушка тоже что-то нес, завернутое в носовой платок.

— Что там у тебя, дедуня?

— А это лесная завирушка. Птичка такая. Кто-то ей ножку повредил, и вот она, бедная, запуталась в вереске и взлететь не может. Лиса бы ее быстро подобрала...

— Как того зайчика, который побелел?

На днях дедушка рассказал о зайцах, которые с приходом зимы побелели, сменив свою шерсть, а снег вдруг взял да весь и растаял, и зайчишкам трудно стало прятаться — на черной земле они издалека были видны. И волки их ловили, и лисы, и хулиганы-браконьеры стреляли в упор. Оля тогда расплакалась, выслушав этот рассказ. Жалко ей стало зайчишек. И сейчас она, когда дедушка развязал платок, готова была пустить слезы: уж очень печально выглядела сжавшаяся в комочек серенькая завирушка, похожая на обыкновенного воробья.

— Мы ее подлечим,— сказал дедушка.— Ножку ей забинтуем. А ты малинки-то, Оленька, на-ка попробуй. Ой, сладка, ой, вкусна!

Но Оля малину есть не стала. Она не отходила от дедушки, когда он доставал лекарство, прикладывал к раненой ножке завирушки обструганную спичку и заматывал марлей. Завирушку посадили в клетку, и она спокойно уселась на жердочке, как будто тут всегда и жила...

Время было обеденное, и бабушка уже разливала суп, но Оля, прежде чем сесть за стол, сбегала к Наташе и Косте, к Лёнику и Сереже и, волнуясь от нетерпения, рассказала, что дедушка спас завирушку, маленькую такую пичужечку, у которой ножка перебита, и что завирушка питается всякими насекомыми и семенами от травок...

С этого дня ребята стали добывать для завирушки еду, а Оля сама кормила птичку, меняла в баночке воду. Опухлик все поглядывал на клетку, даже на подоконник залезал, но дедушка так стеганул его ремнем, что любопытный кот снова убрался за сундук и присмирел там. Завирушка вскоре повеселела, привыкла к Оле, по утрам бойко прыгала по дощечкам, ожидая корма.

— Мы скоро ей ножку-то разбинтуем,— сказал дедушка, посматривая на птицу.— И полетит она в свою чащу тенистую, подружек своих найдет...

— А потом в жаркие страны? — спросила Оля.

— Потом в жаркие страны. Немного уж осталось. Август вон на дворе. Погода-то как бы не изменилась. Чую, что изменится. Ногато, Оленька, третий день у меня так и ноет, так и ноет. Да и в пояснице пострелывает. К ненастью это. Задождит, поди, закапает...

— Дай-то бы бог,— вздохнула бабушка.— Сухмень какая стоит. Земляники в это лето совсем не было. Черную смородину червь источил. Две баночки только и перетерла с сахаром для тютюленьки на зиму.

— Опять тютюленьки? Она вон здесь букварь совсем позабросила. А скоро в школу...

— Эка беда! Раньше-то бывало об эту пору ни одной буковки не знали, с восьми годов, чай, к ученью-то приступали, а Оленька у нас уже читает, и пишет, и рисует хорошо. А ей только шесть годочков и десять месяцев.

— Ну-ну, не очень у меня тут ребенка балуй,— миролюбиво ворчал дед, растирая больную ногу.

Предсказания дедушки насчет погоды сбылись. На второй день с утра небо нахмурилось, от озера потянуло свежим ветерком, куры спрятались в сарай. Где-то за лесами угрожающе и глухо пророкотало, словно бы сваливали бревна с телеги, и тут же, в другой только стороне, ярко полоснула молния. Пошел крупный и теплый дождь.

— Грибной это, самый что ни на есть грибной,— сказала бабка и стала пододвигать кадушку к железному желобу, по которому с крыши лилась дождевая вода.— Оно хорошо, пускай помочит, земелька-то иссохлась вся. Вот только опять дедушки нашего нет. Завсегда он в самую непогодь по лесам своим шастает, помоги ему, господи.

Ливень вскоре поутих. И через хутор Рыжики, через все ближние и дальние леса перекинулась разноцветная широкая радуга. Оля увидела из окна, как Наташа, Лёник и Костя бегают босыми ногами по лужам. Она тут же в одном сарафанчике выскочила к ним и тоже стала носиться по тепловатой мягкой воде, брызгаясь и припевая вслед за ними:

Дождик, дождик, припусти,
Я большой буду расти!

А утром Оля проснулась от вкусных запахов. Это бабушка жарила маслята. А дед сидел у раскрытого окна и покуривал свою трубочку. Он ночевал на Окуневском кордоне, ночью отобрал ружье у браконьеров, которые в плохую погоду всегда на озера лезут, составил два акта, а на обратном пути набрал грибов.

— Дедуня, а когда грибы выросли? — спросила Оля, расчесывая свои пышные белокурые волосы.

— А вот за ночь и выросли.

— Так быстро?

— Им дождичек помог. Дождичек всему расти помогает...

— А перо удода ты мне принес?

— Удода покуда не встретил, милая. Может, еще и попадется мне удод на болоте.

Еще в Москве в прошлом году Оля стала собирать птичьи перья, которых накопилась у нее целая коробка. По цветным картинкам в книжках она знала десятки птиц, даже самых редких, и дедушка многих птичек показал ей в лесу и перья от них принес. И от совы нашел он перья, от филина, от нарядной ронжи, от селезня, от глухаря, от чибиса, а от удода еще не было перышка.

— Вот за грибами пойдем, может, и обронит где перышко удод, поищем,— пообещал дедушка.

За грибами ходили по три раза на день. Они росли прямо у бани: подберезовики, подосиновики, боровики, сыроежки. А маслята целыми выводками выступили даже на тропке, у дорожного кювета, под каждой сосной и елью. Маленькие и скользкие, они не давались в руки, и Оля срезала их ножичком, как ее бабушка научила. По полной корзинке Оля грибов приносила, не отставала ни от Наташи, ни от Кости, ни от Лёника. И Сережа увязывался за ними с железным ведерком.

— Одни белые, Оленька, ищи теперь,— велела бабка.— Энтих уже хватит, вон сколько насушили да насолили. Мама твоя белые грибы любит. Зимой как сварите супчик из белых-то, так от одного духа соседи к вам сбегутся.

Пособирали немножко и малины. Но уж очень мелка она была нынче, суховата. Только дедушка знал богатые места на порубях, но это далеко было, Олю туда не брали. Да и за птичкой надо было Оле ухаживать, завирушка совсем окрепла, съедала всех мушек и комаров, что ей приносили. Дедушка уже разбинтовал птице ножку, и завирушка скакала по всей клетке, острым клювом долбила по решетке и весело поглядывала на Олю своими черными глазками.

МАМИНА ЧЕРТОЧКА

В субботу бабушка топила баню. Оля уже раза два мылась в здешней деревенской бане, и ей очень понравилось: можно обливаться из деревянной шайки, бегать по полу и забираться на полок, где так жарко, что трудно дышать.

Перед мытьем Оле укоротили ножницами волосы и подрезали челку, которая уже глаза стала закрывать. Бабушка напекла пирогов с черникой, с луком, с яйцами и еще с грибами, поставила самовар, и они сели пить чай. Зашел лесник дядя Федя и старик Аким Федотыч. Дедушка был немножко сердит, то и дело щипал свою бороду и говорил, что подаст в суд на агронома Сенькина из «Зари», который без охраны оставил у вспаханного клеверища бурты с ядовитыми удобрениями и вчера отравились два лося, молодая лисица и несколько зайцев.

— Они тут в районе совсем распоясались,— сказал Аким Федотыч.— Ты, Еремеич, как человек партийный, в центр депешу отбей. Так, мол, и так, зверье и птицу зазря обижают...

В кухонное окошко кто-то постучал. Это был почтальон Митька Шубин, восьмиклассник. Летом он помогал своей матери разносить почту и сейчас привез на велосипеде из Выселок телеграмму.

— Ну вот, а мне все голуби снились,— завздыхала бабушка.— К весточке это, к гостям...

В телеграмме сообщалось, что мама за Олей приедет одна, потому что папа улетел в командировку в город Оренбург. Бабушка надела очки и перечитывала телеграмму много раз, словно бы выискивая в ней что-то такое, что не было там написано. И дедушка взял телеграмму и сразу как-то погрустнел, погладил Олю по голове, стал набивать табаком свою трубочку.

Приехала мама в воскресенье и пробыла в Рыжиках всего два дня. Она привезла Оле ранец и книжки. Оля надела ранец за спину и стала ходить по комнате, а бабушка смотрела на нее и вытирала фартуком глаза.

— Уезжает моя милая тютюленька,—всхлипнула бабка.— Когда я теперь тебя увижу, мою сладкую...

— Ты опять за свое! — прикрикнул на нее дед.— На следующее лето опять приедет. А птичку, Оленька, может, с собой заберешь? Вон она как к тебе привыкла.

— Мне ее жалко, дедуня. Она в клеточке все бьется и бьется. Она в лес просится.

— Вот и хорошо! Умница ты моя славная.

Завирушку отпускали на берегу озера у бабушкиной лавы. И Наташа пришла, и Костя, и Лёник, и Сережа, и Олина мама. Оля поставила клетку на траву, открыла дверцу, и завирушка, недоверчиво посмотрев на детей, вышла сначала на дощечку, постояла несколько секунд и вдруг, резко подпрыгнув, быстро полетела над водой и скрылась за старой черемухой.

Эти последние два дня пролетели незаметно. Мама то была весела, то грустила, заглядывала во все уголки дома, перебирая разные старые вещи, слушала восторженные Олины рассказы о хуторе, об окунях и Опухлике, о лосенке, о стрекозах, о Наташе, Лёнике и Косте, о запашистом клевере и ржи, которые она видела с дедушкой в поле, о парном милкином молоке. Большой, как и мама, будет Оля, а это лето, прожитое в Рыжиках, не забудет. Оно навсегда поселится в ее чистой детской душе.

На кухне у дверного косяка мама увидела вырезанную ножом метку и подошла к ней. Метка доходила ей до пояса.

— А ну-ка и ты, Оля, встань сюда,— попросила мама.

Метка была чуть ниже Олиной головы.

— Вот оно как! — сказала радостно мама. А это ведь моя метка-то, мне тогда восемь лет было, когда ее твой дедушка вырезал. Значит, ты выше меня выросла, вон на сколько выше!

Утром из Выселок пришла большая колхозная машина. Мама и Оля сели в кабину. Четыре корзины с грибами и ягодами поставили в кузов. Лёник, Наташа, Костя и Сережа забрались на подножки и висли там до тех пор, пока шофер их не погнал. Бабушка, вытирая слезы, наказывала, чтобы тютюленьку в поезде к дверям и окнам не подпускали. А дедушка весело подмигивал Оле и улыбался, теребя бороду. Перо для Оли он нашел, только не от удода, а от козодоя. Перо удода обещал прислать в посылке с лесными орехами, которых он каждое лето набирает по два мешка...

Шофер завел мотор, посигналил, и машина тронулась. Бабушка, дед и ребята замахали руками. А Джек и Цыган еще долго бежали за грузовиком и звонко лаяли, провожая Олю.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД РЕБЕНКА

Новелла ИВАНОВА, специальный корреспондент «Огонька»

Собрать всех Йрсаковых вместе, чтобы сделать вот эту фотографию, оказалось не так-то просто. Мама Милена в ответ на предложение сфотографироваться тряхнула челкой коротко остриженных волос и со смехом спряталась за спину мужа. «Ой, да мы одеты совсем по-домашнему и на карточках плохо получаемся! Верно, Эрик?» Глава семьи молчаливо улыбался, ничуть, впрочем, не смущаясь тем, что предстал перед прессой в стареньких джинсах и майке. Оставалось одно — заручиться поддержкой младших Йрсаковых. Только что ребята были в доме, а теперь кругом тишина и в саду никого не видно... «А где им быть? В избушку, наверное, забрались!» — сказал папа Эрик и повел нас по тропинке к небольшому домику на краю сада. Избушку эту он вместе с ребятами построил недавно, и теперь она пользуется, как он выразился, «бешеным успехом у коллектива». Дело в том, что в домике едва уместились четыре кровати, а желающих пожить здесь вдвое больше — вот и приходится младшим Йрсаковым устанавливать расписание ночевок в избушке.

Вслед за Эриком через крохотные сени, где притулился стол, заваленный деталями от конструкторов, пластилином и книгами, мы шагнули в комнату. Она оказалась пустой... Двухъярусные кровати по обеим стенам, где красовалась целая выставка детских рисунков, делали эту комнату похожей на купе поезда. Над распахнутым окном висело объявление: «Детям до 14 лет не высовываться!» «Зденек написал,— пояснил отец.— Он учится на автомеханика в Остраве и только по пятницам приезжает домой. Это наш самый старший — ему уже семнадцать!» Семнадцать? От 34 я отнимаю 17, и получается... Отец старше сына на семнадцать лет, а мать и вовсе на тринадцать!

В гостях у этой необычной семьи я непрерывно занимаюсь арифметикой: то складываю, то вычитаю. Заглядываю в блокнот, куда со слов Милены записаны даты рождения детей. Вслед за Зденеком идет Карел — ему 14, потом одногодки Радка и Алена — обеим по двенадцати лет, Петеру — десять, а Ирене и Яночке — по девяти. Самые младшие — пятилетний Роберт и общий любимец Павлик — ему всего год и семь месяцев.

Из сада возвращаемся во двор, где на веревках развешены ползунки, штанишки, майки, кофточки, рубашки и целая вереница носков. Сколько же приходится Милене стирать и гладить изо дня в день! Опять арифметика? Нет, на сей раз педагогика: я уже видела домашнюю прачечную, оборудованную в подва-

ПАПА, МАМА И ДЕВЯТЬ ЙРСАКОВЫХ

ле рядом с мастерской, где папа Эрик учит сыновей слесарным и столярным работам. Прачечная как прачечная — стиральная машина, гладильный аппарат, бельевые корзины и... расписание, где рукой Милены написано, кто из девочек и когда будет помогать маме. Кстати, там же я увидела коляски с куклами. Четыре дочки — четыре коляски. А чья же пятая, где сидит большая нарядная кукла? «Это моя кукла! — серьезно сказала мама Милена.— Я сберегла ее с детских лет, и теперь девочки по очереди с ней играют!» Она раскрыла свой детский чемоданчик с кукольным бельем, а потом остальные четыре чемоданчика, и я увидела, что дочки сложили одежду кукол с той же тщательностью, как это сделала мать.

«Дети всегда, и в плохом и в хорошем, подражают нам, взрослым,— сказала пани Йрсакова.— Мы с Эриком хотим научить их всему тому, что умеем делать сами. Ребята должны с удовольствием участвовать в домашних делах, и мы стараемся, чтобы это было для них как бы продолжением игры!» «Это и есть главный педагогический секрет семьи Йрсаковых?» — спросила я. «Да нет у нас никакого секрета! — рассмеялась Милена. — Каждый ребенок — это целый мир, мир особый и неповторимый, и постичь его можно только с любовью!»

...Первым из детей Йрсаковых, с кем я познакомилась, был Петер. В семье его называют «булочка», и в тот день у «булочки» были большие неприятности. Увидав издали понурую фигурку мальчика, возвращавшегося из школы, Милена сказала: «Опять несет плохую отметку по математике!» Румяный, крепко сбитый паренек, спотыкаясь, опустив голову, подошел к матери. Я приготовилась стать свидетелем заслуженного разноса, но этого не произошло. «Что, сынок, неудачный у тебя сегодня день? — сочувственно спросила мать и, увидев слезы, выступившие на глазах паренька, ласково потрепала его вихры: — Ну-ну, не огорчайся. Сегодня вечером хорошо с тобой позанимаемся, и завтра отметку исправишь!» Приободрившись, мальчуган убежал в дом, и я спросила у Милены: неужели ей не приходится наказывать детей? Она удивилась вопросу. «Ну разве можно наказывать Петю за то, что он неспособен к математике? А какие он пишет сочинения — он у нас в семье главный книголюб!— И, помолчав, прибавила: — Вот с наказаниями у меня не получается. Дети даже подтрунивают надо мной, говорят: ты нас, мама, только обещаешь наказать, но не наказываешь! Не знаю... может быть, если бы я родила всех этих ребятишек, то я имела бы право быть с ними гораздо строже...»

Тут, пожалуй, я должна сделать небольшое отступление и объяснить, почему я оказалась в доме Йрсаковых. Однажды мой чехословацкий коллега рассказал историю появления «детских вестничек» — детских деревенек. По радио и телевидению прошла целая серия передач, которая сразу вызвала огромный интерес у всего населения. Известные педагоги, детские врачи, психологи, представители министерства здравоохранения рассказали в этих передачах об интересном социальном эксперименте, который мог быть осуществлен только в социалистическом государстве. Речь шла о том, чтобы вернуть утраченное семейное счастье осиротевшим девочкам и мальчикам, которые живут в детских домах. Казалось, не было особой причины волноваться за судьбы этих детей — они окружены заботой, рядом прекрасные воспитатели. И все-таки ни один,

В первом ряду — Павлик, папа Эрик, Карел и Петер. **Во втором ряду** — Аленка, Иринка, Яночка, мама Милена и Радка. **Третий ряд** — бабушка, дедушка и Роберт.

Фото автора

даже самый лучший в мире детский дом не заменит ребенку атмосферу домашнего, семейного счастья! А что если попробовать создать «новые семьи» для таких ребят? Кто хотел быть и кто мог бы стать матерью, отцом в такой семье? В диспутах о том, какой должна быть новая семья, принимали участие самые разные люди. В редакции посыпались письма от тех, кто готов был пройти многочисленные тесты-испытания на право создать новую семью. Писали бездетные супруги, одинокие женщины, люди, имеющие собственных детей. И вот неподалеку от Карловых Вар появилась первая «детская деревня», где поселились самые первые «новые семьи».

Меня очень заинтересовала эта история, и, оказавшись в Праге в командировке, я отправилась в министерство труда и социального обеспечения, чтобы познакомиться с одной из таких семей. Доктор Власта Брабльцова, которая возглавляет отдел охраны прав матери и ребенка, хорошо помнила рождение первых «детских весничек». «Да, мы тогда искали новую форму воспитания осиротевших детей, которая бы приближалась к идеальной, семейной атмосфере, — рассказала она. — По мнению специалистов, такая семья могла бы иметь две модели. Первая — мать и несколько детей разного возраста. Вторая — полная семья, где было бы также не меньше трех-четырех детей. Государство бесплатно предоставляет таким семьям дом и оплачивает все расходы по его содержанию, включая коммунальные услуги. Была предусмотрена также система опекунских пособий детям до достижения совершеннолетия. Кроме того, «матерям» в таких семьях местные национальные комитеты выплачивают ежемесячную зарплату до 2000 крон (около 200 рублей)». На прощание пани Брабльцова вручила мне несколько брошюр о системе социального обеспечения в Чехословакии и адрес новой семьи, которая живет в горном поселке Хостине, всего в двух часах езды на машине от Праги. Это был адрес Йрсаковых.

...Вместе со мной в эту поездку отправился сотрудник министерства Богумил Прудил, который уже бывал у Йрсаковых. По дороге он рассказал историю этой семьи. Милена родом из Хостине. Тут живут ее замужняя сестра и родители. Отец прежде работал в милиции, а теперь ушел на пенсию, а мать до сих пор воспитательница в школьной группе продленного дня. Ну, а у Эрика никого из родных нет. Вырос в детдоме, окончил после школы ПТУ, стал забойщиком на шахте в Остраве. Ему только исполнилось 23, когда он познакомился с Миленой, и он решил, что лучшей жены не сыскать. Ей было 19, она работала медсестрой в городском родильном доме. Сыграли свадьбу. Появилась Радка, а за ней Петер. Девочке было шесть лет, а мальчику — четыре, когда Милена пришла с работы в слезах. Ночью осиротел малыш, он родился недоношенным, и врачи опасаются за его жизнь. «Эрик, давай возьмем его! Где двое, там и трое вырастут!» Он не возражал, а дети ликовали. Так в семье появился Роберт, или, как его прозвали, Бобо. Трое ребятишек в семье — разве этого мало? Соседки хвалили Милену, называли хорошей хозяйкой и матерью, но о том, как за день она уставала, знала только она сама. Дети росли, не вылезая из болезней, особенно тяжело досталось родителям Бобо. И все-таки они его выходили! Малышу исполнилось два года, когда в Хостине случилось огромное несчастье — умерли приемные родители шестерых ребятишек, которых они взяли в разное время в свою «новую семью» из детских домов. И вот теперь эти ребята осиротели во второй раз...

— Было много желающих взять детей из Хостине, — рассказывал Богумил Прудил,— но после долгих и серьезных обследований, через которые прошли несколько семей, было решено, что лучше всего ребятам будет у Йрсаковых. Почему мы так решили? Вот познакомьтесь с ними сами и поймете!

...Два часа пути пролетели незаметно. На обочине дороги мелькнул указатель: «Вас приветствует Хостине!». Тихими, поросшими травой улочками подъезжаем к двухэтажному дому из серого камня. Он стоит высоко на пригорке, ветер развевает белые занавески на окнах. Из дома навстречу машине выскочила девушка в голубом брючном костюмчике и проворно кинулась отворять ворота. «Неужели это мама Милена?» — с сомнением спросила я у пана Прудила. «Именно она!» — ответил он и помахал «девушке» рукой. Машина остановилась у крыльца. «Здравствуйте!— по-русски сказала мама Милена.— Мы очень рады гостю из Москвы!» «Ты говоришь — «мы», а я что-то не вижу ни Эрика, ни детей!» — удивился Богумил. «Ребята скоро вернутся из школы, дома двое малышей, а Эрик, как всегда, возится в саду!»— ответила хозяйка и пригласила нас в дом. Дом сверкал поразительной чистотой. В маленькой, скромно обставленной гостиной я обратила внимание на ковер, сотканный из ярких шерстяных ниток. «Это Эрика работа! — сказала Милена.— Он старшему сыну ко дню рождения сделал коврик с ракетой на голубом небе».

Ай да папа Эрик, работает на шахте да еще находит время на это!

«По вечерам мы редко смотрим телевизор, — объяснила Милена. — Собираемся тут, в гостиной: мы с девочками что-нибудь шьем или вяжем, а муж или над ковром «колдует», или что-нибудь с мальчиками мастерит!»

Меня заинтересовало, как в этой большой семье распределяются обязанности. Работа в больнице приучила Милену к четкой системе порядка, недаром ее дома зовут «наш генерал». Родители сразу же договорились, кто за что отвечает. За уроки — мама, папа — за сад и огород (подвал заставлен банками с домашними соленьями и вареньями). Обеды и стирка — мамина забота, а покупка продуктов, ремонт — папина. И, конечно, во всем участвуют дети. Пани Йрсакова показала расписание дежурств на неделю. Ребята дежурят парами — старший с младшим. Одна пара помогает в кухне, другая — в столовой и с уборкой дома, а третьей поручаются заботы о курах, цыплятах и собаке. Встают в этом доме, как, впрочем, повсюду в Чехословакии, очень рано, а через час в доме остаются только мама Милена, Бобо и Павлик.

«Когда все разойдутся по своим делам, у меня наступает самая горячая пора,— говорит Милена, — частенько забегают ко мне отец и мама — мои неоценимые помощники. А в пятницу ребята по очереди отправляются ночевать в гости к дедушке и бабушке, которая обязательно печет для них пирог. Такой вкусный пирог у меня почему-то не получается никогда!»

Ну а какая Милена отличная кулинарка, мы убедились сами, отведав ее домашний обед. Эрик к этому времени закончил работу в саду и сел за стол, не спуская с рук черноглазого белокурого малыша Павлика.

«Как вам кажется,— с улыбкой спросил пан Йрсаков,— на кого наш Павлик больше похож — на папу или маму?»

«Конечно, на меня! — воскликнула Милена.— Наши дети считают: Роберт — вылитый ты, а все остальные похожи на меня!»

Павлик родился с тяжелым пороком сердца, и родная мать оставила мальчика в больнице: «К чему мне ребенок-инвалид?» Зато теперь, узнав, что малыш окреп и живет в другой семье, она стала требовать: верните немедленно сына! Волнуясь, со слезами на глазах Милена рассказывает эту историю:

«Мы Павлика ни за что не отдадим! Верно я говорю, Эрик?»

Папа Эрик молча прижимает к себе малыша. «Все будет в порядке. Помнишь, как мы волновались, что нам не дадут ребят из Хостине? А ведь они теперь с нами!»

О тех днях, когда решалась судьба этой детворы, Йрсаковы рассказывали, перебивая друг друга.

МИЛЕНА. Звонок мамы, которая сказала, что детей собираются передать в разные семьи, нас переполошил. Мы сразу решили: нельзя их разъединять. Я позвонила доктору Вере Полачковой, которая уже помогала нам в усыновлении: «Что будет с детьми из Хостине?» «Ищем для них родителей!» «Не ищите, мы с Эриком их возьмем!» «К нам обратились с такой же просьбой другие семьи. Так что ждите, из Праги приедет специальная комиссия, чтобы решить, кому передать этих ребят».

ЭРИК. Надо было пройти серьезные психологические тесты, а в них не меньше ста вопросов. Меня спрашивали, например: «Как ты думаешь, каким тебя считают окружающие?» А Милену «гоняли» по математике и чешскому языку: мать должна помочь ребятам справиться с уроками!

МИЛЕНА. Все прошло отлично, хотя и нервничали мы ужасно. Но самое трудное оказалось ждать встречи с ребятами — на лето их устроили в пионерлагерь. Надо было ждать месяц, а мы не выдержали, собрали вещи, заказали машину и распростились с Остравой. Приехали, стали вещи разгружать. Помогала вся моя родня и еще какая-то девочка с волосами до плеч. Я решила, что это дочка соседей, и спрашиваю: «Девочка, как тебя зовут?» «Зденек»,— ответила «девочка» ломким басом, а мама моя рассмеялась и сказала: «Познакомьтесь — ваш старший сын!» Тут я покраснела, как помидор, а Зденек, молодец, понял, как мне неловко. «Это ничего,— говорит,— меня часто путают с девчонкой! Скажите, когда мы все снова переедем в наш дом?» Он сказал «наш», и я сразу успокоилась, поняла, что мы станем друзьями. Потом уже он признался мне, что остался жить у соседей, ожидая нас, и все волновался, расспрашивал, какие мы. В день нашего приезда паренек с пяти утра вертелся у дома, не спуская глаз с дороги. Зденеку было тогда пятнадцать лет, и он, самый старший среди ребят, был для остальных главным авторитетом.

ЭРИК. Мне он тоже сразу пришелся по сердцу! Закончив уборку в доме, расставив мебель, мы отправились знакомиться с детьми. Зденек поехал, конечно, с нами. Как-то они нас встретят? Какие они? А вдруг мы им не понравимся? Вначале ребята стеснялись, помалкивали. Ну а мы с Миленой и виду не показали, что сами трусим,— все шутили да смешные истории рассказывали. Собрались уезжать, а тут подбегает Яночка, наша цыганочка, и спрашивает: «Папа и мама, когда вы за нами приедете и мы поедем домой?»

МИЛЕНА. Вначале, когда вся семья собралась наконец в сборе, я путала имена. «Как тебя зовут?» — переспрашивала то одного, то другого. Конечно, трудно было вначале и не все шло безоблачно и просто. Тут Зденек нас здорово выручал. Он был тем мостиком, по которому мы прошли к сердцу наших новых детей. Зденек очень переживал, что ребята, возможно, разъедутся по разным домам, и когда узнал, что его семья останется целой, ликовал и старался изо всех сил помочь нам найти с ними контакт!

ЭРИК. Правда, теперь как раз сложнее всего именно с ним, нашим старшим сыном! Он вступил в тот возраст, когда хочется быть независимым. Я прекрасно понимаю его состояние, и порой приходится долго ломать голову над тем, как найти с ним верный тон. И знаете, что помогает? Спорт! Зимой устраиваем во дворе каток, играем в хоккей, ну и, конечно, все увлечены горнолыжным спортом — в этих местах он очень популярен. А летом — пешие прогулки, соревнования в беге, а у мальчишек популярна штанга.

...Интервью с ребятами проходило в песочнице, где в конце концов я и обнаружила всю компанию, которая с воодушевлением воздвигала замок из песка. Я спросила у ребят, кем они хотят стать, когда вырастут.

Петер: «Буду конструктором, хочу машины строить!»

Карел: «Люблю работать в саду. Вот бы вырастить такой сад, чтобы он цвел весь год!»

Радка: «А я буду, как мама, медицинской сестрой».

Иринка: «Хочу работать на заводе!»

Алена: «Буду за лошадьми ухаживать и лечить их».

Яна: «Конечно, певицей стану!» Роберт и Павлик промолчали, ну со Зденеком было и так все ясно: он будет автомехаником. Тут из дома вышла бабушка, пани Мария, с подносом в руках, постояла, послушала и сказала:

«Правильно, все так и будет, ребятки! Ну а пока мойте руки и давайте пить чай с моим пирогом!»

Песочница вмиг опустела. И вот уже мы сидим в саду за столом, и бабушка Мария рассказывает о том, как семнадцать дней гостила она в Москве, Ленинграде, Суздале и Владимире. Это награда за долгие годы работы в школе.

«Будете хорошо учиться,— говорит бабушка,— и сами поедете в Советский Союз, увидите, какие там хорошие ребята живут!»

А потом младшие Йрсаковы устроили в честь гостей маленький спортивный праздник. На помост, где стояла штанга, вышел сначала Карел, а за ним — Петер. Ах, как старался «булочка», но победил все-таки старший брат! За мальчиками выступали девчата. Легкая, стремительная Радка колесом прошлась по помосту, только юбка взметнулась! За ней смешливая Иринка. Будущая певица Яночка не захотела от сестер отстать, тоже крутанулась через голову и сразу же к маме, обняла, зацеловала.

«Милена, сколько же у вас семейных праздников!»

«Ой, много! Я едва поспеваю печь пироги,— отвечает за дочь пани Мария.— В январе — четыре дня рождения, в марте — три, в декабре — тоже три, а в понедельник, как раз в День защиты детей, будем праздновать день рождения моей Миленки. Ребята уже рассказали, какие приготовили ей подарки!»

На прощание и я получила подарок. Карел, о чем-то пошептавшись с отцом, исчез в доме (Эрик потом объяснил, что сын спрашивал, где лежит чешско-русский словарь) и, вернувшись, торжественно вручил мне шахтерскую лампу.

«Это вам на добрую память от нашей семьи!» — по-русски сказал мальчик, а все Йрсаковы дружно поддержали его аплодисментами.

«Ну уж раз такое торжество, то без фотографии на память никак не обойтись?» — спросила я бабушку Марию.

«Конечно»,— согласилась она. Вот так и появилась эта фотография.

Прага — Москва.

Виктор ПРОНИН

ФЕЛЬЕТОН

ПАКОСТНИК

Поскольку речь пойдет о клеветнике, об отчаянном клеветнике, сделавшем это малодостойное занятие чуть ли не основным в своей жизни, давайте попробуем представить: а каков он, этот клеветник? Каковы методы его работы, принципы, если таковые есть? Тема эта разработана достаточно, и не будет ничего удивительного, если у большинства читателей перед мысленным взором возникнет лысоватый пожилой человек, с пакостливым взглядом и спутанными за ушами остатками волос. Вооружившись ученической ручкой с длинным пером, воровато оглядываясь, он исписывает фиолетовыми чернилами замусоленную бумажку, собираясь, видимо, послать ее, как снаряд замедленного действия...

Так вот, клеветник, о котором пойдет речь, не имеет ничего общего с этой картинкой. Разве что за исключением некоторого портретного сходства. В остальном же действия Владимира Исааковича Азарковича лишь подчеркивают ограниченность воззрений карикатуристов, их приверженность штампу. Владимир Исаакович никогда никаких письменных заявлений, жалоб и вообще никаких письменных свидетельств не оставлял, предпочитая свои сочинения исполнять устно. Он отказался от традиционных методов работы и, если можно так выразиться, покинув подполье, вышел на улицу, к людям.

Живет Владимир Исаакович в большом городе Донецке и поэтому, естественно, недостатка в слушателях не испытывал. В сферу своего внимания он включил прохожих, соседей, покупателей ближнего гастронома и даже коллектив целого завода. Да, рабочие, сотрудники управления, вахтеры первого авторемзавода не однажды ощущали на себе пристальное внимание крепкого, сутуловатого, в годах уже, человека с ищущим взглядом. Ведомыми только ему путями проникал он на территорию завода, заглядывал в здание управления, неосторожных перехватывал за проходной, сопровождая их домой, в столовую, в более интимные места.

Дело, оказывается, в том, что на заводе некогда работал в должности главного энергетика Леонид Михайлович Дворкин, по глубокому убеждению Азарковича, очень нехороший человек. Правда, на предприятии о Дворкине были другого мнения. Его уважали за знания, любовь к работе, умение руководить большим коллективом людей — едва ли не полторы сотни человек находилось в подчинении у Леонида Михайловича. Уже выйдя на пенсию, он время от времени на месяц-второй снова приходил поработать на завод в должности мастера.

А вот Азаркович презирает Леонида Михайловича и не скрывает этого. Ну, добро бы молча, в душе презирал, а то ведь нет, презирает деятельно, яростно. Более того, требует, чтобы все вокруг присоединились к нему.

Казалось бы, какое дело Азарковичу, который никогда на авторемзаводе не работал, до того, что думают в коллективе о Дворкине? Объяснить поведение Азарковича, его столь нечистоплотную активность, пользуясь обычными человеческими понятиями, довольно трудно...

Живут они в одном доме. На первом этаже Азаркович, а над ним — Дворкин. Вот и все их точки соприкосновения. Делить им, как говорится, нечего. Жизненного пространства хватает обоим. И не зависят друг от друга ни в чем, но... Но вот не видит Азаркович восхищения и зависти в глазах соседа. А это, оказывается, не так уж мало. Да, и еще: у Дворкина есть машина, а у Азарковича ее нет. И это ему очень обидно. Машина, правда, старенькая, потрепанная, но это уже детали, и для Азарковича они несущественны. А кроме того, Дворкин прожил интересную жизнь, его уважают на заводе, к нему до сих пор захаживают друзья, а к Азарковичу никто не захаживает. И это тоже, согласитесь, очень обидно.

И вот однажды, когда ему было особенно обидно, Азаркович принарядился, надел картуз и отправился на завод, где его сосед работал. Пришел в партбюро.

— Я насчет Дворкина,— сказал.

— А что Дворкин?

— А вы не знаете? Ворует.

— Не может быть!

— Точно. И днем и ночью тащит что попало.

— А вы откуда знаете? — спрашивают.

— Сосед. Все вижу. Не могу молчать. Совесть не позволяет. Это вор, которого свет не видел. Алчный расхититель.

— Хорошо, разберемся,— ответили в парткоме несколько озадаченно. И Владимир Исаакович с чувством исполненного долга отправился домой. Во дворе, как всегда, толпились люди. Азаркович подошел к ним твердым шагом.

— Не слышали? Дворкин попался. Выгоняют с завода.

— Как выгоняют? За что?

— Проворовался. Оказывается, крупный ворюга наш Дворкин. Вот так-то, товарищи дорогие. Повнимательней нужно вокруг себя смотреть. Во время войны, знаете, кем был наш Дворкин? Нет? У-у! Придет время — узнаете. Недолго ждать осталось.

Озадаченные соседи разошлись поделиться печальной новостью, а Азаркович в наступившей тишине вдруг услышал, как поют птички. Да, самые настоящие птички. Тут надобно сказать, что принадлежали оные птички... Да, Дворкину. Любил он послушать их щебетание после производственного гула на заводе. Так вот, послушал-послушал Азаркович невинных птах, попризадумался и засеменил куда-то. И целый кошачий выводок принес,— на суде он не смог даже сказать, сколько у него кошек. Так что не подумайте, будто рассказ о птичках и кошках — досужая выдумка. Ничего подобного. Все это имеющие доказательную силу данные уголовного дела, все подтверждено свидетелями, да и сам Азаркович не отрицал своей кошачьей затеи.

Постепенно, переходя от факта к факту, суд проследил, как менялась, обретала смысл жизнь Азарковича.

Проснулся он однажды утром и вдруг видит — на потолке мокрое пятно. Оказывается, у соседа лопнула водопроводная труба. Бывает. Дворкин сам предложил было закрасить потолок или оплатить ремонт, но Владимир Исаакович и слушать не захотел. На санэпидстанцию он пришел, еще когда двери были заперты. Терпеливо дождался открытия.

— Я насчет Дворкина,— сказал он.— Насчет моего соседа.

— А что случилось? — спросили у него.

— Залил нечистотами. И заметьте, не первый раз. Вы уж будьте добры, повлияйте как-нибудь на хулигана... Невмоготу.

— Хорошо, — ответили. — Придем обязательно.

Попрощавшись, Владимир Исаакович заторопился в милицию. Так, мол, и так, товарищи дорогие, этот бандюга Дворкин все окна побил, сквозняки в доме гуляют, все домочадцы простуженные лежат. Действительно, нехорошо получается, решили в милиции. И отправились наводить порядок. Глядь, а все стекла-то на месте. На земле даже осколков нет.

— Как же так? — спрашивает участковый.

— А вот так! Пришлось самому вставлять!

— Позвольте! — удивляется участковый.— Да здесь замазка от возраста уже окаменела! Не меньше десяти лет назад эти стекла вставлены!

— Кому вы верите,— печально спросил Азаркович,— замазке или живым людям?

Это был тот случай, когда милиция поверила все-таки замазке.

А еще вот какой случай был. Провел Дворкин электричество в гараж. С соблюдением всех необходимых требований, инструкций и так далее — знал он эти инструкции, поскольку сам энергетик. Посмотрел на это Азаркович, вокруг гаража походил, а потом картуз на голову — и в энергосеть.

— Я насчет Дворкина,— сказал.

— А что Дворкин?

— Ворует электричество! Вставляет в счетчик какие-то железки, колесо не крутится, теперь он весь гараж свой иллюминировал, всю ночь светится!

— Да не может быть! — удивляются энергетики.

— Ха! Вы еще не знаете этого Дворкина! Его с завода за хищение выгнали! Недавно милиция к нам приходила — его хулиганские выходки разбирали! Он у санэпидстанции на особом учете! Весь двор загадил! Это еще тот Дворкин!

Возвращается возбужденный Азаркович домой, а Дворкин, тот самый Дворкин, словно бы в насмешку, спокойно так, на машине со двора выезжает по своим делам. Не выдержал Азаркович, встал у ворот, зубы сцепил, руки в стороны растопырил, и все тут.

— Не выпущу,— говорит.— Ты,— говорит,— своей машиной дом расшатываешь!

В общем, с горем пополам выехал Дворкин со двора. Но когда через несколько часов вернулся, первым, кого он увидел, был Азаркович. Он стоял в воротах с видом человека, готового умереть, но не пропустить ненавистного соседа.

Вот до чего ему обидно было.

Оно бы и посмеяться можно, ведь в самом деле смешно. Но только вот Дворкину было не до смеха. От всех этих передряг он на полтора месяца в больницу слег. Сердце сдало. И понятно — за короткий срок у него дома побывали три комиссии с родного завода, трижды приходили с соседнего опорного пункта, из райисполкома товарищи заглядывали, представитель райкома партии побеседовал, народный контроль не остался безразличным к заявлениям гражданина Азарковича, сообщавшего о хищениях Дворкина, о подкупе им официальных лиц. А если сюда добавить многочисленные комиссии из энергосбыта, водоканала, санэпидстанции, то можно понять Дворкина, когда он, едва выписавшись из больницы, немедля отправился в суд.

— Помогите! — взмолился Леонид Михайлович.— Ведь его, то бишь Азарковича, боятся! Боятся его клеветы, беспардонности, его злобности! Стоит ему во дворе появиться — у всех дела находятся, все по квартирам разбегаются!

И вот суд.

Сказать, что судебное заседание было тягостным, унылым, нельзя. Собравшиеся родственники, соседи, свидетели, просто любопытные не скучали. Владимир Исаакович не давал. Думаете, на скамье подсудимых сидел раскаявшийся, изолгавшийся, растерянный и опозоренный человек? Ничуть не бывало. Владимир Исаакович даже столь сомнительную трибуну, как скамью подсудимых, попытался использовать, чтобы сделать еще одну отчаянную попытку открыть людям глаза на злодейства соседа. Но здесь его слова не казались убедительными — слишком очевидной была мелочность, ограниченность, завистливость. Наверно, эти качества есть в душе каждого клеветника, но редко их можно встретить в таком колоритном букете, в такой незамутненной чистоте.

Председательствующий на суде Иван Петрович Дончик, соблюдая все необходимые формальности, спросил у подсудимого, удовлетворен ли тот составом суда.

— Нет! — не задумываясь, ответил Азаркович.— Я вам не доверяю.

— Лично мне? — удивился судья.

— И вам тоже. И всем судьям Ворошиловского района.

— Почему? Какие у вас основания?

— Не доверяю и все. И даю вам отвод.

Отвод, естественно, не приняли, поскольку это был откровенный каприз клеветника — никаких серьезных мотивов тот не имел. Азаркович рассчитывал на то, что осудить его не смогут по той простой причине, что он не оставлял письменных заявлений. Но просчитался, недооценив убедительность свидетельских показаний. Выступившие на суде Юрий Александрович Гордин, Яков Григорьевич Долгоброд, Зиновий Григорьевич Гординский и другие свидетели в полной мере вскрыли настоящее лицо клеветника.

Еще одна важная деталь: состоявшийся над Азарковичем суд был вторым, с первого он попросту ушел, как уходят из кинотеатра, когда фильм не нравится. У двери, правда, оглянулся, помахал прощально рукой, дескать, не взыщите, но скучно тут у вас. Пришел домой, собрал вещички и скрылся из города. Ивану Петровичу Дончику ничего не оставалось, как в полном соответствии с законом изменить меру пресечения. Уж коли подписка о невыезде для Азарковича ничего не значит, пришлось вынести постановление о взятии его под стражу. И его взяли под стражу, как только он появился в городе. Поэтому во время суда у барьера, за которым сидел Азаркович, дежурили конвоиры, как если бы судили особо опасного преступника.

А впрочем, разве Азаркович не особо опасный преступник? Распоясавшийся клеветник, который ложь, наговоры сделал чуть ли не своей профессией, разве он не отравляет жизнь людям, разве он не убивает их своей ложью? Внимание, с которым относились к его словам во многих учреждениях, он истолковал по-своему, решив, что ему все позволено. Ведь за пакостливостью этого человека стояла уверенность, что всюду, куда бы он ни пришел, его со вниманием выслушают, постараются помочь. И он откровенно спекулировал этим, действительно везде находя участие и доброе к себе отношение.

Приговор — два года строгого режима — присутствующие встретили, как говорится в таких случаях, с удовлетворением. Но в зале не было обычного оживления: молча, ссутулившись, вышел Дворкин, за ним потянулись остальные. Слишком уж тягостно было у всех на душе...

А знаете, что сказал Азаркович, выслушав приговор?

— Так это что же выходит? Дворкин хороший, а я плохой, да?

К. П. ЧЕРЕВКОВ

Умер Константин Петрович Черевков, умер наш Костя — старейший боец стального пера, собственный корреспондент «Огонька» по Ленинграду и Ленинградской области с 1951 года. Большая утрата... Черевкова привыкли видеть порывистым, по-юношески шумным, красноречивым и переполненным впечатлениями от очередной командировки. Было в нем, до последних дней жизни сохранялось что-то неуловимо общее для тех, кто закалялся в огне гражданской войны, кого не сломили суровые будни блокадного Ленинграда, кто прошел вместе со сверстниками все пятилетки страны!.. Он так и не успел постареть, уйти на пенсию, наш боевой товарищ по оружию. Поражало его умение выхватить из потока жизни самое главное, интересных людей, горячее событие, штрих славного прошлого... Очевидно, начало собственной биографии, совпавшее с началом биографии молодой Страны Советов, научило его как бы угадывать людей, внешне неброских, но причастных к истории, увлеченных строителей социализма, решительно преодолевавших, казалось бы, непреодолимое. Наш собственный корреспондент был неутомимым репортером, всегда в поиске. Искал, находил и давал репортажи, которые часто в журнале шли «зеленой улицей» сразу из машбюро. А начинал он в рабочей Макеевке; там и получил высокое звание газетчика, навсегда прикипел к делу рабкора, сначала в редакции «Диктатуры труда», а потом в комсомольской газете. Он прожил завидную жизнь, и все страницы его биографии написаны без пробелов, насыщены поступками, прекрасными и поучительными. В первые дни после вторжения фашистских полчищ Константин Черевков ушел добровольцем в батальон ленинградского народного ополчения. Еще до войны он учился и работал в многотиражке Невского машиностроительного завода имени Ленина, а после войны был собкором ТАСС в Алтайском крае, снова работал в Ленинграде. С 1951 года он собственный корреспондент «Огонька» по Ленинграду и Ленинградской области. Родина высоко оценила эту его журналистскую деятельность: ко дню его 70-летия он был награжден орденом «Знак Почета».

Огоньковцы никогда не забудут своего доброго друга, прекрасного товарища, неутомимого оперативного советского журналиста, показывавшего пример верного служения делу Коммунистической партии.

Огоньковцы

РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТ МИНИСТЕРСТВО

«галантерейная чеканка»

Министерство торговли СССР рассмотрело заметку «Галантерейная «чеканка», опубликованную в журнале «Огонек» (№ 47, 1978), и сообщает, что министерствам торговли союзных республик дано указание проверить состояние дел с выпуском чеканных изделий, обратив особое внимание на их качество и ассортимент, рассмотреть вопросы по укреплению художественных советов высококвалифицированными специалистами и художниками. Торгующим организациям запрещено принимать указанные изделия, выполненные на низком художественном уровне.

По заметке «Таков вопрос. Каков ответ?» («Огонек» № 44, 1978) сообщаем, что в связи с ограниченным производством лент для пишущих машин потребность в них торгующих организаций в течение длительного времени не удовлетворяется. Рыночные фонды, выделяемые Союзглавбумом при Госснабе СССР, на протяжении ряда лет не увеличиваются и составляют лишь 32—35 процентов потребности. В настоящее время работа по увеличению рыночных фондов на ленту для пишущих машин продолжается.

Что касается развития сети специализированных магазинов, то Министерством торговли СССР и его органами на местах принимаются меры к расширению такой сети. Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию торговли» поручено промышленным министерствам, предприятия которых выпускают товары народного потребления, открывать специализированные фирменные магазины.

В целях оказания помощи промышленным министерствам в развитии сети фирменных магазинов Министерством торговли СССР разработан и направлен на согласование проект приказа, в котором определены перечни типов специализированных фирменных магазинов промышленных министерств. В частности, Минприбору, являющемуся головным по производству средств оргтехники, предоставлено право открывать специализированные фирменные магазины по продаже средств оргтехники, выпускаемых предприятиями отечественной промышленности.

Заместитель министра торговли СССР
С. Е. САРУХАНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Теперь и Министерство торговли СССР энергично вмешалось в решение проблем, возникших вскоре после того, как антихудожественные, попросту говоря, халтурные поделки заполонили рынок. «Чеканку» до сих пор продают в вокзальных киосках, в современнейших универмагах и даже в книжных магазинах. А уж о предприятиях, торгующих сувенирами, и говорить не приходится.

Торгующие организации просто напросто обязаны не принимать изделия, «выполненные на низком художественном уровне». Свое слово должен сказать и Центросоюз — сельскую торговлю тоже необходимо оградить от халтуры.

Что же касается фирменных магазинов оргтехники, то вопрос этот мы вслед за заместителем министра торговли адресуем руководству Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления. Впрочем, не только ему — средства оргтехники в нашей стране выпускают предприятия и организации тринадцати министерств. Кто из них первым позаботится о создании фирменных магазинов?

КРОССВОРД

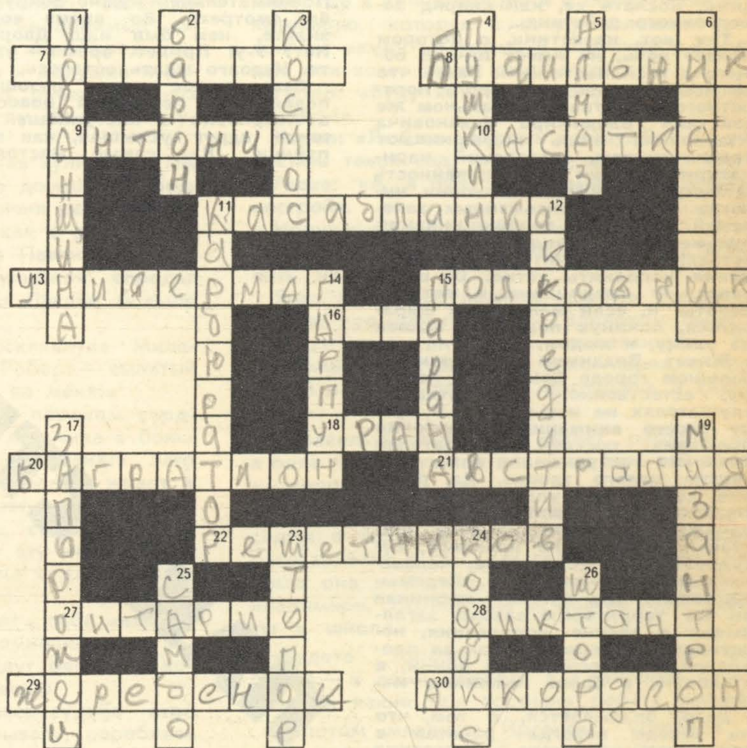
По горизонтали: 7. Электромагнитный аппарат. 8. Разновидность часов. 9. Слово, противоположное по значению другому слову. 10. Морское животное. 11. Порт в Марокко. 13. Магазин. 15. Воинское звание. 16. Река в Италии. 18. Планета. 20. Русский полководец. 21. Материк. 22. Советский живописец. 27. Озеро в США и Канаде. 28. Школьная письменная работа. 29. Рассказ М. А. Шолохова. 30. Музыкальный инструмент.

По вертикали: 1. Опера М. П. Мусоргского. 2. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 3. Вселенная. 4. Великий русский поэт. 5. Драгоценный камень. 6. Изобретатель, разработавший схему реактивного летательного аппарата в конце прошлого века. 11. Прибор для приготовления горючей смеси в двигателях внутреннего сгорания. 12. Денежный документ. 14. Метательное орудие. 15. Штат Бразилии. 17. Название советского автомобиля. 19. Комедия Ж. Б. Мольера. 23. Фигура высшего пилотажа. 24. Свод или перечень правил, инструкций. 25. Спортивная борьба. 26. Оконная занавеска.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали: 7. «Прощание». 8. Питомник. 9. Гортензия. 10. Трасса. 12. Розина. 14. Лимузин. 16. «Трутень». 17. Автокар. 18. Барсова. 20. «Флуераш». 24. Центнер. 25. Индекс. 27. Рябина. 28. Апробация. 29. Либретто. 30. Сонатина.

По вертикали: 1. Штанга. 2. Столяр. 3. Тренажер. 4. Септима. 5. Спиноза. 6. Шиншилла. 11. Статистик. 13. Ортопедия. 14. Ленивец. 15. Нивелир. 19. Академия. 21. «Антигона». 22. Антонов. 23. Ангарск. 26. Сажень. 27. Рязань.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Сергей Долгушин — помощник бурового мастера. (См. в номере материал «Разведчик нефти».)

Фото Дм. Бальтерманца

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В зимнем лесу.

Фото Л. Ковалева (Москва. На фотоконкурс.)

Бой оленей.

Фото В. Кардашевского (Петропавловск-Камчатский. На фотоконкурс.)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 214-33-70; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 212-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 05.02.79. Подп. к печати 20.02.79. А 00624.
Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 541. Заказ № 151.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Рисунок КУКРЫНИКСОВ

МИР С ГНЕВОМ ВИДИТ, ЧТО ТЕПЕРЬ
ОВЕЧЬЮ ШКУРУ СБРОСИЛ ЗВЕРЬ.

Дм. Демин

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663